

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 2073-0861
eISSN 2782-5396

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL PSYCHOLOGY
QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2024, 17 (1)

ISSN 2073-0861
eISSN 2782-5396

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научный журнал

Год основания: 2008

Периодичность: 4 раза в год

Учредитель: ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»
(ФГБНУ «ФНЦ ПМИ»)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Моросанова Варвара Ильинична, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии саморегуляции ФНЦ ПМИ, г. Москва, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Веракса Александр Николаевич, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аванесян Грант Михайлович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, заведующий лабораторией экспериментальной психологии Ереванского государственного университета, г. Ереван, Армения

Галажинский Эдуард Владимирович, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, ректор Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Российская Федерация

Дубровина Ирина Владимировна, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФНЦ ПМИ, г. Москва, Российская Федерация

Зинченко Юрий Петрович, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, директор ФНЦ ПМИ, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Знаков Виктор Владимирович, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии развития Института психологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Карпов Анатолий Викторович, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии, декан факультета психологии Ярославского государственного Университета имени П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Ковас Юлия Владимировна, доктор философии, профессор факультета психологии Голдсмита университета Лондона и Нью-Йоркского университета, г. Лондон, Великобритания

Ковязина Мария Станиславовна, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Лю Цзюань, профессор, доктор филологических наук, директор научно-исследовательского центра изучения России Пекинского педагогического университета, главный редактор китайского журнала «Русская литература и искусство», лауреат Медали Пушкина, г. Пекин, Китай

Нестик Тимофей Александрович, профессор РАН, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Панов Виктор Иванович, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии Института психологии им. Выготского (РГГУ), заведующий лабораторией экпсихологии развития ФНЦ ПМИ, г. Москва, Российская Федерация

Прохоров Александр Октябринович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Казанского (Приволжского) Федерального университета, г. Казань, Российская Федерация

Рубцов Виталий Владимирович, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, президент Московского государственного психолого-педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация

Сингх Пурнима, член Национальной академии психологии (NAOP), доктор философии, профессор, преподаватель факультета гуманитарных и социальных наук Индийского технологического института, Дели, Индия

Смолянинова Ольга Георгиевна, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Российская Федерация

Собкин Владимир Самуилович, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, руководитель Информационно-аналитического центра ФНЦ ПМИ, г. Москва, Российская Федерация

Сыманюк Эльвира Эвальдовна, академик РАО, доктор психологических наук, директор института социальных и политических наук, заведующая кафедрой общей и социальной психологии Уральского федерального государственного университета, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Шульга Татьяна Ивановна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии Московского государственного областного университета, г. Москва, Российская Федерация

Ответственный секретарь: Сурилова Ирина Увадовна, кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Выпускающий редактор: Фомина Татьяна Геннадьевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории Психологии саморегуляции, ФНЦ ПМИ, г. Москва, Российская Федерация

Научный редактор: Луныкова Елизавета Геннадьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Восприятие» факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Литературный редактор, редактор-переводчик: Бурмистрова-Савенкова Анжелика Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории Психологии саморегуляции ФНЦ ПМИ, г. Москва, Российская Федерация

Корректор: Игумнов Андрей Викторович

Верстальщик: Лепина Марианна Борисовна

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-83218

Эл №ФС77-83219

Адрес редакции: 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, строение 4.

Сайт журнала: <https://tepsyj.ru>

Электронная почта журнала: tejournal@mail.ru

© Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований

ISSN 2073-0861
eISSN 2782-5396

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL PSYCHOLOGY

Scientific Journal

Published since: 2008

Publication Frequency: 4 times a year

FOUNDER: FEDERAL SCIENTIFIC CENTER OF PSYCHOLOGICAL AND MULTIDISCIPLINARY RESEARCH
(FSC PMR),

MOSCOW, RUSSIAN FEDERATION

THE JOURNAL IS SUPPORTED BY THE RUSSIAN PSYCHOLOGICAL SOCIETY

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara I. Morosanova, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Laboratory of Self-Regulation Psychology, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Aleksander N. Veraksa, Full Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychology of Education and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Grant M. Avanesyan, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Department of General Psychology, Head of the Laboratory of Experimental Psychology, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Eduard V. Galazhinsky, Full Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Rector of the National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Irina V. Dubrovina, Full Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Chief Researcher at the Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

Yuri P. Zinchenko, Full Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Director at the Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Dean of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Viktor V. Znakov, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Chief Researcher at the Laboratory of Developmental Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Anatoly V. Karpov, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Department of Labor and Organizational Psychology, Dean of the Faculty of Psychology, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

Yuliya V. Kovas, Ph.D., Professor at the Department of Psychology, Goldsmith's University of London and New York University, London, United Kingdom

Maria S. Kovyazina, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Liu Juan, Professor, Doctor of Philology, Director of the Research Center for Russian Studies at Beijing Pedagogical University, Chief Editor of the Chinese journal "Russian Literature and Art", winner of the Pushkin Medal, Beijing, China

Timofei A. Nestik, Professor of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Psychology), Leading Researcher at the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Head of the Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Viktor I. Panov, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department of Differential Psychology and Psychophysiology of the Vygotsky Institute of Psychology, Head of the Laboratory of Ecopsychology of Development, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

Vitaly V. Rubtsov, Full Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Professor, President of the Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

Alexander O. Prokhorov, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychology, Kazan Federal University (Volga Region), Kazan, Russian Federation

Singh Purnima, Member of the National Academy of Psychology (NAOP), PhD, Professor, Lecturer at the Faculty of Humanities and Social Sciences, Indian Institute of Technology, Delhi, India

Olga G. Smolyaninova, Full Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Director of the Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Vladimir S. Sobkin, Full Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Information and Analytical Center at the Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

Elvira E. Symanyuk, Full Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Director of the Institute of Social and Political Sciences, Head of the Department of General and Social Psychology, Ural Federal State University, Yekaterinburg, Russian Federation

Tatyana I. Shulga, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Department of Social Psychology, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Executive secretary: Irina U. Surilova, Cand. Sci. (Psychology), Researcher at the Department of Psychology of Education and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Publishing Editor: Tatyana G. Fomina, Cand. Sci. (Psychology), Leading Researcher at the Department of Self-Regulation Psychology, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

Science Editor: Elizaveta G. Lunyakova, Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher, the Laboratory of Perception, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Literary Editor, Translator: Anzhelika Burmistrova-Savenkova, PhD, Senior Researcher at the Department of Self-Regulation Psychology, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

Proof-reader: Andrey V. Igumnov

Typesetter: Marianna B. Lepina

Mass media registration certificate: № ФС77-83218 Эл.- № ФС77-83219
Editorial office address: 9 building 4, Mokhovaya Street, Moscow 125009,
Russian Federation

Web site: <https://tepsyj.ru>

E-mail: tejournal@mail.ru

© Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research (FSC PMR)

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2006 году

2024 / ТОМ 17 / №1

ISSN 2073-0861

СОДЕРЖАНИЕ

Общая психология

Рябикина З.И., Миронова Е.Р., Лаврова О.А. Особенности проявления субъектных характеристик на поздних этапах жизненного цикла личности (на примере военных пенсионеров)	9
Поликанова И.С. Схема тела и система внутреннего представления движений человека	26
Саенко А.Ю. Взаимосвязь ценностных ориентаций и удовлетворенности потребности в безопасности с отношением к роботам у людей разных поколений	49

Психология образования

Новикова И.А., Бычкова П.А. Отношение к цифровым образовательным технологиям у студентов: определение, диагностика, гендерные особенности	70
Буравлева Н.А., Богомаз С.А. Взаимосвязь инновативных качеств личности с метаценностями, самоорганизацией и удовлетворенностью жизнью у студенток вузов в контексте ресурсного подхода	85

Медицинская психология

Есина Л.В., Выборных Д.Э., Рассказова Е.И., Гемджян Э.Г., Звонков Е.Е., Лукьянова И.А., Моисеева Т.Н., Магомедова А.У. Представления о болезни у пациентов с острыми лейкозами и лимфомами: сравнительное исследование	103
Якупова В.А., Анিকেева М.А., Суарэз А.Д. Материнская депрессия и развитие регуляторных функций ребенка: обзор зарубежных исследований	123

CONTENT

General psychology

Ryabikina, Z.I., Mironova, E.R., Lavrova, O.A.

Peculiarities of manifestation of the agency characteristics in the later stages of a person's life cycle (on example of military pensioners) 9

Polikanova, I.S.

Body schema and the system of mental representation of human movements 26

Saenko, A.Y.

Relationships of value orientations and satisfaction of safety needs with attitudes towards robots among people of different generations 49

Psychology of education

Novikova, I.A., Bychkova, P.A.

Attitudes towards digital educational technologies among university students: concept, measurement, and gender differences 70

Buravleva, N.A., Bogomaz, S.A.

Relationships of innovative personality features with meta-values, self-organization and life satisfaction among university students in the context of resource approach 85

Medical psychology

Esina, L.V., Vybornykh, D.E., Rasskazova, E.I., Gemdzhian, E.G.,

Zvonkov, E.E., Lukyanova, I.A., Moiseeva, T.N., Magomedova, A.U.

Illness representations in patients with acute leukemia and lymphoma: a comparative study 103

Yakupova, V.A., Anikeeva, M.A., Suarez, A.D.

Maternal depression and development of child executive functions: foreign literature review 123

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ / GENERAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/TEP-24-01>

УДК/UDC 159.923.2

Особенности проявления субъектных характеристик на поздних этапах жизненного цикла личности (на примере военных пенсионеров)

З.И. Рябкина, Е.Р. Миронова ✉, О.А. Лаврова

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

✉ jelenamironova@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Выраженная тенденция старения населения в мире определяет актуальность изучения сущностных психологических характеристик личности в поздние периоды ее жизненного цикла и поиска психологических ресурсов сохранения и поддержания субъектности на протяжении всей жизни.

Цель исследования — определить эмпирические параметры субъектных характеристик и проанализировать их специфические проявления на позднем этапе жизненного цикла личности.

Выборка. В исследовании приняли участие 190 респондентов пенсионного возраста: основная выборка — 96 военных пенсионеров, контрольная выборка — 94 гражданских пенсионера.

Методы. Применялись следующие психодиагностические методики: «Краткая шкала измерения самоактуализации» (Jones, Crandall, 1986; Гозман и др., 1995), модифицированная методика Дембо — Рубинштейн для диагностики самооценки «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем» (Сидоров, 2013). Статистический анализ эмпирических данных проводился посредством методов параметрической статистики ($M(\bar{x})$, t -критерий Стьюдента, r -коэффициент линейной корреляции Пирсона), с применением процедур кластерного анализа (иерархическая кластеризация).

Результаты. В качестве эмпирических параметров субъектности личности в пенсионном возрасте обоснованы уровень самоактуализации и уровень самооценки в прошлом, настоящем и будущем. У большинства респондентов — военных пенсионеров диагностирован средний уровень самоактуализации, при этом наиболее высокие значения самооценки отмечены в прошлом, а самые низкие значения относятся к будущему. Статистически подтвержден более низкий уровень самооценки по всем шкалам и во все периоды жизни у военных пенсионеров по сравнению с гражданскими. В результате иерархической кластеризации в группе военных пенсионеров выявлены три типа субъектности личности, различающиеся характерным сочетанием отдельных субъектных параметров и социально-демографической спецификой: «утраченная субъект-

ность», представленная среди неработающих военных пенсионеров-мужчин; «субъектность, ориентированная в прошлое», характерная для военных пенсионеров-женщин и военных пенсионеров старших возрастных категорий (60+); «сохраненная субъектность» — у работающих военных пенсионеров-мужчин.

Выводы. Теоретически обоснована, конкретизирована в контексте задач исследования позднего возрастного периода личности и эмпирически подтверждена эвристичность субъектного подхода к интерпретации психологических особенностей пенсионеров. Акцентирована важность рассмотренного пенсионного периода как обусловленного особенностями ранее пройденных жизненных этапов с различной предшествующей историей. Прежде всего, это связано с тем, какое место занимала личность в социальной структуре и каким социальным регламентам была подчинена ее жизнь. В частности, это касается дифференциации военных и гражданских лиц, проживающих свою жизнь в различающихся нишах социального бытия со своими укладами и регламентами. Выявленные три типа презентации субъектности личности военных пенсионеров, определяют различные маршруты претворения ими субъектности и различные механизмы ее реализации. При этом отсутствие достоверных различий между военными и гражданскими пенсионерами по показателям самоактуализации свидетельствует о сходстве в проявлениях активности, инициативности, саморегуляции, обеспечивающих человеку и в пенсионном возрасте сохранение «авторства своей жизни».

Ключевые слова: жизненный цикл личности, военные пенсионеры, субъектные характеристики, самоактуализация, самооценка

Для цитирования: Рябикина, З.И., Миронова, Е.Р., Лаврова, О.А. (2024). Особенности проявления субъектных характеристик на поздних этапах жизненного цикла личности (на примере военных пенсионеров). *Теоретическая и экспериментальная психология*, 17(1), 9–25. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-01>

Peculiarities of manifestation of the agency characteristics in the later stages of a person's life cycle (on example of military pensioners)

Zinaida I. Ryabikina, Elena R. Mironova , Olga A. Lavrova

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

 jelenamironova@rambler.ru

Abstract

Background. The pronounced world trend of population aging determines the relevance of studying the essential psychological characteristics of a person in the later periods of his life cycle, the relevance of searching for psychological resources to preserve and maintain a person's agency across the whole life span.

Objectives. The study had its purpose to determine the empirical parameters of the agency characteristics and analyze their specific manifestations in the later stages of a person's life cycle.

Study Participants. 190 pensioners participated in the study. The main sample included 96 military pensioners. The control sample included 94 civil pensioners.

Methods. The study implemented the following psychodiagnostics methods: "Brief scale for measuring self-actualization" (Jones, Crandall, 1986); Dembo — Rubinstein self-esteem assessment tool including "Self in the past", "Self in the present", "Self in the future" (Sidorov, 2013). Statistical analysis of empirical data was carried out using parametric statistics methods ($M(\bar{x})$, Student's t-test, Pearson's r-linear correlation coefficient) and cluster analysis procedures (hierarchical clustering).

Results. The level of self-actualization and the level of self-esteem in the past, present and future are substantiated as empirical — parameters of the subjectivity of an individual at retirement age. The majority of respondents — military pensioners — have an average level of self-actualization, with the highest self-esteem level referred to the past, and the lowest self-esteem level related to the future. The analysis has statistically confirmed a lower level of self-esteem at all periods of life among military pensioners compared to civilians. Hierarchical clustering allowed to identify three types of agency in the military pensioners, differing in the characteristic combination of the agency parameters and socio-demographic specifics: "lost agency" presented among non-working male military pensioners; "agency oriented to the past" — characteristic of female military pensioners and military pensioners of older age categories (60+); "preserved agency" typical for the working male military pensioners.

Conclusions. The authors theoretically substantiated and empirically confirmed the heuristic nature of the agency related approach to the interpretation of the psychological characteristics of pensioners, specified in the context of studying the late period of the personality age cycle. The study results emphasized the importance of considering the retirement period as determined by the characteristics of the previous life stages. This is due to what place a person occupied in the social structure and what social regulations he observed across the life span. In particular, this concerns the differentiation of military and civilian pensioners who live their lives in different niches of social life with their specific structures and regulations. Three types of agency identified in the military pensioners determine different routes to manifest their agency and various mechanisms for its implementation. At the same time, the absence of significant differences between military and civilian pensioners in terms of self-actualization indicates similarities in the manifestations of activity, initiative, and self-regulation, which ensure that a person retains the "authorship of his life" even at retirement age.

Keywords: late stage of the life cycle, military pensioners, self-actualization, self-esteem, agency

For citation: Ryabikina, Z.I., Mironova, E.R., Lavrova, O.A. (2024). Peculiarities of manifestation of the agency characteristics in the later stages of a person's life cycle (on example of military pensioners). *Theoretical and experimental psychology*, 17(1), 9–25. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-01>

Введение

Социально-демографическая структура современного общества характеризуется постоянным увеличением доли людей старших возрастных категорий. Выраженная тенденция старения населения определяет повышение исследова-

тельского интереса к поздним этапам жизненного цикла человека, в том числе, обуславливает и множество вопросов психологического характера. Как объективные изменения бытийного пространства в поздние периоды жизни трансформируют структуру и психологическое содержание личности? Каковы психологические ресурсы, снижающие риски потери субъектности на данном возрастном этапе, обеспечивающие человеку возможность поддерживать свою субъектность на протяжении всей жизни? Критическим для человека рубежом на поздних этапах его жизненного цикла является завершение активной профессиональной деятельности, выход на пенсию. Данный период рассматривается исследователями как один из самых глубоких психосоциальных кризисов личности (Сапогова, 2003; Реан, 2003). Меняется объективное пространство бытия личности. Не менее значимыми оказываются в этот период и внутренние психологические изменения, которые требуют от человека внутренних усилий по переосмыслению, изменению отношения к действительности, к себе, по поиску возможностей и путей реализации своей бытийности в новых условиях.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой способность человека быть активным деятелем своей жизни в ее поздние периоды определяется его субъектностью как комплексным, системным качеством (Маркелова и др., 2017). Если данный период жизни рассматривать как период существенных изменений, то пожилой человек (пенсионер) как субъект жизнедеятельности — это субъект изменений и формирования новых условий своего бытия.

Субъектный подход к изучению личности обоснован в трудах С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского и др. Раскрывая понятие «субъект жизни», С.Л. Рубинштейн акцентирует внимание на его деятельной сущности, предполагающей активность личности в целостном жизненном процессе (Рубинштейн, 1999). К.А. Абульханова отмечает такую сущностную характеристику субъекта как способность инициативно изменять окружающую действительность и себя в отношении к ней (Абульханова, 2003). А.В. Брушлинский использует понятие «субъект» в качестве наиболее обобщающей психологической характеристики личности, связанной с качественно определенным способом самоорганизации, саморегуляции, согласования внешних и внутренних условий активности личности соотносительно с объективными и субъективными условиями деятельности (Брушлинский, 1994).

Сегодня фактически можно говорить о смене научной парадигмы понимания и изучения поздних периодов жизни человека; все активнее заявляет о себе тенденция отношения к поздним периодам жизни как к продуктивным этапам онтогенеза. Полагаем, что субъектный подход может выступать в качестве серьезной методологической основы для изучения потенциалов развития личности на поздних этапах ее жизненного цикла. А.В. Брушлинский ставит вопрос о развитии субъекта, субъектности на протяжении всей жизни человека (Брушлинский, 1996). А.Г. Асмолов пишет о том, что быть личностью — значит осуществлять выборы, возникающие в силу внутренней необходимости и нести

это бремя выбора через всю жизнь (Асмолов, 2001). Представляет несомненный интерес сформулированная Л.И. Анцыферовой концепция развития личности пожилого человека через его личностное самоопределение. Автор анализирует и описывает характерные для данного периода жизни особенности протекания процесса самоопределения, такие как экспериментирование с жизненными ролями, помогающими субъекту обрести себя в новом качестве и продуктивно изменить свою жизнь; интеграция субъектом пройденных этапов жизни, систематизация и переосмысление жизненного опыта для достижения новых целей; продуктивная установка оценивать свою жизнь по критерию успехов и достижений (Анцыферова, 2006). Н.С. Пряжников связывает проявления субъектности личности в пожилом возрасте с уровнем ее самореализации в основных, значимых для человека сферах и выдвигает гипотезу о том, что представления личности об уровне самореализации, возможность быть субъектом своей жизни выступает одним из факторов удовлетворенности жизнью в поздние периоды жизни (Пряжников, 2017). В контексте субъектно-бытийного подхода рассмотрение структуры личности предполагает, что не только бытие выступает внешней причиной, обуславливающей становление личности и ее функционирование, но и пространства бытия личности непосредственно включаются в ее организацию. Опыт реорганизации, преобразования различных пространств своего бытия в течение жизни определяет специфику сущностных субъектных характеристик личности (Рябикина, 2013).

Настоящее исследование имело своей целью выявление специфики проявления субъектных характеристик на поздних этапах жизненного цикла на примере военных пенсионеров.

Процесс развития и становления личности военнослужащего может рассматриваться как процесс изменения содержания отношений «личность — военно-профессиональная среда», как процесс претворения профессиональной субъектности через «овладение» и преобразование объективного пространства военно-профессионального бытия в бытийное пространство личности. Сформированный в период активной профессиональной деятельности образ бытия военнослужащего определяет специфику проявления его сущностных личностно-психологических характеристик при переходе в статус военного пенсионера. Проведенный теоретический анализ позволил нам обозначить некоторые сущностные личностно-психологические характеристики военных пенсионеров, детерминированные профессионально-средовыми факторами и выступающие психологическим ресурсом личности на данном этапе социализации субъекта. В качестве таких характеристик нами были исследованы *особенности ценностно-смысловой сферы; аффективно-когнитивные регуляторы поведения и субъектные характеристики военных пенсионеров*. В рамках фрагмента исследования, представленного в данной статье, мы анализируем особенности проявления субъектных характеристик у военных пенсионеров. В качестве таковых, опираясь на тео-

ретический анализ представлений о субъектности личности, мы рассматриваем уровень самоактуализации и уровень самооценки.

Термин «самоактуализация» в современной литературе используется для характеристики побудительных аспектов личности. В теории А. Маслоу самоактуализация определяется как стремление человека самоосуществиться, самоактуализироваться в различных сферах жизни (Маслоу, 2003). В отечественной психологии феномен самоактуализации связывается с понятием зрелой личности, самостоятельно и осознанно выбирающей содержание и формы своей активности на разных этапах жизненного цикла (Вахромов, 2001; Городилова, 2002; Пучкова, 2003). В.И. Моросанова отмечает, что понятие субъекта подчеркивает активное созидательное начало в человеке, способность к постановке и достижению принимаемых субъектом целей. Субъектность проявляется в первую очередь в самодетерминации, в способности к осознанной саморегуляции активности (Моросанова, 2010). В контексте субъектно-бытийного подхода З.И. Рябикина определяет самоактуализирующуюся личность как меняющую организацию объективных пространств своей жизни в соответствии со структурой личностных смыслов и преобразующую их в пространства своего бытия (Рябикина, 2003).

Таким образом, самоактуализацию мы рассматриваем как субъектную характеристику личности, отражающую непрерывный процесс воплощения человеком своего уникального потенциала через самопреобразования, результатом которых становится обретение внутренней и внешней гармонии.

Вопросы субъектного становления личности в психологии рассматриваются в тесной взаимосвязи с проблематикой самосознания. С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что уровень развития личности пропорционален уровню развития ее самосознания (Рубинштейн, 2003). В работах А.Н. Леонтьева также отражено преобразующее влияние самосознания человека на процессы его собственного развития (Леонтьев, 2005). В работах К.А. Абульхановой-Славской самосознание определяется как важнейшее основание субъектного становления личности (Абульханова-Славская, 2001). В.В. Знаков рассматривает способность к самопознанию, самопониманию, саморефлексии как «ключ к субъектному становлению личности» (Знаков, 2003). Самосознание есть «главная способность» человека, благодаря которой он способен становиться субъектом (автором) собственной жизни (Слободчиков, 2013). В современной психологической науке изучение самосознания приобретает смысл одного из путей в познании субъектного становления личности, поскольку именно в самосознании разворачивается многоплановость ее субъектности (Васягина, 2013).

Таким образом, еще одним субъектным параметром в рамках нашего исследования выступает самооценка личности. Именно самооценке отводится ведущая роль в контексте проблематики самосознания личности. Самооценка рассматривается как стержень этого процесса, как интегрирующее начало и его личностный аспект, органично включенный в процесс самопознания. С самооценкой связы-

ваются оценочные функции самосознания, включающие в себя эмоционально-ценностное отношение личности к себе, отражающие специфику понимания ею самой себя (Захарова, 2012).

Выборка

Были сформированы основная и контрольная выборки респондентов.

В состав *основной выборки* ($N_{осн.}$) вошли 96 военных пенсионеров, проживающих на территории Краснодарского края и Республики Крым.

В *контрольную выборку* ($N_{контр.}$), сформированную для сравнения исследуемых личностных характеристик, вошли 94 гражданских пенсионера. Таким образом, общая выборка исследования составила 190 человек пенсионного возраста.

В ходе исследования были поэтапно реализованы следующие задачи:

1. Определены эмпирические параметры субъектности личности в пенсионном возрасте (на основе анализа теоретических представлений о субъектности личности).
2. Сформирован пакет диагностических методик для диагностики выделенных эмпирических параметров субъектности.
3. Сформирована исследовательская выборка из числа военных и гражданских пенсионеров.
4. Проведена психологическая диагностика эмпирических параметров субъектности у военных и гражданских пенсионеров; проведен сравнительный анализ эмпирических параметров субъектности у военных и у гражданских пенсионеров.
5. Обозначены типологические особенности проявления субъектных характеристик у военных пенсионеров с различными социально-демографическими характеристиками.

Методы исследования

В исследовании были применены следующие психодиагностические методики:

— краткая шкала измерения самоактуализации (Jones, Crandall, 1986; Гозман, Кроз, Латинская, 1995). Шкала позволяет дифференцировать уровень самоактуализации респондентов как высокий, средний или низкий (Хьелл, 2008);

— модифицированная методика Т.В. Дембо — С.Я. Рубинштейн для диагностики самооценки «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем» (Сидоров, 2013). Для диагностики самооценки с учетом целей исследования были использованы шкалы «успех», «самореализация», «счастье». Они позволяют выявить глобальное эмоционально-ценностное отношение индивида к своему Я — уровень самопринятия в настоящий период времени, сравнить его с самооценками по данным шкалам в прошлом, определить уровень притязаний в будущем.

Статистический анализ полученных эмпирических данных проводился посредством методов параметрической статистики ($M(\bar{x})$, t-критерий Стьюдента, r -коэффициент линейной корреляции Пирсона), с применением процедур кластерного анализа.

Результаты исследования

Результаты диагностики с применением краткой шкалы самоактуализации позволили выявить в основной выборке респондентов с разными уровнями самоактуализации. У большинства обследованных военных пенсионеров (56 чел., что составляет 58,33%) диагностирован средний уровень самоактуализации. Высокий уровень отмечен у 18,75% респондентов (18 чел.). Низкий уровень самоактуализации зафиксирован у 22,92% респондентов (22 чел.).

Было проведено сравнение характеристик самоактуализации в основной выборке (военные пенсионеры) и контрольной выборке (гражданские пенсионеры).

В контрольной выборке высокий уровень самоактуализации имеют 24,47% гражданских пенсионеров (23 человека). Более, чем у половины респондентов (51,06% — 48 чел.) зафиксирован средний уровень самоактуализации. Низкий уровень самоактуализации диагностирован у 24,47% испытуемых (23 чел.). Проведенная с применением методов параметрической статистики (критерия углового преобразования Фишера, ϕ^*) проверка не выявила достоверных различий между выборками по исследуемому показателю.

Сравнение уровней самооценки военных пенсионеров в разные периоды жизни показало, что наиболее высокие ее значения по всем шкалам отмечены в прошлом, а самые низкие значения относятся к будущему (Таблица 1).

Таблица 1
Уровни самооценки военных пенсионеров в различные периоды жизни

Шкалы	Уровень самооценки $M(\bar{x}) \pm \sigma$		
	в прошлом	в настоящем	в будущем
Успех (У)	6,02±1,6668	4,87±0,8735	4,65±0,6932
Самореализация (Ср)	6,02±1,5354	5,34±1,1949	4,85±0,8205
Счастье (Сч)	6,40±1,3891	6,21±1,4596	5,93±1,4202

Table 1
Self-esteem levels of military pensioners at different periods of life

Scales	Level of self-esteem $M(\bar{x}) \pm \sigma$		
	past	present	future
Success	6.02±1.6668	4.87±0.8735	4.65±0.6932
Self-realization	6.02±1.5354	5.34±1.1949	4.85±0.8205
Happiness	6.40±1.3891	6.21±1.4596	5.93±1.4202

Достоверность различий между периодами подтверждена применением статистического t-критерия Стьюдента (Таблица 2).

Таблица 2
Сравнительный анализ уровней самооценки военных пенсионеров в разные периоды жизни

Шкалы	Сравниваемые периоды (t-критерий)		
	Прошлое — настоящее	Настоящее — будущее	Прошлое — будущее
Успех (У)	t = 7,6; $p < 0,01$	t = 4,4; $p < 0,01$	t = 9,7; $p < 0,01$
Самореализация (Ср)	t = 6,8; $p < 0,01$	t = 5,4; $p < 0,01$	t = 9,0; $p < 0,01$
Счастье (Сч)	t = 3,3; $p < 0,01$	t = 4,0; $p < 0,01$	t = 5,3; $p < 0,01$

Table 2
Comparative analysis of the military pensioners' self-esteem in different periods of life

Scales	Comparable periods (t)		
	past — present	present — future	past — future
Success	t = 7.6; $p < 0.01$	t = 4.4; $p < 0.01$	t = 9.7; $p < 0.01$
Self-realization	t = 6.8; $p < 0.01$	t = 5.4; $p < 0.01$	t = 9.0; $p < 0.01$
Happiness	t = 3.3; $p < 0.01$	t = 4.0; $p < 0.01$	t = 5.3; $p < 0.01$

По шкале «счастье» во все периоды жизни отмечен наиболее высокий уровень самооценки военных респондентов. Наименьший уровень самооценки во все периоды отмечен по шкале «успех».

Сравнение уровней самооценки в разные периоды жизни у гражданских пенсионеров показало аналогичные основной выборке тенденции. Наиболее высокие значения уровня самооценки по всем шкалам отмечены в прошлом, наименьшие значения относятся к будущим периодам жизни. Сравнение уровней самооценки по шкалам позволяет говорить о том, что наиболее высокий уровень самооценки зафиксирован по шкале «счастье». Стоит отметить, что уровень самооценки по данной шкале менее всего подвержен изменениям в разные периоды жизни (Таблица 3).

Несмотря на выявленные сходные тенденции в сравниваемых выборках, можно говорить о статистически достоверных различиях между ними по ряду показателей в разные периоды жизни. Отметим в целом более высокий уровень самооценки по всем шкалам и во все периоды жизни у гражданских пенсионеров по сравнению с военными. Достоверность различий подтверждена ($p < 0,05$) по шкалам «успех» ($t = 2,0$) и «самореализация» ($t = 2,1$) в прошлом. Уровень самооценки по данным шкалам в прошлом выше у гражданских пенсионеров по сравнению с военными.

Также можно говорить о том, что и в настоящий период жизни у гражданских пенсионеров достоверно более высок ($p < 0,05$) уровень самооценки по шкалам «успех» ($t = 2,1$) и «самореализация» ($t = 1,8$).

Как уже было отмечено выше, в рамках исследования нами была проведена диагностика таких существенных личностных характеристик военных пенсионеров, как особенности ценностно-смысловой сферы, аффективно-когнитивные регуляторы поведения и субъектные характеристики. Иерархическая кластеризация

полученных диагностических данных позволила зафиксировать три типа презентации психологических особенностей личности, различающихся у военных пенсионеров характерным сочетанием обозначенных выше личностных параметров и имеющих специфическую социально-демографическую представленность.

Таблица 3
Сравнительный анализ уровней самооценки гражданских пенсионеров в разные периоды жизни

Шкалы	Уровень самооценки $M(\bar{x}) \pm \sigma$		
	в прошлом	в настоящем	в будущем
Успех (У)	6,47±1,5570	5,18±1,0871	4,85±0,7753
Самореализация (Ср)	6,49±1,4864	5,65±1,2830	5,03±0,8853
Счастье (Сч)	6,71±1,3329	6,58±1,3150	6,03±1,2131
Среднее значение уровня самооценки по периодам	6,55	5,8	5,3

Table 3
Comparative analysis of the civil pensioners' self-esteem in different periods of life

Scales	Level of self-esteem $M(\bar{x}) \pm \sigma$		
	past	present	future
Success	6.47±1.5570	5.18±1.0871	4.85±0.7753
Self-realization	6.49±1.4864	5.65±1.2830	5.03±0.8853
Happiness	6.71±1.3329	6.58±1.3150	6.03±1.2131
Average self-esteem level by period	6.55	5.8	5.3

Социально-демографический портрет респондентов, вошедших в первый кластер (*ВнКл.1*), может быть описан следующим образом: неработающие военные пенсионеры — мужчины, средний возраст которых составляет $56,73 \pm 8,5616$ лет. В данный кластер вошли 23 респондента, что составляет 23,96% выборки.

Во второй, наиболее многочисленный кластер (*ВнКл.2*) вошли 53 респондента, что составляет 55,21% выборки. Среди них 32 респондента (60,38%) — мужчины, 21 респондент (39,62%) — женщины. Социально-демографический портрет данного кластера наименее однороден (по сравнению с другими кластерами). Следует отметить, что все респонденты-женщины оказались включены в данный кластер. В него вошли как работающие, так и неработающие военные пенсионеры. Средний возраст респондентов составил $69,86 \pm 5,4700$ лет, что позволяет описывать военных пенсионеров, вошедших в данный кластер, как более возрастных по сравнению с другими кластерами.

В третий кластер (*ВнКл.3*) вошли 20 респондентов (20,83% выборки). Социально-демографический портрет данного кластера представлен работающими военными пенсионерами-мужчинами, средний возраст которых составляет $55,6 \pm 3,6459$ лет.

В рамках данной статьи рассмотрим выявленные типологические особенности проявления субъектных характеристик у военных пенсионеров.

Среднегрупповое значение уровня самоактуализации у респондентов в группе *ВнКл.1* соответствует низкому уровню ($M(\bar{x}) = 12,35 \pm 5,749$), что может проявляться в отсутствии целей, стремления реализовать себя, свой потенциал, в боязни неудач, сложностей, в зависимости от мнения других людей, выраженной потребности в одобрении со стороны. Невысокий уровень оценки себя и жизненных событий в этой группе одинаково характерен для разных периодов жизни: как для прошлого ($M(\bar{x}) = 5,57$), настоящего ($M(\bar{x}) = 4,98$), так и для будущего ($M(\bar{x}) = 4,71$). Отмеченные особенности позволяют охарактеризовать неработающих военных пенсионеров-мужчин в данной группе как утративших субъектность, не имеющих достаточных психологических ресурсов для самореализации в новых условиях своего бытия. Учитывая социально-демографические характеристики респондентов данной группы, можно предположить, что потеря субъектности обусловлена изменениями в профессиональном статусе, завершением активной профессиональной деятельности.

У респондентов в группе *ВнКл.2* отмечен средний уровень самоактуализации, наличие определенных стремлений к реализации себя, своего потенциала ($M(\bar{x}) = 29,98$). Невысокий уровень оценки себя и жизненных событий характерен для таких периодов жизни, как настоящее ($M(\bar{x}) = 5,26$) и будущее ($M(\bar{x}) = 5,05$), а также для оценки успеха ($M(\bar{x}) = 5,85$) и самореализации ($M(\bar{x}) = 5,87$) в прошлом. Более высокий уровень характеризует представления респондентов о счастье в прошлом ($M(\bar{x}) = 6,25$). Таким образом, вошедших в данную группу респондентов можно охарактеризовать как «субъектов своего прошлого». Возможно, позитивная «ретроспективная» субъектность может стать ресурсом для поиска сфер и возможностей проявления субъектности и в актуальный период жизни.

Субъектные характеристики респондентов в группе *ВнКл.3* имеют, в сравнении с другими кластерами, более высокий уровень сформированности, а именно, высокий уровень самоактуализации ($M(\bar{x}) = 46,4$) и средний уровень самооценки во все периоды жизни по всем измеренным параметрам (счастье, успех, самореализация). Таким образом, вошедшие в данную группу военные пенсионеры характеризуются сохраненной субъектностью, направленностью на поддержание собственной субъектной активности в изменившихся условиях бытия.

Обсуждение результатов

В качестве характеристик субъектности военных пенсионеров рассмотрены уровень самоактуализации и различные параметры самооценки в разные периоды жизни.

Как у военных, так и у гражданских пенсионеров уровень самоактуализации определяется как средний, что позволяет говорить о сформированности у субъекта определенных стремлений к реализации себя, своего потенциала в данный период жизненного цикла. Проявляются также схожие тенденции в сравниваемых

выборках при анализе самооценки: уровень самооценки в разные периоды жизни различается как у военных, так и у гражданских пенсионеров. Более высок уровень самооценки у респондентов в прошлом, что может быть обусловлено активной их включенностью в профессиональную деятельность в этот период жизни, возможными прошлыми профессиональными достижениями, успехами. Результатом происходящих с субъектом в данный период жизни изменений является отсутствие сформированного образа будущего, в том числе и профессионального, отсутствие определенности, непонимание своего места в будущем, что влечет за собой снижение самооценки респондентов в данный временной период.

Самооценка респондентов также имеет уровневые особенности для различных оцениваемых параметров. Независимо от пенсионного статуса в данный период жизни субъект оценивает себя скорее как «счастливого», чем как «успешного». Можно предположить, что понятие «успех» у респондентов в большей степени связано с их самореализацией в профессии, что в пенсионный период жизни оказывается затруднительным в связи с завершением активной профессиональной деятельности. Понятие «счастья», скорее всего, имеет для респондентов более широкое значение, включает в себя и иные (кроме профессиональных) аспекты самореализации, доступные на данном этапе жизненного цикла.

Несмотря на обозначенные общие тенденции, можно отметить некоторые различия в проявлении субъектных характеристик у военных пенсионеров в сравнении с пенсионерами гражданскими. В большей степени различия связаны с количественными характеристиками самооценки респондентов в прошлом и в настоящем. Так, уровень самооценки успешности и самореализации в данные временные периоды у военных пенсионеров достоверно ниже, чем у гражданских, что может быть обусловлено спецификой объективных условий социализации в условиях военно-профессиональной среды (Лаврова, 2020).

Выводы

1. Проведенное исследование позволило теоретически обосновать, конкретизировать в контексте задач исследования позднего возрастного периода личности и эмпирически подтвердить эвристичность субъектного подхода к интерпретации психологических особенностей пенсионеров.
2. Пенсионный период жизни рассмотрен как обусловленный особенностями ранее пройденных жизненных этапов с различной предшествующей пенсионному возрасту историей, связанной, прежде всего, с тем, какое место занимала личность в социальной структуре и каким социальным регламентам была подчинена ее жизнь. В частности, это касается дифференциации военных и гражданских лиц, проживающих свою жизнь в различающихся нишах социального бытия со своими укладами и регламентами.
3. Отсутствие достоверных различий между военными и гражданскими пенсионерами по показателям самоактуализации свидетельствует о сходстве в

проявлениях активности, инициативности, саморегуляции, обеспечивающих человеку и в пенсионном возрасте сохранение «авторства своей жизни».

4. Статистически подтвержденный в исследовании более низкий уровень самооценки у военных пенсионеров по сравнению с гражданскими, вероятно, можно рассматривать как показатель большей критичности бытия личности военного.
5. Выделены три типа презентации психологических особенностей личности военных пенсионеров, различающихся характерным сочетанием субъектных параметров и имеющих специфическую социально-демографическую представленность. Первый тип может быть охарактеризован как «утраченная субъектность». Он представлен преимущественно среди неработающих военных пенсионеров-мужчин. Второй тип («субъектность, ориентированная в прошлое») характерен для военных пенсионеров-женщин и военных пенсионеров старших возрастных категорий (60+). Третий тип проявления субъектных характеристик представлен среди работающих военных пенсионеров-мужчин и может быть определен как «сохраненная субъектность».
6. Выявленные типы презентации субъектности личности военных пенсионеров определяют различные маршруты претворения ими субъектности и различные механизмы ее реализации.

Практическое применение

Множественность факторов, оказывающих дестабилизирующее влияние на субъекта на поздних этапах его жизненного цикла, а также ограниченные возможности субъекта для самостоятельного преодоления негативных влияний определяют важность, актуальность психологического сопровождения субъекта на данном этапе социализации.

Процесс психологического сопровождения военных пенсионеров должен строиться дифференцированно с учетом типологических особенностей проявления их субъектных характеристик в различных социально-демографических группах.

Содержанием процесса психологического сопровождения военных пенсионеров на поздних этапах их социализации должна стать работа с самооценкой субъекта. Коррекция самооценки, повышение на ее основе уровня самоактуализации военных пенсионеров позволит найти новые пути претворения их субъектности, выработать механизмы ее реализации.

Список литературы

Абульханова-Славская, К.А. (2001). *Время личности и время жизни*. Санкт-Петербург: Изд-во Алетейя.

Абульханова, К.А. (2003). *Личность как субъект жизненного пути: Время как фактор изменений личности*. Под ред. А.В. Брушлинского, В.А. Поликарпова. Минск: БГУ.

Абульханова-Славская, К.А. (2001). *Проблема определения субъекта в психологии: Субъект действия, взаимодействия, познания (психологические, философские, социокультурные аспекты)*. Москва, Воронеж: МОДЭК.

Анцыферова, Л.И. (2006). Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. Москва: Институт психологии РАН.

Асмолов, А.Г. (2001). Психология личности. Москва: Изд-во «Смысл».

Брушлинский, А.В. (1994). Проблемы психологии субъекта. Москва: Институт психологии РАН.

Брушлинский, А.В. (1996). Субъект, мышление, учение, воображение. Москва, Воронеж: МОДЭК.

Васягина, Н.Н. (2013). Самосознание как условие субъектного становления личности. *Дискуссия*, 4(34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samosoznanie-kak-uslovie-subektnogo-stanovleniya-lichnosti> (дата обращения: 27.12.2023).

Вахромов, Е.Е. (2001). Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации. Москва: Международная педагогическая академия.

Гозман, Л.Я., Кроз, М.В., Латинская, М.В. (1995). Самоактуализационный тест. Москва: РПА.

Городилова, Е.Н. (2002). Самоактуализация и ее связь с интегральной индивидуальностью: дисс. канд. психол. наук. Пермь.

Знаков, В.В. (2003). Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия. *Психологический журнал*, (24), 95–106.

Захарова, А.В. (2012). Структурно-динамическая модель самооценки. *Вестник практической психологии образования* 4(9), 113–120. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2012_n4/Zakharova

Лаврова, О.А. (2020). Характеристики эмоциональной сферы военных пенсионеров как детерминанты их адаптационной готовности к изменениям в социальном статусе. *Южно-российский журнал социальных наук*, (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-emotsionalnoy-sfery-voennyh-pensionerov-kak-determinanty-ih-adaptatsionnoy-gotovnosti-k-izmeneniyam-v-sotsialnom>. (дата обращения: 04.01.2024).

Леонтьев, А.Н. (2005). Деятельность. Сознание. Личность. Москва: Изд-во «Смысл».

Маркелова, Т.В., Дунаева, Н.И., Шуткина, Ж.А. (2017). Субъектность как свойство личности пожилых людей при адаптации в посттрудовой период. *Проблемы современного педагогического образования*, 55(11), 253–260.

Маслоу, А. (2003). Мотивация и личность. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».

Моросанова, В.И. (2010). Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-osobennosti-osoznannoy-samoregulyatsii-proizvolnoy-aktivnosti-cheloveka> (дата обращения: 14.11.2023)

Пряжников, Н.С. (2017). О факторах и моделях удовлетворенности жизнью в пожилом и старческом возрасте. *Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология*, (4), 85–101.

Пучкова, Г.Л. (2003). Субъективное благополучие, как фактор самоактуализации личности: дисс. канд. психол. наук. Хабаровск.

Реан, А.А. (2003). Психология среднего возраста, старения, смерти. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак.

Роджерс, К. (2006). Взгляд на психотерапию. Становление человека. Москва: Прогресс.
Рубинштейн, С.Л. (2003). Бытие и сознание. Человек и мир. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».

Рубинштейн, С.Л. (1999). Основы общей психологии. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».

Рябикина, З.И. (2003). Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире. Личность и бытие: Теория и методология. Сборник Всерос. науч.-практ. конф. Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т.

Рябикина, З.И., Ожигова, Л.Н., Фоменко, Г.Ю. (2013). Развитие идей субъектного подхода в исследованиях психологов Кубанского государственного университета. *Психологический журнал*, 2(34), 60–69.

Сапогова, Е.Е. (2001). Психология развития человека. Москва: Аспект Пресс.

Сидоров, К.Р. (2013). Методика Дембо — Рубинштейн и ее модификация. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*, (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-dembo-rubinshteyn-i-eyo-modifikatsiya> (дата обращения: 14.11.2022)

Слободчиков, В.И., Исаев, Е.И. (2013). Психология человека: Введение в психологию субъективности. Москва: Изд-во ПСТГУ.

Хьелл, Л., Зиглер, Д. (1997). Теории личности. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».

Jones, A., Crandall, R. (1986). Validation of a short index of self-actualization. *Personality and Social Psychology Bulletin*, (12), 63–73.

References

Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (2001). Personality time and life time. St. Petersburg: Altheia Publishing House. (In Russ.).

Abulkhanova, K.A. (2003). Personality as a subject of life path: Time as a factor of personality changes. In: A.V. Brushlinsky, V.A. Polikarpov (Eds.). Minsk: BSU. (In Russ.).

Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (2001). The problem of defining the subject in psychology: Subject of action, interaction, cognition (psychological, philosophical, sociocultural aspects). Moscow, Voronezh: MODEK. (In Russ.).

Antsyferova, L.I. (2006). Personality development and problems of gerontopsychology. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.).

Asmolov, A.G. (2001). Personality psychology. Moscow: Publishing house "Smysl". (In Russ.).

Brushlinsky, A.V. (1994). Problems of the psychology of the subject. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.).

Brushlinsky, A.V. (1996). Subject, thinking, teaching, imagination. Moscow, Voronezh: MODEK. (In Russ.).

Vasyagina, N.N. (2013). Self-awareness as a condition for the subjective formation of personality. *Discussion*, 4(34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samosoznanie-kak-uslovie-subektnogo-stanovleniya-lichnosti> (access date: 12/27/2023). (In Russ.).

Vakhromov, E.E. (2001). Psychological concepts of human development: self-actualization theory. Moscow: International Pedagogical Academy. (In Russ.).

Gozman L.Ya., Croz, M.V., Latinskaya, M.V. (1995). Self-actualization test. Moscow: RPA. (In Russ.).

Gorodilova, E.N. (2002). Self-actualization and its connection with integral individuality: Cand. Sci. (Psychology), Permian. (In Russ.).

Znakov, V.V. (2003). Psychology of the subject as a methodology for understanding human existence. *Psychological Journal*, (24), 95–106. (In Russ.).

Zakharova, A.V. (2012). A structural-dynamic model of self-esteem. *Bulletin of practical psychology of education*, 4(9), 113–120. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2012_n4/Zakharova (In Russ.).

Lavrova, O.A. (2020). Characteristics of the emotional sphere of military pensioners as determinants of their adaptive readiness for changes in social status. *South Russian Journal of Social Sciences*, (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-emotsionalnoy-sfery-voennyh-pensionerov-kak-determinanty-ih-adaptatsionnoy-gotovnosti-k-izmeneniyam-v-sotsialnom>. (date of access: 01/04/2024). (In Russ.).

Leontyev, A.N. (2005). Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Publishing house “Smysl”. (In Russ.).

Markelova, T.V., Dunaeva, N.I., Shutkina, Zh.A. (2017). Subjectivity as a personality trait of older people during adaptation in the post-work period. *Problems of modern pedagogical education*, 55(11), 253–260. (In Russ.).

Maslow, A. (2003). Motivation and personality. St. Petersburg: Publishing house “Peter”. (In Russ.).

Morosanova, V.I. (2010). Individual characteristics of conscious self-regulation of voluntary human activity. *Moscow University Psychology Bulletin*, (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-osobennosti-osoznannoy-samoregulyatsii-proizvolnoy-aktivnosti-che-loveka> (access date: 11.14.2023) (In Russ.).

Pryazhnikov, N.S. (2017). On factors and models of life satisfaction in old and old age. *Moscow University Psychology Bulletin*, (4), 85–101. (In Russ.).

Puchkova, G.L. (2003). Subjective well-being as a factor of personality self-actualization: Cand. Sci. (Psychology). Khabarovsk. (In Russ.).

Rean, A.A. (2003). Psychology of middle age, aging, death. St. Petersburg: Prime-Eurosign. (In Russ.).

Rogers, K. (2006). Perspectives on psychotherapy. The Becoming of Man. Moscow: Progress. (In Russ.).

Rubinshtein, S.L. (2003). Being and consciousness. Man and the world. St. Petersburg: Publishing house “Peter”. (In Russ.).

Rubinshtein, S.L. (1999). Fundamentals of general psychology. St. Petersburg: Publishing house “Peter”. (In Russ.).

Ryabikina, Z.I. (2003). Personality and its existence in a rapidly changing world. Personality and being: Theory and methodology. All-Russian collection. scientific-practical conf. In: Z.I. Ryabikina, V.V. Znakova (Eds.). Krasnodar: Kuban. state university. (In Russ.).

Ryabikina, Z.I., Ozhigova, L.N., Fomenko, G.Yu. (2013). Development of ideas of the subject approach in the research of psychologists at Kuban State University. *Psychological Journal*, 2(34), 60–69. (In Russ.).

Sapogova, E.E. (2001). *Psychology of human development*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).

Sidorov, K.R. (2013). Dembo-Rubinstein technique and its modification. *Bulletin of Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"*, (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-dembo-rubinshteyn-i-eyo-modifikatsiya> (access date: 11/14/2022) (In Russ.).

Slobodchikov, V.I., Isaev, E.I. (2013). *Human psychology: Introduction to the psychology of subjectivity*. Moscow: PSTGU Publishing House. (In Russ.).

Kjell, L., Ziegler, D. (1997). *Theories of Personality*. St. Petersburg: Publishing house "Peter", (In Russ.).

Jones, A., Crandall, R. (1986). Validation of a short index of self-actualization. *Personality and Social Psychology Bulletin*, (12), 63–73.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зинаида Ивановна Рябикина, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация, z.ryabikina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7396-0115>.

Елена Рубеновна Миронова, кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом и организационной психологии факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация, jelenamironova@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8424-7942>

Ольга Анатольевна Лаврова, соискатель кафедры психологии личности и общей психологии факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация, lavloa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7341-3653>

ABOUT THE AUTHORS

Zinaida I. Ryabikina, Dr. Sci. (Psychology), Professor of the Department of Personality Psychology and General Psychology, Faculty of Management and Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, z.ryabikina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7396-0115>.

Elena R. Mironova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of HR Management and Organizational Psychology, Faculty of Management and Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, jelenamironova@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8424-7942>

Olga A. Lavrova, applicant for Cand. Sci. (Psychology) at the Department of Personality Psychology and General Psychology, Faculty of Management and Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, lavloa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7341-3653>

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/TEP-24-02>
УДК/UDC 159.99, 57.032

Схема тела и система внутреннего представления движений человека

И.С. Поликанова ✉

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

✉ irinapolikanova@mail.ru

Резюме

Актуальность. Изучение ментальных репрезентаций тела человека имеет более чем вековую историю. Несмотря на то, что уже накоплено достаточно много фактов и результатов исследований, до сих пор нет единого понимания схемы тела и образа тела. В русскоязычной литературе данной проблематике посвящено немного работ, несмотря на важность системы внутреннего представления для построения и реализации движений.

Цель исследования — систематизация и анализ данных о схеме тела и образе тела как системах внутреннего представления движений человека.

Результаты. Проведенный анализ литературы показал: большинство исследователей сходятся во мнении, что схема тела и образ тела суть разные неотъемлемые явления и что схема тела или по крайней мере ее части даны человеку от рождения. В процессе жизнедеятельности схема тела играет важнейшую роль в реализации движений, в том числе благодаря обратным связям, интеграции сенсомоторного опыта и разномодальных ощущений. При этом образ тела нельзя рассматривать в отрыве от схемы тела. Он формируется преимущественно на основе интеграции разного рода стимуляции (тактильной, вестибулярной, проприоцептивной, зрительной и др.). В контексте изучения формирования движений критически значимую роль играют также проприоцепция и вестибулярная рецепция. Так, в случае выпадения проприоцепции в первую очередь нарушается образ тела, что приводит к невозможности автоматического выполнения даже простых движений. Однако остается возможность реализации двигательной функции на основе схемы тела.

Выводы. Схема тела, являясь изначально врожденной, представляет собой относительно самостоятельное явление, которое по мере жизнедеятельности, роста, накопления индивидуального опыта (моторного, сенсорного, вестибулярного, проприоцептивного и др.) постепенно корректируется, уточняется и совершенствуется. Образ тела преимущественно формируется прижизненно на основе интеграции информации от проприоцепции, разномодальных рецепторов, сенсомоторной стимуляции и обратной связи.

Ключевые слова: схема тела, образ тела, ментальные репрезентации тела, система внутреннего представления

Финансирование. Работа выполнена в молодежной лаборатории ФНЦ ПМИ «Конвергентное исследование когнитивных процессов для задач комплексной реабилитации с применением технологий виртуальной реальности», созданной в рамках конкурса Минобрнауки РФ.

Для цитирования: Поликанова, И.С. (2024). Схема тела и система внутреннего представления движений человека. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 17(1), 26–48. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-02>

Body schema and the system of mental representation of human movements

Irina S. Polikanova ✉

Federal Scientific Centre of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

✉ irinapolikanova@mail.ru

Abstract

Background. The study of mental representations of the human body has more than a century history. Although quite a lot of knowledge and research results have already been accumulated, there is still no common understanding of the body schema and body image. Despite the importance of the internal representation system for the formation and implementation of body movements, in the Russian-language literature very few works are devoted to this issue.

Objective. The study had its purpose to systematize and analyze data on the body schema and body image as systems of internal representation of human movements.

Results. The literature analysis showed that most researchers agree that body schema and body image are different non-identical phenomena and that body schema, or at least its parts, is innate. In the course of life, body schema plays a crucial role in the implementation of body movements, including through feedback, integration of sensorimotor experience and multimodal sensations. At the same time, the body image cannot be considered in isolation from the body schema. It is formed mainly on the basis of integration of various types of stimulation (tactile, vestibular, proprioceptive, visual, etc.). In the context of studying movement formation, proprioception and vestibular reception also play a critical role. Thus, in case of the proprioception loss, the body image suffers first of all, which leads to impossibility of automatic performance of even simple movements. However, there is still a possibility to realize the motor function on the basis of the body schema.

Conclusion. Body schema, being initially innate, is a relatively independent phenomenon, which is gradually adjusted, refined and perfected in the course of life, growth, and accumulation of individual experience (motor, sensory, vestibular, proprioceptive, etc.). Body image is predominantly formed during one's life on the basis of integration of information from proprioception, multimodal receptors, sensorimotor stimulation, and feedback.

Keywords: body schema, body image, mental representations, internal representation system

Funding. The research has been supported by the Youth Laboratory “Convergent research of cognitive processes for complex rehabilitation tasks using virtual reality technologies” at the Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research.

For citation: Polikanova, I.S. (2024). Body schema and the system of mental representation of human movements. *Theoretical and experimental psychology*, 17(1), 26–48. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-02>

Введение

История изучения схемы тела и образа тела

До конца XIX века телесное сознание воспринималось как совокупность внутренних телесных ощущений. В 1905 году П. Бонье впервые ввел термин «схема» для обозначения их пространственной организации (Bonnier, 1905). С тех пор многие неврологи согласились с существованием ментальных репрезентаций тела, однако появилась путаница в терминологии, в особенности между терминами «схема тела» и «образ тела» (de Vignemont, 2010; Pitron, de Vignemont, 2017; Paillard, 1999). Можно выделить три основных критерия, которыми оперировали авторы для определения и дифференциации схемы и образа тела: доступность для сознания (бессознательная vs сознательная); динамика (краткосрочная vs долгосрочная); функциональная роль (действие vs восприятие). Фредерик де Виньмон проанализировал разные подходы к указанной терминологии и выделил общие свойства ментальных репрезентаций тела (de Vignemont, 2010). В первую очередь он отметил, что большинство авторов сходятся во мнении о существовании отдельных явлений схемы тела и образа тела независимо от определения последнего (образ тела, структурное описание тела, визуально-пространственная карта тела, семантика тела и т.д.), которые не тождественны друг другу. Кроме того, многими авторами подчеркивается тесная связь между схемой тела и сенсомоторной репрезентацией тела, что указывает на особую связь между схемой тела и действием (de Vignemont, 2010).

В 1911 году Хэд и Холмс высказали предположение о том, что в течение жизни у человека на основе опыта, интеграции чувств и ощущений из различных частей тела формируется так называемая «постуральная модель тела», которая активно организует и изменяет «впечатления, производимые входящими сенсорными импульсами таким образом, что конечное ощущение положения тела или локальности поднимается в сознание, заряженное связью с чем-то, что произошло раньше» (Head, Holmes, 1911; Левик, 2012).

В отечественной литературе также существуют различные определения схемы тела. В качестве примера можно привести определение, предложенное в 1973 году Б.М. Величковским, В.П. Зинченко и А.Р. Лурия, которые определяют схему тела

как «...субъективный образ взаимного положения частей тела, возникающий на основе проприоцепции» (Величковский и др., 1973).

Ряд исследователей сходятся во мнении, что схема тела, или, по крайней мере, ее структурные элементы являются врожденными. В доказательство этому, к примеру, А. Мельцгофф приводит пример младенцев, которые уже в первые минуты после родов способны имитировать некоторые движения взрослых (Meltzoff, 1990). Со временем данный механизм все больше развивается и уточняется за счет интеграции разного рода стимуляции (тактильной, вестибулярной, проприоцептивной, зрительной и др.), и в конечном итоге формируется образ тела.

Одно из первых предположений о наличии внутренней модели тела, или схемы тела, было сделано на основе клинических наблюдений фантома ампутированных конечностей (Александров и др., 1997). В. Рамачандран описывает множество случаев, когда люди после потери конечности еще длительное время продолжают ее ощущать и даже чувствовать боль в этой несуществующей конечности (Рамачандран, 2019). Такие фантомные конечности наблюдаются более, чем в 90% случаев (Александров и др., 1997). В. Рамачандран описывает в своей книге случай Мирабель Кумар, которая родилась без рук, но ощущала их фантомы (Рамачандран, 2019). Эти наблюдения позволяют говорить о том, что внутренняя модель тела, или его схема, является врожденной.

Ю.С. Левиком были проведены попытки экспериментального исследования схемы тела на примере ампутационного фантома на здоровых людях в условиях ишемической деафферентации, которая вызывалась либо наложением на плечо специальной пневматической манжетки, либо в условиях сниженного афферентного притока (испытываемый клал расслабленную руку на поверхность стола и закрывал глаза, сверху накладывалось стекло) (Левик, 2012). Ишемическая деафферентация уже с первых минут эксперимента приводила к значительному рассогласованию реального и воспринимаемого положения конечности у всех испытуемых. Восприятие ишемизированной руки чем-то напоминало восприятие ампутационного фантома. Рука подобным же образом «сжеживалась», становилась короче, причем в большинстве случаев особенно укорачивалась кисть (на 5–10% в начале и до 50% при потере чувствительности) (Левик, 2012). Одним из важных выводов данной работы является то, что схема тела содержит перечень константных звеньев тела, которые автономны и независимы от проприоцептивного потока. Кроме того, осознание положения частей тела в пространстве происходит не только на основе схемы тела, но также и на основе афферентного потока. При снижении афферентации происходит нарушение привязки модели к физическому пространству (укорочение руки или ее смещение).

Взаимодействие модели внешнего окружения и внутреннего мира

Считается, что восприятие окружающего мира и взаимодействие с ним строится на основе взаимодействия модели внешнего мира (получаемой сенсор-

ной информации о нем) и модели собственного тела, которая строится мозгом (Gallagher, Cole, 1995). Многие авторы, к примеру, сходятся во мнении, что наш мозг формирует различные виды пространства, в частности внутреннюю модель тела, периперсональное пространство (область хвата руки), дальнее пространство, которые в свою очередь позволяют более эффективно реализовывать двигательную активность и различные действия (Bourgeois et al., 2014; Cardinali et al., 2009).

Наравне с внутренней моделью тела большое значение для изучения схемы тела имеет периперсональное пространство, поскольку многие авторы подтверждают факт его динамичности и изменчивости в течение жизни за счет изменения схемы тела, например, благодаря использованию различных инструментов (Bourgeois et al., 2014; Cardinali et al., 2009). В работе М. Д'Анджело было показано изменение схемы тела испытуемых до и после манипуляции виртуальной рукой в зависимости от расположения этой виртуальной руки в дальнем пространстве либо в периперсональном пространстве (D'Angelo et al., 2018).

В работе Рюсшмейер с коллегами было показано наличие так называемых сенсомоторных лексических репрезентаций на предъявление слов, обозначающих определенные объекты и подразумевающих определенные манипуляции с ними (Rueschemeyer et al., 2010). В данном эксперименте участникам предъявляли два слова: чашка (приближение к телу) и ключ (удаление от тела). Результаты фМРТ-исследования показали, что слова, обозначающие объекты, подносимые к телу, задействуют ресурсы областей мозга, участвующих в обработке информации о человеческом теле (т.е. экстрастриатной области коры, средней затылочной извилины и нижней теменной доли) относительно больше, чем слова, обозначающие объекты, удаляющиеся от тела. Полученные результаты являются убедительным доказательством того, что схема тела имплицитно активируется при обработке лексической информации.

Если допустить, что схема тела является врожденной, а образ тела формируется в процессе жизни на основе интеграции разномодальной стимуляции (зрительной, слуховой, тактильной и др.), то для успешной реализации движений необходимо также наличие обратных связей о ходе исполнения движения, а также положений различных звеньев тела в пространстве. При этом сами движения являются основным источником получения информации о мире. В некоторых случаях сенсорная информация может быть получена только с помощью движений, например, осязательная информация (гаптическое чувство) или зрительная информация, которая получается за счет движений глаз. Таким образом, сенсорные системы организма неразрывно связаны с моторными функциями (Поликанова и др., 2021).

При реализации движения происходит постоянное сравнение выполняемого движения с запланированным благодаря обратным связям. При реализации сложнокоординированных движений, включающих множество кинематических цепей с разномодальными рецепторами, такие обратные связи (или эфферентные копии) оказываются весьма сложными и комплексными. Поэтому для эффектив-

ного построения сложных движений, их координации и контроля над ними необходима внутренняя модель, или схема тела.

Неврологи Патрик Хаггард и Дэниел Вольперт определили семь фундаментальных свойств схемы тела (Haggard, Wolpert, 2005). Согласно их теории, схема тела

- 1) пространственно закодирована: схема тела представляет собой положение и конфигурацию тела как трехмерного объекта в пространстве. Сочетание сенсорной информации (в первую очередь, тактильной и визуальной) способствует представлению конечностей в пространстве. Эта интеграция позволяет локализовать стимулы во внешнем пространстве относительно тела;
- 2) модульна: схема тела не локализована в одной области мозга;
- 3) адаптируема: активные и непрерывные изменения схемы тела постепенно происходят по мере роста и изменения абсолютных и относительных размеров частей тела в течение всей жизни человека;
- 4) супрамодална: объединяет проприоцептивную (ощущение относительного положения соседних частей тела) и тактильную информацию для поддержания трехмерного представления тела;
- 5) когерентна: постоянно поддерживает когерентную организацию благодаря способности разрешать любые различия между сенсорными входами;
- 6) межличностна: используется для представления как собственного тела, так и тел других людей;
- 7) обновляется при движении: рабочая схема тела способна интерактивно отслеживать движения и положения частей тела в пространстве. Мультисенсорные нейроны в премоторной коре способствуют выполнению этой функции, реагируя на тактильные и зрительные стимулы.

До сих пор важнейшим источником информации о схеме тела и его образе, а также их мозговой организации являются клинические случаи нарушений телесности в различных контекстах. Так, Виньмон приводит подробную классификацию таких неврологических нарушений, ассоциированных с нарушениями схемы тела и образа тела (de Vignemont, 2010).

Данной проблеме посвящены ряд диссертационных работ. Так, в кандидатской диссертации Г.Е. Рупчева «Психологическая структура внутреннего телесного опыта при соматизации (на модели соматоформных расстройств)» показано, что пациенты с указанными расстройствами характеризуются отсутствием развитой системы взаимодействия с внутренним телесным опытом, его достоверностью, невозможностью его произвольной регуляции и метафоричностью языка описания (Рупчев, 2001).

В кандидатской диссертации Д.А. Бесковой «Клинико-психологические характеристики внешней и внутренней границ телесности: на модели соматоформных расстройств» (Бескова, 2006) исследовались особенности нормального и патологического психосоматического функционирования и было показано, что границы телесности определяют характер взаимодействия субъекта с окружающим миром.

В работе Р.В. Романова представлен анализ особенностей переживания дистресса, ассоциированного с образом тела, среди носителей различных гендерных идентичностей (Романов, 2022).

Понятие «образа тела» в психологии

Понятие схемы тела нельзя рассматривать в отрыве от образа тела. Как уже отмечалось выше, образ тела формируется преимущественно на основе интеграции разного рода стимуляции (тактильной, вестибулярной, проприоцептивной, зрительной и др.). Вместе с тем в психологии понятие «образ тела» имеет широкое и многоаспектное значение. К примеру, в статье Т.А. Мешковой дается определение образа тела как «...многокомпонентной структуры, в которую входят четыре главных компонента: перцептивный (как человек воспринимает свое тело), аффективный (какие чувства человек испытывает по отношению к своему телу), когнитивный (что человек думает о своем теле, как его оценивает, какие выводы на основе этого делает) и поведенческий (что человек делает в связи с особенностями своего тела)» (Мешкова, 2021).

Термины «образ тела» и «схема тела» появились примерно одновременно в качестве синонимов для обозначения различных ментальных репрезентаций человека (de Vignemont, 2010; Pitron, de Vignemont, 2017; Paillard, 1999). Со временем дифференциация терминов стала более четкой, поскольку были выделены критерии их различия (доступ сознания, динамика, функциональная роль). В частности, схема тела является бессознательной, краткосрочной и связана больше с действием, тогда как образ тела представляет сознательную репрезентацию, долгосрочную и связанную больше с чувствами и восприятием.

Важным этапом в становлении понятия «образ тела» было сделано П. Шильдером, который перенес термин «образ тела» из разряда неврологических явлений в плоскость биопсихологии, предложив изучать его как многогранный феномен, поскольку на него оказывают большое значение (помимо неврологических), в том числе психологические и социокультурные аспекты (Schilder, 1999). По П. Шильдеру образ тела представляет собой сознательную картину собственного тела у индивида, включая зрительные аспекты, тактильные, температурные, болевые и др. Кроме того, имеют место проприоцептивные ощущения и ощущения, которые поступают от внутренних органов. П. Шильдер также говорит о восприятии единства тела, которое он называет телесной схемой (Schilder, 1999).

Среди зарубежных исследований образа тела стоит отметить работы Ф. Шонца и Д. Крюгера, которые рассматривают этот конструкт именно с позиции телесных ощущений (Мешкова, 2021).

В психологии телесности изучается образ тела, который формируется в культурном контексте и может приводить к нарушениям телесных функций и психосоматическим расстройствам при отклонениях от культурных норм.

В отечественной психологии основой научного направления, связанного с изучением образа тела, является культурно-историческая концепция развития психики Л.С. Выготского. Эта концепция предполагает, что все аспекты челове-

ческой жизни, включая тело, формируются в культурно-историческом контексте. Отклонение от культурного пути развития может стать источником нарушений телесных функций и психосоматических расстройств (Татаурова, 2009).

В 1958 году Сеймур Фишер и Сидни Кливленд опубликовали работу «Образ тела и личность», в которой сформулировали понятия «границ образа тела», «барьера» и «проницаемости», отражающие неосознаваемую субъектом «прочность» границ тела (Татаурова, 2009; Мешкова, 2021). Развивая проблему барьерности и проницаемости, А.Ш. Тхостов рассматривает границу телесности как область, где сочетание субъектных и объектных влияний достигает величины, при которой она уже не может рассматриваться как «моя», но еще не может быть отнесена ко «мне-непринадлежащему». Внешняя и внутренняя границы тела связаны с обращением к внешнему и внутреннему миру и пространству (Тхостов, 2022).

Взаимосвязь между «схемой тела» и «образом тела». Роль проприоцепции и кинестезии в формировании схемы тела

При рассмотрении связи между «образом тела» и «схемой тела» возникает еще один важный аспект — соотношение и взаимосвязь сенсорных и двигательных компонентов. Эти процессы взаимосвязаны на уровне движений и проприоцепции. Хорошим примером для демонстрации такого взаимодействия могут служить клинические случаи.

В 1942 году Йозеф Герстман (Gerstmann, 1942) описывает двух пациентов с повреждением правой височно-теменной коры, у которых наблюдалась потеря владения левой рукой и кистью (владение правыми конечностями и остальными частями тела было сохранено). Это состояние получило название соматопарафрения (Critchley, 1950; Gerstmann, 1942; Halligan et al., 1995). Такие пациенты ошибочно считают одну из своих конечностей, чаще всего — контрлатеральную руку, принадлежащей другому человеку. Другая подгруппа пациентов с соматопарафренией может страдать от противоположной картины и атрибутировать руки других людей, когда они представлены в контрлатеральном полушарии, как принадлежащие себе. Недавние работы показали, что интенсивностью соматопарафрении можно манипулировать с помощью различных визуальных, соматосенсорных и когнитивных процедур (Fotoroulou et al., 2011; Vallar, Ronchi, 2009) и что повреждения, приводящие к этому состоянию, локализуются в правой задней части инсулы (Baier, Karnath, 2008).

О. Сакс в рассказе «Человек, который выпал из кровати» приводит пример пациента, которому казалось, что его нога — это не его нога, а чужая отрезанная человеческая нога, и он пытался от нее избавиться (Сакс, 2017).

Могут возникать искаженные представления не только о принадлежности частей тела, но и о их размерах и форме, или, например, иллюзорные движения неподвижных конечностей, отрицание пациентом дефекта. В. Рамачандран в рассказе «Хлопок одной ладонью» приводит пример пациентки с парализованной рукой, которая уверяла, что ей не составляет труда сделать хлопок (Рамачандран, 2019).

Галахер и Кол приводят один весьма важный пример из клинической практики, отражающий отношения между «образом тела» и «схемой тела» (Gallagher, Cole, 1995). Пациент И.В. потерял проприоцепцию и чувство осязания от шеи и ниже. При этом он не потерял способность двигаться, а также чувствовать боль, жар, усталость и др. Все движения этого пациента совершались исходя только из схемы тела. Первое время он был не способен контролировать свое тело, осанку, позу, движения. Однако в процессе двухлетней реабилитации он научился двигаться, ходить, писать, есть, основываясь на зрительной информации. При этом, для того чтобы поддерживать позу и контролировать движения, он должен был держать части тела в поле зрения. При отсутствии зрительной информации, а также постоянного мысленного контроля, он терял способность контролировать позу тела и движения. Например, в темноте он уже не мог контролировать движения. Помимо зрительного контроля, он должен был постоянно концентрировать внимание на движении, т.е. он не мог думать ни о чем другом, кроме совершаемого движения. Таким образом, пациент И.В. потерял основные функциональные аспекты образа тела, а следовательно, возможность совершать движения без зрительного контроля. При этом он компенсировал эту потерю за счет схемы тела.

Оливер Сакс в рассказе «Бестелесная Кристи» описал случай полной потери пациенткой проприоцепции (Сакс, 2017). У Кристины была выявлена полная потеря проприоцепции при незначительных нарушениях осязания и температурной чувствительности. Но по мере лечения и реабилитации Кристина была вынуждена компенсировать отсутствие проприоцепции при помощи зрения и вестибулярного аппарата. Все движения она совершала под контролем зрения, при постоянных волевых усилиях. Ей даже пришлось учиться разговаривать: речь основана на проприоцептивных сигналах от голосового аппарата, которые исчезли.

Как мы видим, роль проприоцепции крайне важна для формирования образа тела. Но говоря о проприоцепции, важно затронуть неразрывно связанную с ней тему кинестезии. Проприоцепцию образует информация, получаемая от периферических рецепторов, на ее основе строится образ тела и, совместно со схемой тела, он позволяет планировать и реализовывать любую двигательную программу. Проприоцепция неосознаваема (но под контролем внимания может и осознаваться). Проприоцепция является компонентом кинестезии. Кинестезия, в свою очередь, рождается на уровне сенсорной коры и осознается. Кинестезия представляет субъекту информацию о движении его тела, тогда как проприоцепция — не только о движении, но и о взаиморасположении частей тела в статической позе и ощущении сокращения мышц. В формировании кинестезии также принимает участие и вестибулярная рецепция (полукружные каналы внутреннего уха), которая и создает «чувство движения». Таким образом, кинестезия формируется на основе проприорецепции, вестибулярной рецепции и на основе интеграции разномодальной стимуляции (зрение, слух, осязание и др.).

Норман Дойдж в книге «Пластичность мозга» описывает случай Черил Шильц, у которой была практически полностью утрачена вестибулярная функция, вследствие чего она была не способна совершать движения из-за чувства падения, которое продолжалось даже после самого падения (Дойдж, 2022). Но при этом у нее не была нарушена схема и образ тела. Основные нарушения были связаны именно с поддержанием постурального баланса и перемещением в пространстве.

Таким образом, мы видим, что вестибулярная функция практически не влияет на схему и образ тела, но ее нарушение может оказывать значительное влияние на кинестезию, а соответственно, и на реализацию движений. Проприоцепция, наоборот, оказывает значительное влияние прежде всего на образ тела. Хотя как при нарушении вестибулярной функции, так и при нарушении проприоцепции реализация любых движений становится крайне затруднительной.

Важным фактом, подтверждающим существование схемы тела, являются нарушения схемы тела, которые часто связаны с корковыми поражениями головного мозга. Одним из таких нарушений является так называемое левостороннее игнорирование, или «геминеглект», при котором происходит игнорирование пациентом половины своего тела, а также внешнего пространства с левой стороны (Coslett, 1998). В работе Кослет было показано, что испытуемые с таким левосторонним пренебрежением, наблюдающимся при поражениях правой теменной доли, с трудом определяют и идентифицируют изображения левой руки, тогда как с идентификацией правой руки такой проблемы у них не возникает (Coslett, 1998). Автор объясняет это тем, что идентификация изображенных рук включает в себя сопоставление стимулов с мысленной репрезентацией своего тела, а соответственно, левостороннее пренебрежение может быть связано с нарушением или отсутствием внимания к схеме тела.

Система отсчета в системе внутреннего представления тела в пространстве

Наши движения, как правило, пространственно ориентированы, так же, как и поза (Леонов и др., 2022). Соответственно, управление позой и движениями требует наличия системы координат, или системы отсчета. Нейрофизиологические данные говорят в пользу существования такой системы внутреннего представления пространства. В различных исследованиях показано, что умственное манипулирование трехмерными объектами аналогично мозговой активации, наблюдаемой при манипуляции реальными физическими предметами (Binkofski, 1999). Таким образом, мы видим, что система внутреннего представления работает не просто с двухмерной проекцией предмета, аналогичной сетчаточному изображению, а с его трехмерной моделью.

Результаты ряда исследований позволяют полагать, что большинство интегративных действий, выполняемых внутренней моделью тела, протекает на подсознательном уровне. Явным доказательством этому являются шейные и вестибулярные «позные» автоматизмы, участвующие в поддержании нормального положения тела и восстановлении нарушенного равновесия у животных. Важным

аспектом такой внутренней модели тела является система координат, или система отсчета. Ю.С. Левиком показано, что в зависимости от ситуации и двигательной задачи организм может использовать систему отсчета, связанную с корпусом, с головой, с внешним пространством или с каким-либо подвижным объектом (Левик, 2012). Переход от одной системы координат к другой влияет не только на восприятие, но и на двигательные реакции.

Существует два вида движений собственного тела, которые мы воспринимаем:

- 1) перемещение всего тела или головы в пространстве. Так, можно перемещаться в пространстве, объективно не производя собственных движений, например, сидя в кресле автомобиля, но даже в этом случае восприятие перемещения в пространстве будет обеспечиваться за счет вестибулярной рецепции;
- 2) перемещение частей тела относительно друг друга. Сигналы о таком движении передаются благодаря проприоцепции с рецепторов суставных сумок (проприоцепторов) и в конечном итоге поступают в тот же отдел мозга, куда поступают и вестибулярные и тактильные сигналы — в сенсорную кору, а именно, — в постцентральную извилину. Хотя вестибулярная рецепция сигнализирует только о положении в пространстве головы, «недостающая» информация поступает с проприоцепторов, после чего происходит ее синтез — восприятие общего положения тела в пространстве.

В исследовании Ю.С. Левика была показана иллюзия движения головы относительно неподвижного корпуса, при которой голова испытуемого была зафиксирована, а корпус испытуемого медленно поворачивался (Левик, 2012). Это доказывает наличие разных систем отсчета у системы внутреннего представления тела. В первую очередь, эта система внутреннего представления склонна ориентироваться на систему координат, связанную с корпусом тела. Когда испытуемого просили захватить жестко закрепленную рукоятку, то система координат менялась — испытуемые ощущали в таком случае повороты головы, то есть, происходила смена эгоцентрической системы координат на экзоцентрическую.

Еще одним важным феноменом в области изучения схемы и образа тела является так называемая «иллюзия резиновой руки». В ряде исследований было показано, что у здоровых людей можно сформировать иллюзорное владение искусственной резиновой (или из любого другого материала, а также виртуальной) рукой (Ehrsson et al., 2004; Slater, 2008; Tsakiris, Haggard, 2005). В одном из первых таких исследований (Botvinick, Cohen, 1998) была описана процедура, вызывающая данную иллюзию. Испытуемый смотрит на резиновую руку, лежащую перед ним так, как обычно лежит его настоящая рука. При этом настоящая рука скрыта. Экспериментатор синхронно поглаживает кисточкой настоящую руку и искусственную. Через некоторое время этот процесс вызывает у испытуемого иллюзию того, что прикосновение к искусственной руке ощущается, как прикосновение к настоящей руке. Иллюзорное владение рукой прекращается или уменьшается, когда визу-

ально-тактильное поглаживание происходит асинхронно, когда поглаживается объект (а не искусственная рука) или когда искусственная рука не совмещена или слишком удалена от собственной руки участника (Tsakiris, 2010). В случае иллюзии резиновой руки активируются такие области мозга, как вентральная и дорсальная премоторная кора, первичная соматосенсорная кора (S1), интрапариетальная борозда, инсула, передняя поясная кора и мозжечок.

Телесное самосознание и восприятие тела в виртуальном пространстве

В ряде работ изучались мозговые механизмы, связанные с самосознанием и обработкой телесных сигналов (телесного самосознания) с помощью визуотактильных и визуовестибулярных конфликтов, вызывающих изменения телесного самосознания (Blanke, 2012). Авторы использовали видео, виртуальную реальность, робототехнические устройства. Результаты показали, что телесное самосознание зависит от трех факторов: самоидентификации с телом, саморасположения и перспективы от первого лица. Эти результаты были подтверждены и в других работах (Blanke et al., 2015; Serino et al., 2013).

Самосознание человека зависит от метарепрезентации психических и телесных состояний как своих собственных психических и телесных состояний (Vogeley, Fink, 2003; Акопов, 2023). Принятие перспективы от первого лица является не достаточным, а необходимым условием самосознания человека. Бланке с коллегами (Blanke et al., 2015) говорит о том, что выделение перспективы от первого лица означает центрирование собственного мультимодального эмпирического пространства на собственном теле, что позволяет работать в эгоцентрической системе отсчета. Области мозга, участвующие в выделении перспективы первого лица, включают медиальную префронтальную, медиальную теменную и латеральную височно-теменную кору. Эти эмпирические результаты дополняют последние нейробиологически ориентированные теории самосознания, которые фокусируются на отношениях между субъектом и окружающей средой, указывая на нейронную основу их ключевых компонентов.

В работе А. Серино и коллег проведено нейровизуализационное исследование трех основных компонентов телесного самосознания (владения телом, самолокации и перспективы). Авторы показали, что по крайней мере два из этих компонентов — владение телом и самолокация — реализуются в довольно разных нейронных субстратах, расположенных, соответственно, в премоторной коре и в височно-теменной области. Экспериментальные изменения иллюзорной самоидентификации с ненастоящим или виртуальным телом связаны с изменениями осознания и восприятия боли, а также с физиологическими изменениями. С самоидентификацией связана активность в билатеральной премоторной коре и задней теменной коре, которая, вероятно, обусловлена активацией мультисенсорных нейронов, интегрирующих зрительные и соматосенсорные сигналы. Неврологические данные у пациентов с аутоскопией показывают, что повреждение левой височно-теменной коры приводит к нарушению самоидентификации и самолокации. Активность в височно-теменной

коре и задней теменной коре, вероятно, обусловленная активацией мультисенсорных нейронов, интегрирующих вестибулярные, зрительные и тактильные сигналы, связана с самолокализацией и перспективой первого лица. Неврологические данные пациентов с внетелесными переживаниями показали, что повреждение правой височно-теменной коры (задней верхней височной извилины) приводит к аномальному самоопределению и перспективе от первого лица (Serino et al., 2013).

В работе А.В. Варламова и Н.В. Яковлевой показано, что погружение человека в VR и управление персонажем с помощью технологии Full-Body Tracking (FBT) вызывает искажения в восприятии размеров тела, включая корпус и ноги. Использование подвижного погружения без FBT вызывает только искажения восприятия размеров верхнего плечевого пояса. Таким образом, авторы делают выводы о связи искажений с фактами вовлеченности соответствующих частей реального тела в процесс управления аватаром (Варламов, Яковлева, 2022).

Схема тела в измененных состояниях сознания

С точки зрения схемы тела, представляют интерес и исследования так называемых измененных состояний сознания, возникающих у здоровых людей под действием галлюциногенов, гипноза, сенсорной депривации, во сне и т.д. В таких состояниях часто наблюдаются явления, связанные с ощущениями собственного тела и схемой тела. В частности, люди, испытавшие подобные состояния, часто отмечают такие феномены, как размытость границ собственного тела, кажущееся увеличение размера конечностей, нереальность окружения, стирание границ между телом и окружением.

В работе Дж. Адэй с коллегами описывается влияние психоделических наркотических веществ на восприятие и ощущения человека, в том числе на схему и образ тела (Aday et al., 2021). Они ссылаются на исследования 1930–1960-х гг., в которых часто отмечались искажения схемы тела и тактильного восприятия под воздействием психоделических препаратов. Авторы приводят цитату из работы Гутман (Guttman, 1936): «Постепенно ощущение тела исчезало, положение конечностей невозможно было локализовать, позу тела трудно было определить, его с трудом можно было отделить от окружения» (Aday et al., 2021).

Помимо изменений границ «я — окружающая среда», в самоотчетах фиксировались весьма разнообразные изменения телесного восприятия: ощущения изменения длины/пропорций конечностей (Abramson et al., 1956; Anderson, Rawnsley, 1954; Barber, 1971; Eveloff, 1968; Guttman, 1936), парестезии (Abramson et al., 1956; Anderson, Rawnsley, 1954), тяжести конечностей (Eveloff, 1968) и ориентации тела (Guttman, 1936).

Либерт Р. с коллегами было проведено одно из наиболее тщательных исследований влияния на восприятие тела психоделиков, в частности, ЛСД. В этом исследовании авторы проверяли, влияет ли ЛСД на восприятие размеров собственного тела по сравнению с размерами внешних объектов. Результаты показали,

что прием ЛСД приводил к увеличению воспринимаемого размера головы, в то время как длина руки воспринималась значительно меньшей, а размеры объектов, не относящихся к телу, не изменились по сравнению с исходным уровнем. Когда испытуемых просили нарисовать фигуры людей, размер рисунков под действием ЛСД увеличивался (Liebert et al., 1957).

Некоторые инструменты изменения схемы тела

Одним из инструментов изучения схемы и образа тела является гипноз. В работе Апелян с коллегами (Apelian et al., 2023) сравнивались эффекты гипнотического внушения и образной инструкции по влиянию на визуально-пространственный и сенсомоторный аспекты репрезентации размеров тела. Обе экспериментальные манипуляции привели к значительному увеличению (удлинению) обеих репрезентаций по сравнению с исходным уровнем, хотя эффект был более значительным в условиях гипнотического внушения.

Еще одним инструментом изучения схемы тела является сенсорная депривация — состояние, при котором субъект ограничивается в получении стимуляции от сенсорных органов в течение определенного периода времени. В исследовании В.А. Кокориной и О.В. Гордеевой отмечается, что сенсорная депривация приводит к изменению восприятия тела (усиление или ослабление телесных ощущений, субъективное чувство движения и т.п.) и деперсонализации (Кокорина, Гордеева, 2010).

Одним из интересных феноменов в области изучения схемы и образа тела является телесная «иллюзия Пиноккио», при которой участник с завязанными глазами испытывает иллюзорное удлинение носа и/или пальца (Berger et al., 2022; Lackner, 1988; Medina, Coslett, 2010). Эта иллюзия традиционно вызывается двумя возможными способами. В самом простом варианте участник с закрытыми глазами располагается за манекеном, который иногда также называют фантомным носом. Испытуемый вытягивает руку, чтобы дотянуться до носа манекена. Экспериментатор держит указательный палец участника, чтобы постучать по носу манекена, одновременно синхронно постукивая своим пальцем по носу участника. При такой установке у испытуемого может возникнуть иллюзорный длинный нос (примерно равный длине его руки), который, как предполагается, возникает в результате интеграции (пассивного) прикосновения собственной руки к носу манекена перед ним с ощущением прикосновения к своему реальному носу (Kilteni et al., 2015; Ramachandran, 1998).

В работе Бергер с коллегами была воссоздана «иллюзия Пиноккио» с использованием виртуальной реальности. Участники (n = 38) самостоятельно постукивали по кончику носа виртуального аватара. Виртуальная иллюзия была сделана таким образом, что по мере увеличения виртуального носа происходило аналогичное уменьшение стимулирующей руки. Это приводило к увеличению воспринимаемой досягаемости стимулирующей руки и смещению реальной руки участника в сторону (Berger et al., 2022).

Выводы

Проведенный анализ литературы показал, что несмотря на более чем вековую историю изучения ментальных репрезентаций тела, до сих пор не существует единого понимания схемы тела и образа тела. Тем не менее в настоящее время накоплено достаточно много фактов и научных исследований, проливающих свет на данную проблему. Большинство авторов сходятся во мнении, что схема тела и образ тела суть разные нетождественные явления и что схема тела или по крайней мере ее части даны нам от рождения. В процессе жизнедеятельности схема тела играет важнейшую роль в реализации движений, в том числе, благодаря обратным связям, интеграции сенсомоторного опыта и разномодальных ощущений. При этом образ тела нельзя рассматривать в отрыве от схемы тела. Он формируется преимущественно на основе интеграции разного рода стимуляции (тактильной, вестибулярной, проприоцептивной, зрительной и др.). В контексте изучения формирования движений также критически значимую роль играет проприоцепция и вестибулярная рецепция. Так, в случае выпадения проприоцепции в первую очередь нарушается образ тела, что приводит к невозможности автоматического выполнения даже простых движений. Однако остается возможность реализации двигательной функции на основе схемы тела.

Мы полагаем, что схема тела, являясь изначально врожденной, представляет собой относительно самостоятельное явление, которое по мере жизни, роста, накопления индивидуального опыта (моторного, сенсорного, вестибулярного, проприоцептивного и др.) постепенно корректируется, уточняется и совершенствуется. Таким образом, схемы тела ребенка и взрослого человека будут различны. Это соотносится с тем фактом, что в случае ампутации конечностей схема тела не успевает быстро перестроиться, что приводит к возникновению явления «фантомных конечностей». В случае отсутствия необходимой проприоцептивной информации (к примеру, в случае ишемизированной конечности) схема тела, или его внутренняя модель, может подвергаться значительным изменениям.

Образ тела в нашем понимании преимущественно формируется прижизненно на основе интеграции информации от проприоцепции, разномодальных рецепторов, сенсомоторной стимуляции и обратной связи.

Список литературы

Акопов, Г.В. (2023). Новые подходы в постановке и решениях проблемы сознания. *Национальный психологический журнал*, 1(49), 66–76. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0106>

Бескова, Д.А. (2006). Клинико-психологические характеристики внешней и внутренней границ телесности: на модели соматоформных расстройств: дисс. канд. психол. наук. Москва.

Варламов, А.В., Яковлева, Н.В. (2022). Искажения в восприятии человеком собственного тела во время погружения в компьютерную виртуальную реальность с использованием технологии Full-Body Tracking. *Вестник Российского университета дружбы народов*.

Серия: Психология и педагогика, 19(4), 670–688. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-670-688>

Величковский, Б.М., Зинченко, В.П., Лурия, А.Р. (1973). Психология восприятия. Москва: Изд-во Моск. ун-та.

Дойдж, Н. (2022). Пластичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга. Москва: ЛитРес.

Кокорина, В.А., Гордеева, О.В. (2010). Кратковременная сенсорная депривация как метод изучения актуалгенеза измененных состояний сознания. В: Экспериментальная психология в России: Традиции и перспективы (18–19 ноября 2010). Москва: Изд-во МГППУ.

Левик, Ю.С. (2012). Нейробиология системы внутреннего представления собственного тела: введение в проблему и прикладные аспекты. *Современная зарубежная психология*, 1(2), 97–110.

Леонов, С.В., Кручинина, А.П., Бугрий, Г.С., Булаева, Н.И., Поликанова, И.С. (2022). Основные характеристики пострурального баланса стойки профессиональных хоккеистов и новичков. *Национальный психологический журнал*, 2(46), 65–78.

Мешкова, Т.А. (2021). Концепция позитивного образа тела в современной зарубежной психологии. *Современная зарубежная психология*, 10(2), 55–69.

Александров, Ю.И. (Ред.). (1997). Основы психофизиологии: Учебник. Москва: ИНФРА-М.

Поликанова, И.С., Леонов, С.В., Семенов, Ю.И., Якушина, А.А., Клименко, В.А. (2021). Психологические и психофизиологические механизмы обучения двигательным навыкам. *Сибирский психологический журнал*, (82), 54–81.

Рамачандран, В.С., Блейкли, С. (2019). Фантомы мозга. Москва: Издательство АСТ.

Романов, Р.В. (2022). Переживание дистресса, ассоциированного с образом тела и гендерной идентичностью. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (3), 225–244.

Рупчев, Г.Е. (2001). Психологическая структура внутреннего телесного опыта при соматизации (на модели соматоформных расстройств): дисс. канд. психол. наук. Москва.

Сакс, О. (2017). Человек, который принял жену за шляпу. Москва: Издательство АСТ.

Татаурова, С.С. (2009). Актуальные проблемы исследования образа тела. *Психологический вестник Уральского государственного университета*, (8), 142–154. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4066/3/pv-13-08.pdf>

Тхостов, А. (2022). Психология телесности. Москва: ЛитРес.

Abramson, H.A., Jarvik, M.E., Gorin, M.H., Hirsch, M.W. (1956). Lysergic Acid Diethylamide (LSD-25): XVII. Tolerance Development and its Relationship to a Theory of Psychosis. *The Journal of Psychology*, 41(1), 81–105. <https://doi.org/10.1080/00223980.1956.9916206>

Aday, J.S., Wood, J.R., Bloesch, E.K., Davoli, C.C. (2021). Psychedelic drugs and perception: A narrative review of the first era of research. *Reviews in the Neurosciences*, 32(5), 559–571. <https://doi.org/10.1515/revneuro-2020-0094>

Anderson, E.W., Rawsley, K. (1954). Clinical Studies of Lysergic Acid Diethylamide. *European Neurology*, 128(1–2), 38–55. <https://doi.org/10.1159/000139775>

Apelian, C., De Vignemont, F., Terhune, D.B. (2023). Comparative effects of hypnotic

suggestion and imagery instruction on bodily awareness. *Consciousness and Cognition*, (108), 103473. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2023.103473>

Baier, B., Karnath, H.-O. (2008). Tight Link Between Our Sense of Limb Ownership and Self-Awareness of Actions. *Stroke*, 39(2), 486–488. <https://doi.org/10.1161/STROKEAHA.107.495606>

Barber, T.X. (1971). Imagery and “hallucinations”: effects of lsd contrasted with the effects of “hypnotic” suggestions. *Imagery*, 101–129. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-635450-8.50012-1>

Berger, C.C., Lin, B., Lenggenhager, B., Lanier, J., Gonzalez-Franco, M. (2022). Follow Your Nose: Extended Arm Reach After Pinocchio Illusion in Virtual Reality. *Frontiers in Virtual Reality*, (3), 712375. <https://doi.org/10.3389/frvir.2022.712375>

Binkofski, F., Buccino, G., Stephan, K.M., Rizzolatti, G., Seitz, R.J., Freund, H.J. (1999). A parieto-premotor network for object manipulation: evidence from neuroimaging. *Experimental Brain Research*, 128(1), 210–213.

Blanke, O. (2012). Multisensory brain mechanisms of bodily self-consciousness. *Nature Reviews Neuroscience*, 13(8), 556–571. <https://doi.org/10.1038/nrn3292>

Blanke, O., Slater, M., Serino, A. (2015). Behavioral, Neural, and Computational Principles of Bodily Self-Consciousness. *Neuron*, 88(1), 145–166. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2015.09.029>

Bonnier, P. (1905). L'Aschématie [Aschematia]. *Revue Neurologique (Paris)*, (13), 605–609.

Botvinick, M., Cohen, J. (1998). Rubber hands ‘feel’ touch that eyes see. *Nature*, 391(6669), 756–756. <https://doi.org/10.1038/35784>

Bourgeois, J., Farnè, A., Coello, Y. (2014). Costs and benefits of tool-use on the perception of reachable space. *Acta Psychologica*, (148), 91–95. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2014.01.008>

Cardinali, L., Frassinetti, F., Brozzoli, C., Urquizar, C., Roy, A.C., Farnè, A. (2009). Tool-use induces morphological updating of the body schema. *Current Biology*, 19(13), 1157. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2009.06.048>

Coslett, H.B. (1998). Evidence for a Disturbance of the Body Schema in Neglect. *Brain and Cognition*, 37(3), 527–544. <https://doi.org/10.1006/brcg.1998.1011>

Critchley, M. (1950). The body-image in neurology. *The Lancet*, 255(6600), 335–341. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(50\)90101-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(50)90101-2)

D’Angelo, M., di Pellegrino, G., Seriani, S., Gallina, P., Frassinetti, F. (2018). The sense of agency shapes body schema and peripersonal space. *Scientific Reports*, (8), 13847. <https://doi.org/10.1038/s41598-018-32238-z>

de Vignemont, F. (2010). Body schema and body image — Pros and cons. *Neuropsychologia*, 48(3), 669–680. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2009.09.022>

Ehrsson, H.H., Spence, C., Passingham, R.E. (2004). That’s My Hand! Activity in Premotor Cortex Reflects Feeling of Ownership of a Limb. *Science*, 305(5685), 875–877. <https://doi.org/10.1126/science.1097011>

Eveloff, H.H. (1968). The LSD Syndrome — A Review. *California medicine*, 109(5), 368.

Fotopoulou, A., Jenkinson, P.M., Tsakiris, M., Haggard, P., Rudd, A., Kopelman, M.D. (2011). Mirror-view reverses somatoparaphrenia: Dissociation between first- and third-person perspectives on body ownership. *Neuropsychologia*, 49(14), 3946–3955. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2011.10.011>

Gallagher, S., Cole, J. (1995). Body schema and body image in a deafferented subject. *Journal of mind and behavior*, 16(4), 369–390.

Gerstmann, J. (1942). Problem of imperception of disease and of impaired body territories with organic lesions: relation to body scheme and its disorders. *Archives of Neurology & Psychiatry*, 48(6), 890–913. <https://doi.org/10.1001/archneurpsyc.1942.02290120042003>

Guttman, E. (1936). Artificial Psychoses Produced by Mescaline. *Journal of Mental Science*, 82(338), 203–221. <https://doi.org/10.1192/bjp.82.338.203>

Haggard, P., Wolpert, D.M. (2005). Disorders of body scheme. In: H.J. Freund, M. Jeannerod, M. Hallett, R. Leiguarda (Eds.). Oxford: Higher-Order Motor Disorders.

Halligan, P.W., Marshall, J.C., Wade, D.T. (1995). Unilateral Somatoparaphrenia After Right Hemisphere Stroke: A Case Description. *Cortex*, 31(1), 173–182. [https://doi.org/10.1016/S0010-9452\(13\)80115-3](https://doi.org/10.1016/S0010-9452(13)80115-3)

Head, H., Holmes, H.G. (1911–1912). Sensory disturbances from cerebral lesions. *Brain*, (34), 102–254.

Kilteni, K., Maselli, A., Kording, K.P., Slater, M. (2015). Over my fake body: Body ownership illusions for studying the multisensory basis of own-body perception. *Frontiers in Human Neuroscience*, (9), 141. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2015.00141>

Lackner, J.R. (1988). Some proprioceptive influences on the perceptual representation of body shape and orientation. *Brain*, 111(2), 281–297. <https://doi.org/10.1093/brain/111.2.281>

Liebert, R.S. (1957). Studies in the Effects of Lysergic Acid Diethylamide (LSD-25): Visual Perception of Verticality in Schizophrenic and Normal Adults. *A.M.A. Archives of Neurology & Psychiatry*, 77(2), 193–201. <https://doi.org/10.1001/archneurpsyc.1957.02330320091012>

Medina, J., Coslett, H.B. (2010). From maps to form to space: Touch and the body schema. *Neuropsychologia*, 48(3), 645–654. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2009.08.017>

Meltzoff, A.N. (1990). Towards a developmental cognitive science. *Annals New York Acad. Sci.*, (608), 1–37.

Paillard, J. (1999). Motor control, today and tomorrow. In: G.N. Gantchev, S. Mori, J. Massion (Eds.), *Body schema and body image: A double dissociation in deafferented patients* (pp. 197–214).

Pitron, V., de Vignemont, F. (2017). Beyond differences between the body schema and the body image: Insights from body hallucinations. *Consciousness and Cognition*, (53), 115–121. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2017.06.006>

Ramachandran, V. (1998). The perception of phantom limbs. The D.O. Hebb lecture. *Brain*, 121(9), 1603–1630. <https://doi.org/10.1093/brain/121.9.1603>

Rueschemeyer, S.A., Pfeiffer, C., Bekkering, H. (2010). Body schematics: On the role of the body schema in embodied lexical-semantic representations. *Neuropsychologia*, 48(3), 774–781. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2009.09.019>

Serino, A., Alsmith, A., Costantini, M., Mandrigin, A., Tajadura-Jimenez, A., Lopez, C. (2013). Bodily ownership and self-location: Components of bodily self-consciousness. *Consciousness and Cognition*, 22(4), 1239–1252. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2013.08.013>

Schilder, P. (1999). *The image and appearance of the human body*. New York: Barnes & Noble.

Slater, M., Pérez Marcos, D., Ehrsson, H., Sanchez-Vives, M.V. (2008). Towards a digital body: the virtual arm illusion. *Frontiers in human neuroscience*, (2), 181. <https://doi.org/10.3389/neuro.09.006.2008>

Tsakiris, M. (2010). My body in the brain: A neurocognitive model of body-ownership. *Neuropsychologia*, 48(3), 703–712. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2009.09.034>

Tsakiris, M., Haggard, P. (2005). The Rubber Hand Illusion Revisited: Visuotactile Integration and Self-Attribution. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 31(1), 80–91. <https://doi.org/10.1037/0096-1523.31.1.80>

Vallar, G., Ronchi, R. (2009). Somatoparaphrenia: A body delusion. A review of the neuropsychological literature. *Experimental Brain Research*, 192(3), 533–551. <https://doi.org/10.1007/s00221-008-1562-y>

Vogele, K., Fink, G.R. (2003). Neural correlates of the first-person-perspective. *Trends in Cognitive Sciences*, 7(1), 38–42. [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(02\)00003-7](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(02)00003-7)

References

Abramson, H.A., Jarvik, M.E., Gorin, M.H., Hirsch, M.W. (1956). Lysergic Acid Diethylamide (LSD-25): XVII. Tolerance Development and its Relationship to a Theory of Psychosis. *The Journal of Psychology*, 41(1), 81–105. <https://doi.org/10.1080/00223980.1956.9916206>

Aday, J.S., Wood, J.R., Bloesch, E.K., Davoli, C.C. (2021). Psychedelic drugs and perception: A narrative review of the first era of research. *Reviews in the Neurosciences*, 32(5), 559–571. <https://doi.org/10.1515/revneuro-2020-0094>

Akopov, G.V. (2023). New approaches to formulation and solution of the problem of consciousness. *National psychological journal*, 1(49), 66–76. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0106>

Aleksandrov, Yu.I. (Ed). (1997). Fundamentals of Psychophysiology. Moscow: INFRAM. (In Russ.).

Anderson, E.W., Rawsley, K. (1954). Clinical Studies of Lysergic Acid Diethylamide. *European Neurology*, 128(1–2), 38–55. <https://doi.org/10.1159/000139775>

Apelian, C., De Vignemont, F., Terhune, D.B. (2023). Comparative effects of hypnotic suggestion and imagery instruction on bodily awareness. *Consciousness and Cognition*, 108, 103473. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2023.103473>

Baier, B., Karnath, H.-O. (2008). Tight Link Between Our Sense of Limb Ownership and Self-Awareness of Actions. *Stroke*, 39(2), 486–488. <https://doi.org/10.1161/STROKEAHA.107.495606>

Barber, T.X. (1971). Imagery and “hallucinations”: effects of lsd contrasted with the effects of “hypnotic” suggestions. *Imagery*, 101–129. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-635450-8.50012-1>

Berger, C.C., Lin, B., Lenggenhager, B., Lanier, J., Gonzalez-Franco, M. (2022). Follow Your Nose: Extended Arm Reach After Pinocchio Illusion in Virtual Reality. *Frontiers in Virtual Reality*, (3), 712375. <https://doi.org/10.3389/frvir.2022.712375>

Beskova, D.A. (2006). Clinico-psychological characteristics of external and internal boundaries of corporeality: On the model of somatoform disorders. Cand. Sci. (Psychology), Moscow. (In Russ.).

Binkofski, F., Buccino, G., Stephan, K.M., Rizzolatti, G., Seitz, R.J., Freund, H.J. (1999). A parieto-premotor network for object manipulation: evidence from neuroimaging. *Experimental Brain Research*, 128(1), 210–213.

- Blanke, O. (2012). Multisensory brain mechanisms of bodily self-consciousness. *Nature Reviews Neuroscience*, 13(8), 556–571. <https://doi.org/10.1038/nrn3292>
- Blanke, O., Slater, M., Serino, A. (2015). Behavioral, Neural, and Computational Principles of Bodily Self-Consciousness. *Neuron*, 88(1), 145–166. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2015.09.029>
- Bonnier, P. (1905). L'Aschématie [Aschematia]. *Revue Neurologique (Paris)*, (13), 605–609.
- Botvinick, M., Cohen, J. (1998). Rubber hands 'feel' touch that eyes see. *Nature*, 391(6669), 756–756. <https://doi.org/10.1038/35784>
- Bourgeois, J., Farnè, A., Coello, Y. (2014). Costs and benefits of tool-use on the perception of reachable space. *Acta Psychologica*, (148), 91–95. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2014.01.008>
- Cardinali, L., Frassinetti, F., Brozzoli, C., Urquizar, C., Roy, A.C., Farnè, A. (2009). Tool-use induces morphological updating of the body schema. *Current Biology*, 19(13), 1157. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2009.06.048>
- Coslett, H.B. (1998). Evidence for a Disturbance of the Body Schema in Neglect. *Brain and Cognition*, 37(3), 527–544. <https://doi.org/10.1006/brcg.1998.1011>
- Critchley, M. (1950). The body-image in neurology. *The Lancet*, 255(6600), 335–341. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(50\)90101-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(50)90101-2)
- D'Angelo, M., di Pellegrino, G., Seriani, S., Gallina, P., Frassinetti, F. (2018). The sense of agency shapes body schema and peripersonal space. *Scientific Reports*, (8), 13847. <https://doi.org/10.1038/s41598-018-32238-z>
- de Vignemont, F. (2010). Body schema and body image—Pros and cons. *Neuropsychologia*, 48(3), 669–680. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2009.09.022>
- Doidzh, N. (2022). The plasticity of the brain. Amazing facts about how thoughts can change the structure and function of our brains. Moscow: Litres. (In Russ.).
- Ehrsson, H.H., Spence, C., Passingham, R.E. (2004). That's My Hand! Activity in Premotor Cortex Reflects Feeling of Ownership of a Limb. *Science*, 305(5685), 875–877. <https://doi.org/10.1126/science.1097011>
- Eveloff, H.H. (1968). The LSD Syndrome—A Review. *California medicine*, 109(5), 368.
- Fotopoulou, A., Jenkinson, P.M., Tsakiris, M., Haggard, P., Rudd, A., Kopelman, M.D. (2011). Mirror-view reverses somatoparaphrenia: Dissociation between first- and third-person perspectives on body ownership. *Neuropsychologia*, 49(14), 3946–3955. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2011.10.011>
- Gallagher, S., Cole, J. (1995). Body schema and body image in a deafferented subject. *Journal of mind and behavior*, 16(4), 369–390.
- Gerstmann, J. (1942). Problem of imperception of disease and of impaired body territories with organic lesions: relation to body scheme and its disorders. *Archives of Neurology & Psychiatry*, 48(6), 890–913. <https://doi.org/10.1001/archneurpsyc.1942.02290120042003>
- Guttman, E. (1936). Artificial Psychoses Produced by Mescaline. *Journal of Mental Science*, 82(338), 203–221. <https://doi.org/10.1192/bjp.82.338.203>
- Haggard, P., Wolpert, D.M. (2005). Disorders of body scheme. In: H.J. Freund, M. Jeannerod, M. Hallett, R. Leiguarda (Eds.). Oxford: Higher-Order Motor Disorders.

Halligan, P.W., Marshall, J.C., Wade, D.T. (1995). Unilateral Somatoparaphrenia After Right Hemisphere Stroke: A Case Description. *Cortex*, 31(1), 173–182. [https://doi.org/10.1016/S0010-9452\(13\)80115-3](https://doi.org/10.1016/S0010-9452(13)80115-3)

Head, H., Holmes, H.G. (1911–1912). Sensory disturbances from cerebral lesions. *Brain*, (34), 102–254.

Kilteni, K., Maselli, A., Kording, K.P., Slater, M. (2015). Over my fake body: Body ownership illusions for studying the multisensory basis of own-body perception. *Frontiers in Human Neuroscience*, (9), 141. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2015.00141>

Kokorina, V.A., Gordeeva, O.V. (2010). Short-term sensory deprivation as a method of studying the actualgenesis of altered states of consciousness. Experimental Psychology in Russia: Traditions and Prospects (November 18–19, 2010). Moscow: Publishing house MSUPE. (In Russ.).

Lackner, J.R. (1988). Some proprioceptive influences on the perceptual representation of body shape and orientation. *Brain*, 111(2), 281–297. <https://doi.org/10.1093/brain/111.2.281>

Leonov, S.V., Kruchinina, A.P., Bugrii, G.S., Bulaeva, N.I., Polikanova, I.S. (2022). Basic characteristics of postural balance of the stance of professional ice hockey players and beginners. *National Psychological Journal*, 2(46), 65–78.

Levik, Yu.S. (2012). Neurobiology of the Internal Body Representation System: Introduction to the Problem and Applications. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya (Modern Foreign Psychology)*, 1(2), 97–110. (In Russ.).

Liebert, R.S. (1957). Studies in the Effects of Lysergic Acid Diethylamide (LSD-25): Visual Perception of Verticality in Schizophrenic and Normal Adults. *A.M.A. Archives of Neurology & Psychiatry*, 77(2), 193–201. <https://doi.org/10.1001/archneurpsyc.1957.02330320091012>

Medina, J., Coslett, H.B. (2010). From maps to form to space: Touch and the body schema. *Neuropsychologia*, 48(3), 645–654. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2009.08.017>

Meltzoff, A.N. (1990). Towards a developmental cognitive science. *Annals New York Acad. Sci.*, (608), 1–37.

Meshkova, T.A. (2021). The concept of a positive body image in modern foreign psychology. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya (Journal of Modern Foreign Psychology)*, 10(2), 55–69. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100206> (In Russ.).

Paillard, J. (1999). Motor control, today and tomorrow. In: G.N. Gantchev, S. Mori, J. Massion (Eds.), *Body schema and body image: A double dissociation in deafferented patients* (pp. 197–214).

Pitron, V., de Vignemont, F. (2017). Beyond differences between the body schema and the body image: Insights from body hallucinations. *Consciousness and Cognition*, (53), 115–121. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2017.06.006>

Polikanova, I.S., Leonov, S.V., Semenov, Yu.I., Yakushina, A.A., Klimentko, V.A. (2021). Psychological and psychophysiological mechanisms of motor skill training. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal (Siberian Psychological Journal)*, (82), 54–81. (In Russ.).

Ramachandran, V. (1998). The perception of phantom limbs. The D. O. Hebb lecture. *Brain*, 121(9), 1603–1630. <https://doi.org/10.1093/brain/121.9.1603>

- Ramachandran, V.S., Blakeslee, S. (2019). *Phantoms of the brain*. Moscow: AST Publishing.
- Romanov, R.V. (2022). Experience of Distress Associated with Body Image and Gender Identity. *Moscow University Psychology Bulletin*, (3), 225–252. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.03.11>
- Rueschemeyer, S.-A., Pfeiffer, C., Bekkering, H. (2010). Body schematics: On the role of the body schema in embodied lexical-semantic representations. *Neuropsychologia*, 48(3), 774–781. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2009.09.019>
- Rupchev, G.E. (2001). Psychological structure of internal bodily experience in somatisation (on the model of somatoform disorders). Cand. Sci. (Psychology), Moscow. (In Russ.).
- Saks, O. (2017). *The man who mistook his wife for his hat*. Moscow: AST Publishing.
- Schilder, P. (1999). *The image and appearance of the human body*. New York: Barnes & Noble.
- Serino, A., Alsmith, A., Costantini, M., Mandrigin, A., Tajadura-Jimenez, A., Lopez, C. (2013). Bodily ownership and self-location: Components of bodily self-consciousness. *Consciousness and Cognition*, 22(4), 1239–1252. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2013.08.013>
- Slater, M., Pérez Marcos, D., Ehrsson, H., Sanchez-Vives, M.V. (2008). Towards a digital body: the virtual arm illusion. *Frontiers in human neuroscience*, (2), 181. <https://doi.org/10.3389/neuro.09.006.2008>
- Tataurova, S.S. (2009). Actual problems of body image research. *Psihologicheskij vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta (Psychological Bulletin of the Ural State University)*, (8), 142–154. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4066/3/pv-13-08.pdf>
- Tkhostov, A. (2022). *Psychology of corporeality*. Moscow: Litres.
- Tsakiris, M. (2010). My body in the brain: A neurocognitive model of body-ownership. *Neuropsychologia*, 48(3), 703–712. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2009.09.034>
- Tsakiris, M., Haggard, P. (2005). The Rubber Hand Illusion Revisited: Visuotactile Integration and Self-Attribution. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 31(1), 80–91. <https://doi.org/10.1037/0096-1523.31.1.80>
- Vallar, G., Ronchi, R. (2009). Somatoparaphrenia: A body delusion. A review of the neuropsychological literature. *Experimental Brain Research*, 192(3), 533–551. <https://doi.org/10.1007/s00221-008-1562-y>
- Varlamov, A.V., Yakovleva, N.V. (2022). Distortions of Body Perception during Immersion in Computer Virtual Reality Using Full-Body Tracking. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 670–688. doi: 10.22363/2313-1683-2022-19-4-670-688 (in Russ.).
- Velichkovskii, B.M., Zinchenko, V.P., Luriya, A.R. (1973). *Psychology of Perception*. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.).
- Vogeley, K., Fink, G.R. (2003). Neural correlates of the first-person-perspective. *Trends in Cognitive Sciences*, 7(1), 38–42. [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(02\)00003-7](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(02)00003-7)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Сергеевна Поликанова, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, irinapolikanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5323-3487>

ABOUT THE AUTHOR

Irina S. Polikanova, Cand. Sci. (Psychology), senior researcher of the Laboratory of Psychology of Childhood and Digital Socialization at the Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, irinapolikanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5323-3487>

Поступила: 14.09.2023; получена после доработки: 03.10.2023; принята в печать: 07.02.2024.
Received: 14.09.2023; revised: 03.10.2023; accepted: 07.02.2024.

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/TEP-24-03>

УДК/UDK 159.9.072

Взаимосвязь ценностных ориентаций и удовлетворенности потребности в безопасности с отношением к роботам у людей разных поколений

А.Ю. Саенко

Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

 a.y.saenko@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Отношение к новым технологиям взаимосвязано с различными психологическими факторами, включая ценностный профиль личности. Одной из таких технологий является робот, оснащенный искусственным интеллектом (ИИ), который подчас может восприниматься как источник угрозы, в том числе психологической безопасности. Между тем проблема взаимосвязи ценностного профиля личности, степени удовлетворенности потребности в безопасности с отношением к роботам у представителей разных поколений остается недостаточно изученной. **Цель.** Провести пилотное исследование взаимосвязей ценностных ориентаций и удовлетворенности потребности в безопасности с отношением к роботам у людей трех поколений россиян: X, Y, Z.

Выборка. В исследовании приняли участие 102 человека в возрасте от 18 до 55 лет (жители Москвы и Московской области), из них поколение X (1968–1981 г.р.) — 29 человек, поколение Y (1982–2000 г.р.) — 38 человек, поколение Z (2001 г.р. и позднее) — 35 человек.

Методы. «Портретный ценностный опросник» Шварца (PVQ-21), опросник «Оценка удовлетворенности потребности в безопасности» О.Ю. Зотовой, опросник отношения к технологиям Г.У. Солдатовой и др., шкала негативного отношения к роботам (NARS) в адаптации В.А. Акмаева.

Результаты. Выявлены различия в ценностном профиле, удовлетворенности потребности в безопасности и в отношении к технологиям среди респондентов поколений X, Y, Z. От поколения X к поколению Z происходит частичное изменение системы ценностей и степени удовлетворенности потребности в безопасности. При этом для поколения X характерны стремление к традиционным вещам, а также более низкий уровень удовлетворенности потребности в безопасности, что соотносится с более негативным отношением к роботам. При этом молодое поколение Z, более склонное к риску, относится к роботам позитивнее. Выявлены предикторы негативного отношения к роботам.

Выводы. Исследование указывает на существование взаимосвязи между отношением человека к роботам, степенью удовлетворенности потребности в

безопасности, а также ценностным профилем личности, который имеет характерные отличия в зависимости от принадлежности к определенной возрастной группе. Высокая степень удовлетворенности потребности в безопасности является предиктором положительного отношения к роботам. Новые технологии могут способствовать снижению чувства безопасности и, как следствие, их принятию. Проведенное исследование выявило определенные различия в отношении к роботам у представителей разных поколений. Для формирования положительного отношения к новым технологиям, включая ИИ, необходима работа, направленная на поддержание оптимального уровня психологической безопасности.

Ключевые слова: ценностный профиль, потребность в безопасности, отношение к технологиям, робот, искусственный интеллект

Благодарности. Автор благодарит за помощь в проведении исследования и подготовке публикации научного руководителя, доктора психологических наук, профессора Российского государственного социального университета Павла Александровича Кислякова.

Для цитирования: Саенко, А.Ю. (2024). Взаимосвязь ценностных ориентаций и удовлетворенности потребности в безопасности с отношением к роботам у людей разных поколений. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 17(1), 49–69. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-03>

Relationships of value orientations and satisfaction of safety needs with attitudes towards robots among people of different generations

Alexsey Y. Saenko ✉

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

✉ a.y.saenko@yandex.ru

Abstract

Background. Attitudes towards new technologies are interconnected with various psychological factors, including the personal value profile. One of these technologies is a robot equipped with artificial intelligence, which can sometimes be perceived as a source of threat, including psychological safety. Meanwhile, the problem of the relationship between the value profile, security needs satisfaction and the attitude towards robots among representatives of different generations remains insufficiently studied.

Objective. To conduct a pilot study on the relationships of the value orientations and security needs satisfaction with the attitude towards robots among people of three generations of Russian people: X, Y, Z.

Study Participants. The study sample consisted of 102 people aged 18 to 55 years (residents of Moscow and Moscow region), generation X — 29 people (born in 1968–1981),

generation Y — 38 people (born in 1982–2000), generation Z — 35 people (born since 2001 and later).

Methods. “Portrait Value Questionnaire” (PVQ-21) by S. Schwartz, questionnaire “Assessment of security need satisfaction” by O. Zotova, “Attitude towards technology” questionnaire by G. Soldatova et al., “Negative Attitude towards Robots Scale” (NARS) adapted by V. Akmayev.

Results. The study has identified significant differences in the value profile, security need satisfaction, and attitudes to technology among representatives of generations X, Y, and Z. The data analysis showed partial shift in the system of values and security satisfaction degree from generation X to generation Z. Thus, the older generation X is characterized by a desire for traditional things, as well as a lower level of security need satisfaction, which correlates with a more negative attitude towards robots. Whereas the younger generation Z, being more risk-averse, has a more positive attitude towards robots. The regression analysis has identified the predictors of negative attitudes towards robots.

Conclusion. The study highlights the existing relationships between a person’s attitude towards robots, security need satisfaction and the value profile, which has characteristic differences in certain age groups. A high degree of security need satisfaction is a predictor of positive attitudes towards robots. New technologies can contribute to a sense of insecurity which is consistent with a lack of accepting them. Thus, the study revealed certain differences in attitudes towards robots among representatives of different generations. There is a need for maintaining an optimal level of psychological safety in order to form a positive attitude towards new technologies including artificial intelligence.

Keywords: value profile, security need, attitude towards robots, technology, artificial intelligence

Acknowledgements. The author is grateful for the help in conducting the research and preparing the publication to scientific advisor Pavel A. Kislyakov, Doctor of Psychology, Professor of the Russian State Social University.

For citation: Saenko, A.Y. (2024). The relationship of value orientations and satisfaction of safety needs with attitude towards robots: an intergenerational aspect. *Theoretical and experimental psychology*, 17(1), 49–69. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-03>

Введение

Быстрые темпы развития новых технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта (ИИ), создают новые возможности, но и порождают новые вызовы и угрозы психологической безопасности (Нестик, Журавлев, 2020).

Одним из направлений, активно использующих технологии ИИ, является робототехника и, в частности, создание роботов, способных взаимодействовать с человеком. Одновременно с усложнением функций и задач, выполняемых роботом, внимание ученых сосредоточено также на изучении различных аспектов взаимодействия человека с роботом, что требует объединения знаний в области инженерии, робототехники, вычислительной техники, психологии и др. (Dautenhahn, 2007; Goodrich, Schultz, 2008). Обнаружено, что компьютерные агенты способны

имитировать иронию, используя сарказм вместо агрессии (Kotov, 2017). В связи со стремлением включить робота в различные сферы деятельности человека, возникло такое понятие, как «коллаборативный робот» («ко-робот»), то есть робот, созданный для взаимодействия и сотрудничества с человеком в едином рабочем пространстве (Ющенко, 2018, 2020). Развивается и такое направление робототехники, как интерактивный коллаборативный робот-ассистент — робот, оснащенный элементами ИИ, предназначенный для содействия человеку (ассистент хирурга, помощник лицам с ОВЗ, гид в транспортном узле) (Ющенко, 2020). Усложнение функций ко-робота (способность ориентироваться в незнакомой обстановке, совершенствование «интеллектуальных» функций и др.) привело к возникновению феномена их «метафоризации» — люди, взаимодействующие с роботами, присваивают им имена, привязываются к ним, взаимодействуют с ними и проявляют эмоции, характерные для межличностного общения, что подчеркивает актуальность исследований, посвященных изучению технологий, ориентированных на совместную деятельность человека и робота (Обознов, Акимова, 2020).

Технологии ИИ с каждым годом получают все большее распространение и внедряются в различных сферах деятельности, изменяя отношение человека к технике (Акимова, 2020). В определенных областях (к примеру, при принятии экономического решения) человек полагается на рекомендации, сформулированные ИИ, повышая свою готовность к риску (Фоломеева и др., 2022). Использование инновационных технологий, безусловно, открывает новые возможности, однако может иметь и некоторые негативные последствия. Так, использование компьютерных приложений способствует повышению умственных способностей дошкольников, но при этом отрицательно влияет на формирование воображения (Тарунтаев, 2023).

Принятие новых технологий и отношение к ним зависит от инновационного поведения людей, которое взаимосвязано с различными психологическими факторами (Нестик, Журавлев, 2018). Среди таких факторов в литературе отмечается ценностный профиль личности. Обнаружено, что ценности открытости изменениям оказывают позитивное влияние на инновационное поведение, а ценности сохранения и безопасности — негативное (Purc, Laguna, 2019; Лебедева и др., 2020). Показаны существующие различия в ценностях, стимулирующих и препятствующих процессу принятия инноваций, у молодежи и взрослых (Fedotova, 2017). Подчеркивается существующий между поколениями разрыв в освоении технологий (Солдатова, Рассказова, 2017). Между тем недостаточно изученным остается проблема взаимосвязи ценностного профиля личности и компонентов отношения человека к инновационным технологиям (когнитивного, аффективного и конативного) (Нестик, Журавлев, 2020). Отношение к инновационным технологиям может быть связано с ценностным профилем личности, имеющим определенные особенности у представителей разных поколений.

Необходимо отметить, что доминирующие ценностные ориентации и общественное самосознание отражаются в представлениях общества о степени опас-

ности происходящих событий и явлений, отнесении их к опасным или безопасным (Моздаков, 2008). Кроме того, россияне более осторожны, чем жители других европейских стран, нам важно испытывать чувство защищенности (Кисляков и др., 2022). Существующие исследования подчеркивают важную роль психологической безопасности во взаимодействии человека с окружающим миром и формировании отношения к прошлому и будущему (Зотова, 2016). В иерархии потребностей человека А. Маслоу потребность в безопасности (ПвБ) отнесена к базовой потребности и расположена на втором уровне пирамиды (Маслоу, 1999). Маслоу утверждал, что стремление к известному и привычному является проявлением ПвБ. Зотова О.Ю. подчеркивает, что степень удовлетворенности ПвБ отличается у разных возрастных групп, а необходимым условием стабильного развития и существования человека является удовлетворение им данной потребности, которое реализуется через систему социальных связей человека с другими людьми, обществом и окружающим миром (Зотова, 2011). При этом человек и техника образуют единую систему, которая направлена на удовлетворение различных потребностей человека (Акимова, 2013, с. 77), к которым в том числе относится и потребность в безопасности. Однако, может ли техника (в данном случае — робот) способствовать удовлетворению ПвБ, если она сама порождает чувство опасности?

Роботы, а также сложные автономные системы не столь широко распространены в повседневной жизни и пока воспринимаются людьми как элемент будущего (Пишняк, Халина, 2021). Вероятно, что формирование отношения к ним может быть взаимосвязано со степенью удовлетворенности потребности человека в безопасности, поскольку она проявляется в стремлении к привычному (Маслоу, 1999), а роботы могут рассматриваться как угроза базовым потребностям человека (Acemoglu, Restrepo, 2018). В связи с развитием роботов и их внедрением в профессиональные сферы деятельности, возникает, в частности, и вопрос сохранения профессиональной идентичности, представляющей ядро идентичности личности (Емелин, 2022). В исследовании Турии и коллег была выявлена взаимосвязь между удовлетворением человеком базовых потребностей и процессом роботизации на рабочем месте (Turja et al., 2022). При этом данное исследование сосредоточено на изучении роботизации как явления, направленного на удовлетворение потребностей человека, но не изучению проблемы того, насколько удовлетворена ПвБ до взаимодействия с роботом и как данная потребность связана с отношением людей к роботам.

С учетом изложенного, мы предположили, что отношение к роботам будет взаимосвязано с ценностными ориентациями и степенью удовлетворенности ПвБ. При этом, у представителей разных поколений ценностный профиль и удовлетворенность ПвБ будут различаться. Для проверки данного предположения было проведено пилотное исследование, цель которого заключалась в том, чтобы на российской выборке выявить взаимосвязи ценностных ориентацией и удовлетворенности ПвБ с когнитивным, поведенческим и эмоциональным ком-

понентами отношения к роботам у людей трех поколений, часто обозначаемых сегодня как X, Y и Z.

Методики исследования

Для составления ценностного профиля респондентов использовался «Портретный ценностный опросник» (PVQ) Ш. Шварца (Магун, Руднев, 2008; Davidov et al., 2008) в обновленной редакции (Schwartz, 2021). Для оценки удовлетворенности ПвБ применялся опросник «Оценка удовлетворенности потребности в безопасности» О.Ю. Зотовой (Зотова, 2011). С целью исследования мировоззренческой позиции личности в отношении технологий использовался опросник отношения к технологиям Г.У. Солдатовой с коллегами (Солдатова и др., 2021). Для изучения отношения к роботам использовалась шкала негативного отношения к роботам (Акмаев, 2022), состоящая из трех шкал: негативное отношение к взаимодействию с роботом (поведенческий компонент), негативное отношение к социальному влиянию роботов (когнитивный компонент), негативное отношение к эмоциональному взаимодействию с роботами (эмоциональный компонент).

Выборка

Выборка исследования состояла из 102 человек в возрасте от 18 до 55 лет, являющихся жителями Москвы и Московской области, из них 56 (55%) мужчин и 46 (45%) женщин. Участники рекрутировались методом удобной выборки. Данные собирались дистанционно с использованием Google-форм, которые содержали диагностические методики.

В нашем исследовании мы придерживались классификации поколений, предложенной В.В. Радаевым (Радаев, 2018), понимая ее определенную условность, аналогично работам других отечественных авторов (Ржанова и др., 2022; Рикель, Старостина, 2023). Данная классификация служит в качестве ориентира, дающего возможность увидеть межпоколенческий цифровой разрыв (Солдатова, Рассказова, 2017), а также социально-временной характер становления личности.

Нами было выделено три группы (Таблица 1). Первая группа (реформенное поколение, поколение X), годы рождения (г.р.) 1968–1981, вторая группа (поколение миллениалов, поколение Y) 1982–2000 г.р. и третья группа (поколение центениалов, поколение Z) — начиная с 2001 г.р. и позднее.

Таблица 1
Описание выборки исследования

	Поколение X		Поколение Y		Поколение Z	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
N	17	12	17	21	22	13
M	46,29	46,42	32,88	35,43	19,82	19
SD	3,95	5,43	3,71	4,51	1,10	1,24

Table 1
Description of the study sample

	Gen. X		Gen. Y		Gen. Z	
	M	F	M	F	M	F
N	17	12	17	21	22	13
M	46.29	46.42	32.88	35.43	19.82	19
SD	3.95	5.43	3.71	4.51	1.10	1.24

Результаты исследования

В результате анализа средних баллов по шкалам опросника отношения к технологиям было выявлено, что у респондентов поколений X и Y в профиле отношения к технологиям преобладает технорациональность, а у поколения Z — технофилия (Таблица 2). Значения технофобии минимальны у всех возрастных групп. Наибольшие показатели технофилии наблюдаются у респондентов поколения Z, тогда как у поколения X этот показатель имеет минимальные значения по выборке.

Таблица 2
Описательные статистики по шкалам опросника отношения к технологиям

Отношение к технологиям	Выборка	M	SD	Асимметрия	Экссесс
Технофилия	X	3,21	0,44	0,303	1,669
	Y	3,49	0,66	-0,060	-1,083
	Z	3,89	0,58	-0,393	-0,251
Технопессимизм	X	3,55	1,10	-0,345	-1,447
	Y	3,08	1,03	0,410	-1,154
	Z	2,67	0,92	0,423	-0,086
Технофобия	X	2,18	0,94	0,544	0,005
	Y	2,11	0,87	0,060	-1,796
	Z	1,89	0,89	1,304	1,936
Технорационализм	X	3,78	0,58	0,677	-0,340
	Y	3,72	0,66	0,382	-0,684
	Z	3,86	0,64	-0,031	-0,866

Table 2
Descriptive statistics on the scales of the questionnaire Attitude Towards Technology

Attitudes towards technology	Sample	M	SD	Skewness	Kurtosis
Technophilia	X	3.21	0.44	0.303	1.669
	Y	3.49	0.66	-0.060	-1.083
	Z	3.89	0.58	-0.393	-0.251

Technopessimism	X	3.55	1.10	-0.345	-1.447
	Y	3.08	1.03	0.410	-1.154
	Z	2.67	0.92	0.423	-0.086
Technophobia	X	2.18	0.94	0.544	0.005
	Y	2.11	0.87	0.060	-1.796
	Z	1.89	0.89	1.304	1.936
Technorationalism	X	3.78	0.58	0.677	-0.340
	Y	3.72	0.66	0.382	-0.684
	Z	3.86	0.64	-0.031	-0.866

При этом статистически достоверные различия (критерий Манна — Уитни) наблюдаются только в значениях технофилии и технопессимизма между респондентами поколений X и Z (Таблица 3). Технофилия наиболее свойственна поколению Z. Технопессимизм более типичен для поколения X и менее типичен для поколения Z.

Таблица 3
Анализ групповых различий в отношении к технологиям

Отношение к технологиям	Выборка	Средний ранг	U Манна — Уитни	Уровень значимости p
Технофилия	X	21,03	175,0	<0,001
	Z	42,00		
	Y	30,79	429,0	0,009
	Z	43,74		
Технопессимизм	X	40,24	283,0	0,002
	Z	26,09		

Table 3
Analysis of group differences in attitudes towards technology

Attitudes towards technology	Sample	Mean rank	U (Mann — Whitney)	p-value
Technophilia	X	21.03	175.0	<0.001
	Z	42.00		
	Y	30.79	429.0	0.009
	Z	43.74		
Technopessimism	X	40.24	283.0	0.002
	Z	26.09		

Далее был построен ценностный профиль для каждой группы и проведена оценка удовлетворенности потребности в безопасности.

Для поколения X наивысшие значения средних баллов показали ценности самостоятельности ($M = 4,91$; $SD = 0,76$), традиции ($M = 4,78$; $SD = 0,68$) и благожелательности ($M = 4,69$; $SD = 0,99$). Поколение Y отдает большее предпочтение ценностям безопасности ($M = 4,58$; $SD = 0,64$), самостоятельности ($M = 4,55$; $SD = 0,89$) и универсализма ($M = 4,51$; $SD = 0,81$). В свою очередь, поколение Z на первое место ставит такие ценности, как универсализм ($M = 4,63$; $SD = 0,84$), гедонизм ($M = 4,61$; $SD = 1,18$) и самостоятельность ($M = 4,59$; $SD = 1,06$). Наиболее высокий средний балл удовлетворенности потребности в безопасности наблюдается у поколения Z ($M = 4,83$; $SD = 4,04$), а наиболее низкий — у поколения X ($M = -1,72$; $SD = 5,68$).

Статистически значимые различия (U-критерий Манна — Уитни) в ценностном профиле и удовлетворенности ПвБ между респондентами трех поколений представлены в Таблицах 4.1–4.3.

Так, поколению X более, чем респондентам двух других поколений, важна ценность традиции, ценность благожелательности у них значимо выше, чем у поколения Y, а ценность безопасности — выше, чем у поколения Z.

Поколению Y ценность благожелательности наименее важна по сравнению с респондентами поколений X и Z, однако, они выше, чем поколение Z, ценят безопасность, а ценность гедонизма у них выше, чем у поколения X.

Для поколения Z ценности риска-новизны и гедонизма являются наиболее значимыми, они также придают достижениям большее значение, чем респонденты наиболее старшего из трех — поколения X.

Таблица 4.1

Статистически значимые различия в ценностном профиле и удовлетворенности ПвБ между респондентами поколений X и Z

Социально-психологические характеристики	Выборка	Средний ранг	U Манна — Уитни	Уровень значимости p
Безопасность	X	43,90	177,0	<0,001
	Z	23,06		
Традиция	X	44,67	154,5	<0,001
	Z	22,41		
Риск-Новизна	X	25,31	299,0	0,004
	Z	38,46		
Гедонизм	X	23,22	238,5	<0,001
	Z	40,19		
Достижение	X	26,31	328,0	0,014
	Z	37,63		
Удовлетворенность ПвБ	X	20,28	153,0	<0,001
	Z	42,63		

Table 4.1
Statistically significant differences in the value profile and satisfaction of security need between respondents of generations X and Z

Socio-psychological characteristics	Sample	Mean rank	U (Mann — Whitney)	p-value
Security	X	43.90	177.0	<0.001
	Z	23.06		
Tradition	X	44.67	154.5	<0.001
	Z	22.41		
Stimulation	X	25.31	299.0	0.004
	Z	38.46		
Hedonism	X	23.22	238.5	<0.001
	Z	40.19		
Achievement	X	26.31	328.0	0.014
	Z	37.63		
Satisfaction of security need	X	20.28	153.0	<0.001
	Z	42.63		

Таблица 4.2
Статистически значимые различия в ценностном профиле и удовлетворенности ПвБ между респондентами поколений X и Y

Социально-психологические характеристики	Выборка	Средний ранг	U Манна — Уитни	Уровень значимости p
Традиция	X	44,38	250,0	0,000
	Y	26,08		
Гедонизм	X	27,97	376,0	0,025
	Y	38,61		
Благожелательность	X	43,93	263,0	0,000
	Y	26,42		
Удовлетворенность ПвБ	X	27,48	362,0	0,017
	Y	38,97		

Table 4.2
Statistically significant differences in the value profile and satisfaction of security need between respondents of generations X and Y

Socio-psychological characteristics	Sample	Mean rank	U (Mann — Whitney)	p-value
Tradition	X	44.38	250.0	0.000
	Y	26.08		
Hedonism	X	27.97	376.0	0.025
	Y	38.61		

Benevolence	X	43.93	263.0	0.000
	Y	26.42		
Satisfaction of security need	X	27.48	362.0	0.017
	Y	38.97		

Таблица 4.3

Статистически значимые различия в ценностном профиле и удовлетворенности ПвБ между респондентами поколений Y и Z

Социально-психологические характеристики	Выборка	Средний ранг	U		Уровень значимости p
			Манна	Уитни	
Безопасность	Y	48,58	225,0		<0,001
	Z	24,43			
Риск-Новизна	Y	27,21	293,0		<0,001
	Z	47,63			
Гедонизм	Y	31,58	459,0		0,022
	Z	42,89			
Благожелательность	Y	30,01	399,5		0,003
	Z	44,59			
Конформность	Y	32,17	481,5		0,041
	Z	42,24			
Удовлетворенность ПвБ	Y	30,61	422,0		0,007
	Z	43,94			

Table 4.3

Statistically significant differences in the value profile and satisfaction of security need between respondents of generations Y and Z

Socio-psychological characteristics	Sample	Mean rank	U		p-value
			(Mann)	(Whitney)	
Security	Y	48.58	225.0		<0.001
	Z	24.43			
Stimulation	Y	27.21	293.0		<0.001
	Z	47.63			
Hedonism	Y	31.58	459.0		0.022
	Z	42.89			
Benevolence	Y	30.01	399.5		0.003
	Z	44.59			
Conformity	Y	32.17	481.5		0.041
	Z	42.24			
Satisfaction of security need	Y	30.61	422.0		0.007
	Z	43.94			

Наивысшие значения средних баллов по шкале негативного отношения к роботам (Рисунок 1) респонденты трех поколений демонстрировали применительно к социальному влиянию роботов (когнитивный компонент), а наименьшие — к эмоциональному взаимодействию с роботами (эмоциональный компонент). Между тем статистически достоверные различия (U-критерий Манна — Уитни) были обнаружены только в части когнитивного компонента ($U = 317,5$; $p = 0,010$) между респондентами поколений X ($M = 21,90$; $SD = 7,11$) и Z ($M = 17,14$; $SD = 6,86$), а также эмоционального компонента ($U = 479,5$; $p = 0,040$) между респондентами поколений Y ($M = 12,79$; $SD = 4,39$) и Z ($M = 10,74$; $SD = 4,10$).

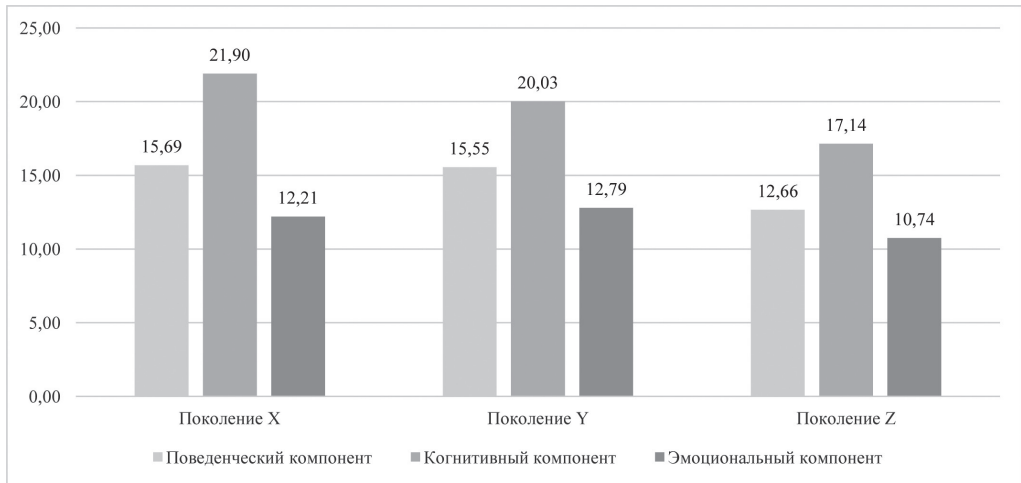

Рисунок 1
Средние баллы по шкале негативного отношения к роботам

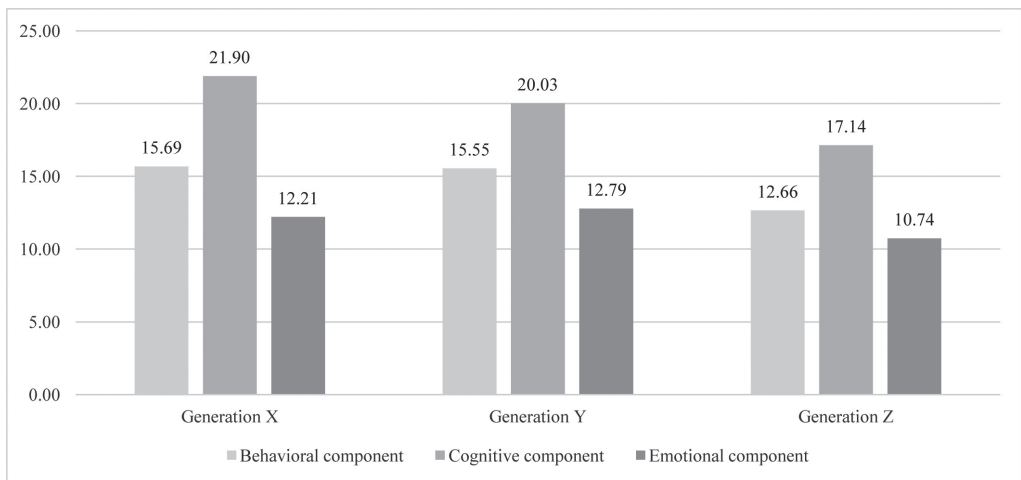

Figure 1
Average scores on the scales of negative attitude towards robots

В ходе исследования выявлена взаимосвязь (ранговая корреляция Спирмена) компонентов негативного отношения к роботам с ценностными ориентациями, удовлетворенностью ПвБ и типом отношения к технологиям (Таблица 5).

Таблица 5

Результаты корреляционного анализа шкал негативного отношения к роботам с ценностным профилем, удовлетворенностью ПвБ и отношением к технологиям

	Поведенческий компонент	Когнитивный компонент	Эмоциональный компонент
Безопасность	$r = 0,286; p = 0,004$	$r = 0,394; p \leq 0,001$	$r = 0,402; p \leq 0,001$
Самостоятельность		$r = 0,219^*; p = 0,027$	
Риск-новизна	$r = -0,212^*; p = 0,032$	$r = -0,201^*; p = 0,043$	
Гедонизм		$r = -0,262; p = 0,008$	
Универсализм			$r = -0,225^*; p = 0,023$
Благожелательность			$r = -0,200^*; p = 0,044$
Удовлетворенность ПвБ	$r = -0,686; p \leq 0,001$	$r = -0,750; p \leq 0,001$	$r = -0,635; p \leq 0,001$
Технофилия	$r = -0,199^*; p = 0,045$		
Технопессимизм	$r = 0,287; p = 0,003$	$r = 0,303; p = 0,002$	$r = 0,274; p = 0,005$
Технорационализм	$r = 0,214^*; p = 0,031$	$r = 0,315; p = 0,001$	$r = 0,262; p = 0,008$

Примечание: r — коэффициент корреляции по Спирмену, p — уровень статистической значимости корреляций, *корреляция значима на уровне 0,05

Table 5

Correlations of the scales of negative attitude towards robots with values, security need satisfaction, and attitude towards technologies

	Behavioral component	Cognitive component	Emotional component
Security	$r = 0.286; p = 0.004$	$r = 0.394; p \leq 0.001$	$r = 0.402; p \leq 0.001$
Self-direction		$r = 0.219^*; p = 0.027$	
Stimulation	$r = -0.212^*; p = 0.032$	$r = -0.201^*; p = 0.043$	
Hedonism		$r = -0.262; p = 0.008$	
Universalism			$r = -0.225^*; p = 0.023$
Benevolence			$r = -0.200^*; p = 0.044$
Satisfaction of security need	$r = -0.686; p \leq 0.001$	$r = -0.750; p \leq 0.001$	$r = -0.635; p \leq 0.001$
Technophilia	$r = -0.199^*; p = 0.045$		
Technopessimism	$r = 0.287; p = 0.003$	$r = 0.303; p = 0.002$	$r = 0.274; p = 0.005$
Technorationalism	$r = 0.214^*; p = 0.031$	$r = 0.315; p = 0.001$	$r = 0.262; p = 0.008$

Note: r — Spearman correlation coefficient, p — level of statistical significance of correlations, * correlation is significant at 0.05

На основании выявленных взаимосвязей был проведен линейный регрессионный анализ. Чтобы определить предикторы поведенческого компонента, были взяты следующие его корреляты: безопасность, риск-новизна, удовлетворенность ПвБ, технорационализм, технофилия и технопессимизм. Данная совокупность переменных описывает около 64% дисперсии ($R^2 = 0,644$; $R = 0,803$). Однако статистически значимым предиктором является только удовлетворенность ПвБ ($\beta = -0,803$; $P \leq 0,001$). Для определения предикторов когнитивного компонента использовались соответствующие корреляты: безопасность, самостоятельность, риск-новизна, гедонизм, удовлетворенность ПвБ, технорационализм и технопессимизм. Данная совокупность переменных описывает около 66% дисперсии ($R^2 = 0,663$; $R = 0,814$), но из всей группы коррелятов статистически значимыми предикторами являются только удовлетворенность ПвБ ($\beta = -0,771$; $P \leq 0,001$) и технорационализм ($\beta = 0,147$; $P = 0,015$). Чтобы определить предикторы эмоционального компонента были взяты следующие его корреляты: безопасность, универсализм, благожелательность, удовлетворенность ПвБ, технорационализм и технопессимизм. Совокупность указанных переменных описывает около 51% дисперсии ($R^2 = 0,511$; $R = 0,715$), при этом статистически значимыми предикторами являются удовлетворенность ПвБ ($\beta = -0,691$; $P \leq 0,001$) и благожелательность ($\beta = -0,221$; $P = 0,002$).

Обсуждение результатов

Результаты исследования показывают, что большая расположенность и готовность к использованию роботов связана с интересом к новому опыту и готовностью рисковать, стремлением к деятельности, приносящей удовольствие. В свою очередь, стремление к безопасной обстановке, избеганию опасных ситуаций, использованию привычных вещей, а также низкая удовлетворенность ПвБ сопряжены с усугублением негативного отношения к роботам. Наиболее негативное отношение к роботам возникает в части возможных социальных последствий, тогда как наиболее положительное отношение респонденты трех поколений испытывают к проявлению роботами эмоций. Рост положительного отношения к социальному влиянию роботов сочетается с гедонистическим стремлением, что можно объяснить, исходя из возможности робота освободить человека от рутинных дел и позволить ему уделять больше внимания себе, своим увлечениям и досугу. Снижение значимости ценности универсализма согласуется с ростом негативного отношения к эмоциональному компоненту во взаимодействии с роботами. Ввиду того, что ценность универсализма заключается в стремлении человека к пониманию, а также поддержанию благополучия других, это можно объяснить большей эмоциональной привязанностью людей к роботам, убеждением в возможности роботов иметь свои эмоции.

Между тем, от поколения X к поколению Z происходит частичное изменение ценностного профиля личности и степени удовлетворенности ПвБ. Так, для

старшего поколения X характерна приверженность более традиционному и привычному.

Для поколения Y меньше, чем для поколения Z, характерен риск и стремление к новому, однако для него менее типична ценность традиции и более типична ценность гедонизма в сравнении с поколением X. Для представителей поколения Y практически так же, как и для представителей поколения X, важна ценность безопасности, а по степени удовлетворенности ПвБ они занимают промежуточное положение между поколениями X и Z. По сравнению с респондентами реформенного поколения, для центениалов более типична технофилия и менее — технопессимизм. При этом отношение к роботам достоверно не отличается у представителей поколений Y и X. Между тем, именно у поколения X ПвБ удовлетворена в меньшей степени, и, в сравнении с представителями поколения Z, они более негативно настроены в отношении социального влияния роботов. Более молодое поколение Z меньше, чем старшие поколения X и Y, беспокоят вопросы безопасности, они склонны к риску, испытанию новых ощущений и эмоций, получению удовольствия. Потребность в безопасности удовлетворена у поколения центениалов больше, чем у представителей поколений X и Y, и для них более характерна технофилия.

Высокая степень удовлетворенности ПвБ является предиктором более положительного отношения к роботам (компонентам отношения). Принимая во внимание положение Маслоу о том, что проявлением ПвБ является стремление к привычному (Маслоу, 1999), можно предположить, что роботы, не являющиеся «традиционным» элементом повседневной жизни, вероятно, ощущаются как потенциальная угроза. Более положительное отношение к ним требует, в том числе, формирования чувства психологической безопасности.

В целом можно констатировать, что полученные результаты соответствуют результатам проведенных ранее исследований (Солдатова, Рассказова, 2017; Нестик, Журавлев, 2020; Алексеева, Ржанова, 2021), однако дополняют их в части соотношения ценностного профиля респондентов трех поколений с их отношением к роботам и степенью удовлетворенности ПвБ.

Выводы

Результаты представленного исследования показали, что отношение человека к роботам взаимосвязано со степенью удовлетворенности потребности в безопасности, а также ценностным профилем личности, который имеет характерные отличия в зависимости от принадлежности к определенной возрастной группе. Анализ полученных данных позволяет заключить, что большая удовлетворенность потребности в безопасности способствует более положительному отношению к роботам. Новые технологии могут способствовать снижению чувства безопасности и, как следствие, их неприятию. Молодое поколение центениалов больше склонно к риску, меньше избегает опасностей и меньше стремится к безопасной среде и использованию привычных вещей. По сравнению с ними, поко-

ление X более пессимистично настроено в отношении новых технологий, а также более негативно — в отношении социального влияния роботов.

Таким образом, в ходе исследования была установлена взаимосвязь между ценностными ориентациями личности, степенью удовлетворенности потребности в безопасности и отношением к роботам. Результаты исследования могут быть использованы в последующих работах, целью которых будет являться изучение социально-психологических аспектов взаимодействия человека с роботом.

Практическое применение

Проведенное исследование способствовало расширению имеющихся эмпирических данных о взаимосвязи личностных особенностей и отношения к роботизированным технологиям. Изучаемая проблема представляется нам актуальной и объемной, поскольку именно от отношения человека к конкретной технологии зависит ее дальнейшая судьба — будет ли она принята обществом или отвергнута. Определение мотивирующих и сдерживающих компонентов потребительского поведения способствует построению более благоприятного процесса внедрения инновационных технологий, в частности, роботов, оснащенных ИИ.

Ограничения исследования

Ограничения исследования связаны с размером выборки, а также регионом проживания респондентов. В последующих исследованиях выборка может быть расширена за счет привлечения участников из других регионов. Кроме того, в данном исследовании не учитывались возможный опыт взаимодействия респондентов с роботами, а также их разновидности, функциональные особенности и степень автономности. В качестве ориентиров для дальнейшего исследования, группы респондентов могут быть разделены в зависимости от имеющегося опыта использования роботизированных помощников, а также в зависимости от их вида, функций и возможностей по взаимодействию с окружающей средой.

Список литературы

Акимова, А.Ю. (2013). Эффективность профессиональной деятельности работников с разными типами доверия технике: на примере работников локомотивных бригад: дисс. канд. психол. наук. Москва.

Акимова, А.Ю. (2020). Доверие и недоверие человека технике: Социально-психологический подход. Москва: ИП РАН.

Акмаев, В.А. (2022). Психометрические показатели и модификация методики негативного отношения к роботам (NARS). *Психологический журнал*, 43(6), 76–84. <https://doi:10.31857/S020595920023645-5>

Алексеева, О.С., Ржанова, И.Е. (2021). Ценностные ориентации представителей четырех возрастных групп россиян. *Новые психологические исследования*, (3), 121–133.

Емелин, В.А. (2022). Профессиональная идентичность в динамике технологического развития информационного общества. *Национальный психологический журнал*, 4(48), 9–18. <https://doi:10.11621/npj.2022.0402>

Зотова, О.Ю. (2011). Потребность в безопасности у представителей разных социально-экономических групп. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, (4), 84–91.

Зотова, О.Ю. (2016). Теоретический обзор современных концепций психологической безопасности. *Ярославский педагогический вестник*, (6), 247–253.

Кисляков, П.А., Меерсон, А.-Л.С., Шмелева, Е.А. (2022). Общество риска, VUCA-мир и BANI-мир: угрозы психологической безопасности или возможности для развития. В О.В. Кожевникова, В.Ю. Хотинец (Ред.), *Трансмиссия культурного опыта и социальных практик в эпоху транзитивности: Международная научно-практическая конференция*. Ижевск: Изд-во УдГУ.

Лебедева, Н.М., Бушина, Е.В., Шмидт, П. (2020). Индивидуально-личностные и контекстуальные предикторы организационной креативности в России. *Организационная психология*, 10(4), 63–87.

Магун, В., Руднев, М. (2008). Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 1(93), 33–58.

Маслоу, А. (1999). *Мотивация и личность*. Пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. Санкт-Петербург: Евразия.

Моздаков, А.Ю. (2008). *Социально-философские аспекты проблемы безопасности: дисс. кандидата философских наук*. Великий Новгород.

Нестик, Т.А., Журавлев, А.Л. (2018). *Психология глобальных рисков*. Москва: ИП РАН.

Нестик, Т.А., Журавлев, А.Л. (Ред.). (2020). *Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ: коллективная монография*. Москва: ИП РАН. <https://doi:10.38098/soc.2020.88.75.001>

Обознов, А.А., Акимова, А.Ю. (2020). Проблема доверия профессионала коллаборативному Роботу. *Психология труда, организации и управления в условиях современных технологий: состояние и перспективы развития: Международная научно-практическая конференция*. Тверь: Изд-во ТГУ.

Пишняк, А., Халина, Н. (2021). Восприятие новых технологий населением как показатель открытости к инновациям. *Форсайт*, 15(1), 39–54.

Радаев, В.В. (2018). Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. *Социологические исследования*, 3(407), 15–33.

Ржанова, И.Е., Алексеева, О.С., Альбов, А.С., Бурдукова, Ю.А. (2022). Гендерные различия по индивидуальным ценностям у представителей поколения миллениалов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 12(3), 249–264.

Рикель, А.М., Старостина, Ю.А. (2023). Цифровые риски и цифровая безопасность глазами разных поколений: опыт качественного исследования. *Вектор науки ТГУ. Сер.: Педагогика, психология*, 3(54), 68–75.

Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И. (2017). «Цифровая» ситуация развития межпоколенческих отношений: разрыв и взаимодействие между подростками и родителями в Интернете. *Мир психологии*, 1(89), 134–143.

Солдатова, Г.У., Нестик, Т.А., Рассказова, Е.И., Дорохов, Е.А. (2021). Психодиагностика технофобии и технофилии: разработка и апробация опросника отношения к технологиям для подростков и родителей. *Социальная психология и общество*, 12(4), 170–188.

Тарунтаев, П.И. (2023). Использование цифровых устройств старшими дошкольниками и уровень развития умственных способностей. *Современное дошкольное образование*, 5(119), 56–67. <https://doi.org/10.24412/2782-4519-2023-5119-56-67>

Фоломеева, Т.В., Винокуров, Ф.Н., Федотова, С.В., Садовская, Е.Д. (2022). Роль цифровых технологий в экономических решениях: искусственный интеллект и склонность к риску. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (3), 40–64. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.03.04>

Ющенко, А.С. (2018). Человек и робот — эргономические проблемы коллаборативной робототехники. *Мир психологии*, 4(96), 86–102.

Ющенко, А.С. (2020). Коллаборативная робототехника и человеческий фактор. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Москва: ИП РАН.

Acemoglu, D., Restrepo, P. (2018). The Race between Man and Machine: Implications of Technology for Growth, Factor Shares, and Employment. *American Economic Review*, 108(6), 1488–1542. <http://dx.doi.org/10.1257/aer.20160696>

Dautenhahn, K. (2007). Socially intelligent robots: dimensions of human-robot interaction. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 362(1480), 679–704. <https://doi.org/10.1098/rstb.2006.2004>

Davidov, E., Schmidt, P., Schwartz, S. (2008). Bringing values back in. The adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries. *Public Opinion Quarterly*, 72(3), 420–445. <https://doi.org/10.1093/poq/nfn035>

Fedotova, V.A. (2017). Individual values as predictors of positive or negative attitudes towards innovation among representatives of various generations of Russian people. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 14(4), 717–734. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-4-717-734>

Goodrich, M.A., Schultz, A.C. (2008) Human—Robot Interaction: A Survey. *Foundations and Trends in Human—Computer Interaction*, 1(3), 203–275. <http://dx.doi.org/10.1561/1100000005>.

Kotov, A.A. (2017). A computational model of consciousness for artificial emotional agents. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(3), 57–73. DOI: 10.11621/pir.2017.0304

Purc, E., Laguna, M. (2019). Personal values and innovative behavior of employees. *Frontiers in Psychology*, (10), 865. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00865>

Turja, T., Särkikoski, T., Koistinen, P., Melin, H. (2022). Basic human needs and robotization: How to make deployment of robots worthwhile for everyone? *Technology in Society*, (68), 101917. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.101917>

Schwartz, S.H. (2021). A Repository of Schwartz Value Scales with Instructions and an Introduction. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(2). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1173>

References

Acemoglu, D., Restrepo, P. (2017). The Race between Man and Machine: Implications of Technology for Growth, Factor Shares, and Employment. *American Economic Review*, 108(6), 1488–1542. <http://dx.doi.org/10.1257/aer.20160696>

Akimova, A.Y. (2013). Effektivnost' professional'noi deyatel'nosti rabotnikov s raznymi tipami doveriya tekhnike: na primere rabotnikov lokomotivnykh brigad: Diss. kand. psikhol. nauk. (The effectiveness of professional activity of employees with different types of trust in technology: on the example of employees of locomotive crews: dissertation). Cand. Sci. (Psychology). Moscow. (In Russ.).

Akimova, A.Y. (2020). Human trust and distrust of technology: A Socio-psychological approach. Moscow: IP RAN. (In Russ.).

Akmaev, V.A. (2022). Psychometric Indicators and Modification of the Negative Attitudes Towards Robots Scale (NARS). *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 43(6), 76–84. <https://doi.org/10.31857/S020595920023645-5>

Alekseeva, O.S., Rzhanova, I.E. (2021). Value orientations in representatives of four age groups of Russians. *Novye psikhologicheskie issledovaniya (New Psychological Research)*, (3), 121–133. (In Russ.).

Dautenhahn, K. (2007). Socially intelligent robots: dimensions of human-robot interaction. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 362(1480), 679–704. <https://doi.org/10.1098/rstb.2006.2004>

Davidov, E., Schmidt, P., Schwartz, S. (2008). Bringing values back in. The adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries. *Public Opinion Quarterly*, 72(3), 420–445. <https://doi.org/10.1093/poq/nfn035>

Emelin, V.A. (2022). Professional identity in the dynamics of the technological development of the information society. *National psychological journal*, 4(48), 9–18. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.04XX>

Fedotova, V.A. (2017). Individual values as predictors of positive or negative attitudes towards innovation among representatives of various generations of Russian people. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 14(4), 717–734. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-4-717-734>

Folomeeva, T.V., Vinokurov, F.N., Fedotova, S.V., Sadovskaia, E.D. (2022). The Role of Digital Technologies in Economic Decision-Making: Artificial Intelligence and Risk-Taking. *Moscow University Psychology Bulletin*, (3), 40–64. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.03.04>

Goodrich, M.A., Schultz, A.C. (2008). Human—Robot Interaction: A Survey. *Foundations and Trends in Human—Computer Interaction*, 1(3), 203–275. <http://dx.doi.org/10.1561/1100000005>.

Kislyakov, P.A., Meerson, A.-L.S., Shmeleva, E.A. (2022). Risk society, VUCA-world and BANI-world: threats to psychological security or opportunities for development. In Kozhevniko-

va, O.V., Khotinets, V.Yu. (Eds.), Transmission of cultural and social practices in the era of Transitivity: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Izhevsk: USU. (In Russ.).

Kotov, A.A. (2017). A computational model of consciousness for artificial emotional agents. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(3), 57–73. <https://doi.org/10.11621/pir.2017.0304>

Lebedeva, N.M., Bushina, E.V., Shmidt, P. (2020). Individual, personal, and contextual predictors of organizational creativity in Russia. *Organizatsionnaya psikhologiya (Organizational psychology)*, 10(4), 63–87. (In Russ.).

Magun, V., Rudnev, M. (2008). Life values of the Russian population: similarities and differences in comparison to other European countries. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii (The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions)*, 1(93), 33–58. (In Russ.).

Maslow, A. (1999). Motivation and personality (Ed. by A.M. Tatlybayeva). St. Petersburg: Evraziya. (In Russ.).

Mozdakov, A.Y. (2008). Socio-philosophical aspects of the security problem: Diss. for the degree of Candidate of Philosophical Sciences. Velikii Novgorod. (In Russ.).

Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (2018). Psychology of global risks. Moscow: IP RAN. (In Russ.).

Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (Eds.). (2020). Man in the conditions of global risks: socio-psychological analysis. Moscow: IP RAN. (In Russ.).

Oboznov, A.A., Akimova, A.Y. (2020). The problem of trust of professional to the collaborative robot. In the Collection of Psychology of labor, organization and management in the conditions of modern technologies: state and perspectives of development. International Scientific and Practical Conference. Tver: TSU. (In Russ.).

Pishnyak, A., Khalina, N. (2021). The perception of new technologies by the population as an indicator of openness to innovation. *Forsait (Foresight and STI Governance)*, 15(1), 39–54. (In Russ.).

Purc, E., Laguna, M. (2019). Personal values and innovative behavior of employees. *Frontiers in Psychology*, 10(865). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00865>

Radaev, V.V. (2018). Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*, 3(407), 15–33. (In Russ.).

Rikel', A.M., Starostina, Y.A. (2023). Digital risks and digital security through the eyes of different generations: qualitative investigation experience. *Vektor nauki TGU. Ser.: Pedagogika, psikhologiya (Vector of science TSU. Ser.: Pedagogy, Psychology)*, 3(54), 68–75. (In Russ.).

Rzhanova, I.E., Alekseeva, O.S., Al'bov, A.S., Burdukova, Yu.A. (2022). Gender differences in values among representatives of the millennial generation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya (Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology)*, 12(3), 249–264. (In Russ.).

Schwartz, S.H. (2021). A Repository of Schwartz Value Scales with Instructions and an Introduction. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(2). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1173>

Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. (2017). The «digital» situation of the development of intergenerational relations: the gap and interaction between adolescents and parents on the Internet. *Mir psikhologii (World of psychology)*, 1(89), 134–143. (In Russ.).

Soldatova, G.U., Nestik, T.A., Rasskazova, E.I., Dorokhov, E.A. (2021). Psychodiagnostics of technophobia and technophilia: development and testing a questionnaire of attitudes towards technology for adolescents and parents. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo (Social psychology and society)*, 12(4), 170–188. (In Russ.).

Taruntaev, P.I. (2023). The use of digital devices by older preschoolers and the level of development of mental abilities. *Preschool Education Today*, 5(119), 56–67 (In Russ.). <https://doi:10.24412/2782-4519-2023-5119-56-67>

Turja, T., Särkikoski, T., Koistinen, P., Melin, H. (2022). Basic human needs and robotization: How to make deployment of robots worthwhile for everyone? *Technology in Society*, (68), 101917. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.101917>

Yushchenko, A.S. (2018). Man and robot — ergonomic problems of collaborative robotics. *Mir psikhologii (World of psychology)*, 4(96), 86–102. (In Russ.).

Yushchenko, A.S. (2020). Collaborative robotics and human factor. Actual problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics. Moscow: IP RAN. (In Russ.).

Zotova, O.Y. (2011). Need for safety with different social and economic groups. *Moscow University Psychology Bulletin*, (4), 84–91. (In Russ.).

Zotova, O.Y. (2016). Theoretical Overview of Contemporary Concepts of Psychological Security. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, (6), 247–253. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Юрьевич Саенко, аспирант кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики Российского государственного социального университета, Москва, Российская Федерация, a.y.saenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8150-2940>

ABOUT THE AUTHOR

Alexsey Y. Saenko, Graduate student of the Department of psychology, conflictology and behavioristics, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation a.y.saenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8150-2940>

Поступила: 27.11.2023; получена после доработки: 19.12.2023; принята в печать: 15.02.2024.
Received: 27.11.2023; revised: 19.12.2023; accepted: 15.02.2024.

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/TEP-24-04>

УДК/UDC159.923

Отношение к цифровым образовательным технологиям у студентов: определение, диагностика, гендерные особенности

И.А. Новикова ✉, П.А. Бычкова

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

✉ novikova-ia@rudn.ru

Резюме

Актуальность. В российской психологии существует дефицит психодиагностических методик для изучения отношения к цифровым образовательным технологиям (ЦОТ) у студентов, которое имеет важное значение для оптимальной цифровизации образования.

Цель. Определение и операционализация понятия «отношение к ЦОТ», разработка методики для диагностики отношения к ЦОТ у российских студентов и выявление различий в отношении к ЦОТ у студентов мужского и женского пола.

Выборка. В исследовании приняли участие 317 студентов российских вузов (средний возраст $20,44 \pm 2,97$ лет), из них 157 юношей и 160 девушек.

Методы. Теоретический анализ научной литературы по проблемам исследования; авторская методика «Шкала диагностики отношения студентов к ЦОТ»; анкетный опрос для выявления социально-демографических характеристик и мнений респондентов; статистическая обработка данных с использованием коэффициентов альфа Кронбаха и омега Макдональда, конфирматорного факторного анализа, U-критерия Манна — Уитни, критерия Шапиро — Уилка.

Результаты. На основе интеграции положений теории отношений личности В.Н. Мясищева и трехсторонней модели аттитюда определено понятие «отношение к ЦОТ». Разработана и валидизирована «Шкала диагностики отношения студентов к ЦОТ», включающая эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты. Анализ данных, полученных посредством разработанного диагностического инструмента, позволил установить преобладание положительного отношения к ЦОТ у большинства обследованных студентов, более выраженного у девушек, чем у юношей.

Выводы. Разработанная методика для диагностики отношения студентов к ЦОТ основана на теоретических представлениях о трехкомпонентной структуре отношения, включающей когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Методика имеет трехфакторную структуру, обладает высокой надежностью и может быть использована в научных исследованиях и практических разработках с целью оптимизации неизбежных процессов цифровизации

высшего образования. Обнаруженные гендерные различия указывают на более позитивное отношение студентов женского пола к цифровым технологиям в образовании.

Ключевые слова: цифровые образовательные технологии, отношение, аттитюд, студенты, цифровизация образования, гендерные различия

Для цитирования: Новикова, И.А., Бычкова, П.А. (2024). Отношение к цифровым образовательным технологиям у студентов: определение, диагностика, гендерные особенности. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 17(1), 70–84. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-04>

Attitudes towards digital educational technologies among university students: concept, measurement, and gender differences

Irina A. Novikova ✉, Polina A. Bychkova

Psychology and Pedagogy Department, RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉novikova-ia@rudn.ru

Abstract

Background. In Russian psychology, there is a shortage of psychodiagnostic tools for measuring the university students' attitudes towards digital educational technologies (DETs), which is important for the optimal digitalization of educational process.

Objectives. The study had its purpose to define the concept of “attitude towards DETs”, develop the scale for diagnostics of attitudes towards DETs among university students, and reveal gender differences in their attitudes towards DETs.

Study Participants. The study involved 317 Russian university students (157 male and 160 female) aged 17 to 35 years.

Methods. Review of scientific literature on the research problem; the “Attitudes towards DETs Scale for University Students” (ATDETS-US) developed by the authors; survey to identify socio-demographic characteristics and opinions of respondents; methods of mathematical and statistical data processing (Cronbach's Alpha and McDonald's Omega coefficients, confirmatory factor analysis, Mann — Whitney *U* test, Shapiro — Wilk test).

Results. The concept of “attitude towards DETs” was defined based on the integration of the main provisions of Myasishchev's Personality Attitudes Theory and the Tripartite Model of Attitude “ACB”. The authors have developed and validated the “Scale for diagnostics of university students' attitudes towards DETs” including emotional, cognitive, and behavioral components. The data obtained by means of the developed Scale allowed to establish a predominance of positive attitudes towards DETs among the majority of students in the study, which was more pronounced among girls than among boys.

Conclusions. The scale developed in the study for diagnostics of the university students' attitudes towards DETs is based on the theoretical concepts of attitudes that

consist of cognitive, emotional, and behavioral components. The scale has a three-factor structure, exhibits good reliability and is suitable for implementation in the research and practical developments to enhance the unavoidable processes of digitalization in higher education. Gender differences revealed female students to have a more favorable attitude towards digital technologies in education.

Keywords: digital educational technologies, attitude, university students, digitalization of education, gender differences

For citation: Novikova, I.A., Bychkova, P.A. (2024). Attitudes towards digital educational technologies among university students: concept, measurement, and gender differences. *Theoretical and experimental psychology*, 17(1), 70–84. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-04>

Введение

Неотъемлемой реальностью современности является цифровизация всех сфер жизни общества, темпы и масштаб которой стремительно возросли в результате пандемии COVID-19 и последующих ограничительных мер. Отечественные и зарубежные авторы отмечают, что многие трудности, связанные с цифровой трансформацией образования, ставшие более очевидными в период пандемии, обусловлены не только объективными техническими проблемами, но и психологическими особенностями всех участников образовательного процесса, в том числе их *субъективным отношением к цифровым технологиям* (Алешковский и др., 2021; Нарбут и др., 2020; Chaturvedi et al., 2021; Radu et al., 2020; Rizun, Strzelecki, 2020; Novikova et al., 2022a; 2022b, 2023 и др.).

Российские и зарубежные исследователи, определяя понятие «цифровые технологии», относят к ним самые разные современные технологии: социальные, мобильные, аналитические, облачные, Интернет вещей и др. (Гребенникова, Новикова, 2019; Vial, 2019). На наш взгляд, цифровые образовательные технологии охватывают все элементы системы образования, которые так или иначе используют не «традиционные», а цифровые средства и методы (Новикова и др., 2021; Novikova et al., 2022a; 2022b; 2023). Таким образом, термин «*цифровые образовательные технологии*» (далее — ЦОТ) понимается нами в самом широком смысле и включает цифровые учебные материалы (электронные учебники, презентации, задания и др.); цифровые образовательные ресурсы (электронные базы данных, библиотеки, поисковые ресурсы и т.п.); цифровые образовательные системы (LMS, ТУИС и т.п.); цифровые платформы, используемые для обучения (ZOOM, MS Teams, и др.); цифровую (виртуальную) образовательную среду, а также использование искусственного интеллекта в образовании.

Особую значимость для психологических исследований цифровизации образования представляет изучение и диагностика *отношения к ЦОТ* со стороны участников образовательного процесса, в связи с чем необходимо определить и операционализировать данное понятие.

Операционализация и диагностика отношения к ЦОТ в зарубежных и российских исследованиях

В отечественной психологии категория «отношение» наиболее последовательно разрабатывалась В.Н. Мясищевым, который считал, что отношение к каждому объекту проявляется в интересах, эмоциональной (положительной или отрицательной) оценке и действенной активности (Мясищев, 1995, с. 49). В зарубежных исследованиях термину «отношение» чаще всего соответствует термин «аттитюд» или социальная установка как относительно устойчивая и общая оценка объекта, человека, группы, проблемы или концепции в диапазоне от отрицательного до положительного (VandenBos, 2015, р. 88, 1109). В современных исследованиях отношения к ЦОТ зарубежные авторы обращаются к трехсторонней модели аттитюда «АСВ», получившей название в соответствии с основными компонентами социальной установки: *аффективным, когнитивным и поведенческим (Affective, Cognitive, Behavioral)* (Guillen-Gámez et al., 2020).

В данной работе под «отношением» к ЦОТ рассматривается совокупность субъективно-оценочных отношений, которые определяют характер переживаний, особенности восприятия и понимания, характер поведенческих реакций студентов при взаимодействии с цифровыми технологиями в образовательных целях.

Психодиагностические инструменты для измерения отношения студентов к ЦОТ за рубежом стали разрабатываться задолго до пандемии на основе различных моделей. Например, одной из широко используемых методик является Шкала использования и отношения к медиа и технологиям (*The Media and Technology Usage and Attitudes Scale, MTUAS*), включающая шкалы: позитивное отношение, негативное отношение, технологическая тревога/зависимость и отношение к преклужению между задачами (Rosen et al., 2013).

Во многих зарубежных исследованиях отношение студентов и преподавателей к ЦОТ рассматривается с использованием Шкалы отношения к информационным компьютерным технологиям (ИКТ) (*Scale of Attitudes Towards ICT, SATICT*), состоящей из трех шкал: аффективной, когнитивной и поведенческой, в соответствии с моделью АСВ (Ordóñez, Romero Martínez, 2016).

В России до последнего времени практически не было разработано специальных инструментов для диагностики отношения к ЦОТ, за исключением исследования отношения к интернет-технологиям (Солдатова, Нестик, 2016), краткой и скрининговой версии *Индекса цифровой компетентности (ИЦК)* (Солдатова, Рассказова, 2018), *Шкалы оценки цифровой образовательной среды (ЦОС) университета* (Сорокова и др., 2021), а также ряда социологических исследований (например, Алешковский и др., 2021) и анкетных опросов (Исмагулина, Захаров, 2021).

В связи с потребностью в инструментах для измерения отношения к ЦОТ, авторами статьи в 2019 г. был разработан *Опросник отношения студентов к ЦОТ* (Новикова и др., 2021; Novikova et al., 2022a). Однако, с учетом накопленного в период пандемии опыта цифровизации высшего образования и анализа подходов к операционализации понятия «отношение», нами была поставлена цель разрабо-

тать новый психодиагностический инструмент на основе представленного выше определения понятия «отношение к ЦОТ». Кроме того, интерес представляют гендерные особенности отношения к ЦОТ у российских студентов и разработка практических рекомендаций по их учету в процессе психолого-педагогического сопровождения цифровизации образования.

Описание хода исследования

Сбор эмпирических данных проводился с апреля 2022 г. по май 2023 г. с использованием GoogleForms. Ссылки на опрос направлялись студентам преподавателями психологических и гуманитарных дисциплин, за участие в исследовании студенты получали дополнительные баллы по соответствующим дисциплинам, что позволяло обеспечить контроль за качеством заполнения опросников.

Выборка

В исследовании приняли участие студенты различных российских вузов. Общая выборка составила 680 человек, включая 520 девушек и 160 юношей, в возрасте от 16 до 37 лет (средний возраст — 20 лет). В сбалансированную по полу выборку валидации вошло 317 студентов (средний возраст $20,44 \pm 2,97$ лет) — 160 девушек (средний возраст $20,26 \pm 3,01$ лет) и 157 юношей (средний возраст $20,62 \pm 2,92$ лет), обучающихся по направлениям подготовки в области гуманитарных, социальных и точных наук. Более подробно социально-демографический состав выборки представлен в Таблице 1.

Таблица 1
Социально-демографический состав выборки валидации

Основные подгруппы	Выборка валидации		Юноши		Девушки		
	N	%	N	%	N	%	
Пол	Юноши	157	49,5	157	100	-	-
	Девушки	160	50,5	-	-	160	100
Уровень образования	Бакалавриат	268	84,5	132	84,1	136	85
	Магистратура	28	8,8	14	8,9	14	8,8
	Специалитет	21	6,6	11	7	10	6,3
Форма обучения	Очная	276	87,1	139	88,5	137	85,6
	Очно-заочная	27	8,5	11	7	16	10
	Заочная	14	4,4	7	4,5	7	4,4
Курс	1	128	40,4	61	38,9	67	41,9
	2	110	34,7	54	34,4	56	35
	3	53	16,7	26	16,6	27	16,9
	4	21	6,6	13	8,3	8	5
	5	3	0,9	2	1,3	1	0,6
	6	2	0,6	1	0,6	1	0,6
Всего		317	100	157	100	160	100

Возраст	Минимум	17	17	17
	Максимум	35	35	35
	Средний	20,44	20,62	20,26
	Ст. отклон.	2,97	2,92	3,01

Table 1
Socio-demographic characteristics of sample

Main subgroups	Validation sample		Male		Female		
	N	%	N	%	N	%	
Sex	Male	157	49.5	157	100	-	-
	Female	160	50.5	-	-	160	100
Degree	Bachelor	268	84.5	132	84.1	136	85
	Master	28	8.8	14	8.9	14	8.8
	Specialty	21	6.6	11	7	10	6.3
Form of education	Full-time	276	87.1	139	88.5	137	85.6
	Part-time	27	8.5	11	7	16	10
	Extramural	14	4.4	7	4.5	7	4.4
Year of study	1	128	40.4	61	38.9	67	41.9
	2	110	34.7	54	34.4	56	35
	3	53	16.7	26	16.6	27	16.9
	4	21	6.6	13	8.3	8	5
	5	3	0.9	2	1.3	1	0.6
	6	2	0.6	1	0.6	1	0.6
Total	317	100	157	100	160	100	
Age	Min	17		17		17	
	Max	35		35		35	
	M	20.44		20.62		20.26	
	SD	2.97		2.92		3.01	

Методы

Для решения поставленных задач использовался комплекс эмпирических методов и методик: авторская методика диагностики отношения к ЦОТ у студентов; анкетный опрос для выявления социально-демографических характеристик и мнений респондентов; методы математико-статистической обработки данных (коэффициенты альфа Кронбаха и омега Макдональда, подтверждающий факторный анализ, U-критерий Манна — Уитни, критерий Шапиро — Уилка) с использованием компьютерной среды R, модуль psych и jamovi, версия 2.3.21.

Результаты исследования

1. Разработка и валидизация методики диагностики отношения к ЦОТ у студентов российских вузов

Работа по созданию и психометрической проверке Шкалы диагностики отношения студентов к ЦОТ включала несколько основных этапов, начиная с формулировки утверждений и конструирования первоначального варианта методики, далее — его психометрической проверки, сокращения и заканчивая проверкой соответствия структуры шкалы теоретической модели, критериальной валидности методики и нормированием (Бычкова, 2023; Novikova et al., 2023). При конструировании методики и формулировке ее утверждений мы опирались на предложенное выше определение «отношения к ЦОТ», соответствующее теории отношений личности В.Н. Мясищева и трехсторонней модели аттитюда, включающей эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты. Итоговый вариант методики состоит из 36 утверждений, по 12 утверждений в каждой из подшкал:

1) «Эмоциональный компонент» — отражает эмоциональную оценку вовлеченности в использование ЦОТ (примеры утверждений: «Я рад, что в социальных сетях можно узнавать новости студенческой жизни»; «Я получаю удовольствие от знакомства с возможностями новых цифровых образовательных технологий»);

2) «Когнитивный компонент» — понимание и представления о возможностях ЦОТ (примеры утверждений: «Я знаком с принципами использования цифровых устройств и технологий на семинарских занятиях в учебных целях»; «Я хорошо представляю себе плюсы и минусы онлайн-лекций по учебным дисциплинам моего направления обучения»);

3) «Поведенческий компонент» — готовность и активность использования ЦОТ (примеры утверждений: «Я часто сталкиваюсь с трудностями на семинарах и практических занятиях, проводимых в онлайн-формате»; «Я имею опыт прохождения аттестаций и сдачи экзаменов в вузе с использованием цифровых устройств и технологий»).

Утверждения в каждой подшкале отражают различные аспекты использования цифровых технологий и устройств в образовании, например, на лекциях, семинарах, при поиске литературы, выполнении домашних заданий и т.д. Согласие с утверждениями респондентам предлагается оценить по 5-балльной шкале (от 1: «совершенно не согласен» до 5: «полностью согласен»). Также подсчитывается сумма баллов по трем шкалам, которая отражает *общее отношение студентов к ЦОТ*.

Представленные в Таблице 2 коэффициенты альфа Кронбаха и омега Макдональда свидетельствуют о высокой внутренней согласованности как шкалы диагностики отношения студентов к ЦОТ в целом, так и ее отдельных подшкал.

В ходе конфирматорного факторного анализа было проверено и показано соответствие структуры шкалы предполагаемой трехфакторной теоретической

модели с общим фактором второго порядка: $\chi^2 = 1105,4$; $df = 591$; $p < 0,001$; NNFI (TLI) = 1,001; CFI = 1,000; RMSEA = 0,038; 95% CI = 0,035–0,041. Двойные нагрузки в оцениваемую модель не включались; модель оценивалась с использованием эstimатора WLSM (метод взвешенных наименьших квадратов), хи-квадрат рассчитывался по формуле Саторра — Бентлера, использовались робастные оценки стандартных ошибок.

Таблица 2

Описательная статистика и коэффициенты альфа Кронбаха и омега Макдональда итогового варианта Шкалы отношения студентов к ЦОТ

Шкалы / компоненты методики	Ср. знач.	Ст. отклон.	Мин.	Макс.	α Кронбаха	ω Макдональда
Эмоциональный	51,1	8,31	22	60	0,894	0,896
Когнитивный	49,3	7,96	26	60	0,887	0,892
Поведенческий	46,9	7,76	24	60	0,829	0,838
Отношение к ЦОТ	147,3	21,59	73	180	0,943	0,946

Table 2

Descriptive statistics, Cronbach's alpha, and MacDonald's omega coefficients for "Attitudes towards DETs Scale for University Students" (ATDETS-US) final version and its subscales

Scales	M	SD	Min	Max	Cronbach's Alpha	MacDonald's Omega
Emotional	51.1	8.31	22	60	0.894	0.896
Cognitive	49.3	7.96	26	60	0.887	0.892
Behavioral	46.9	7.76	24	60	0.829	0.838
ATDETS-US	147.3	21.59	73	180	0.943	0.946

2. Результаты диагностики отношения студентов к ЦОТ

Как следует из Таблицы 2, по общей выборке было диагностировано преобладание положительного отношения к ЦОТ у большинства обследованных студентов: полученные средние значения значительно превышают теоретически возможное среднее значение как по каждой из подшкал, так и по шкале в целом. Эти данные соответствуют ответу студентов на дополнительный анкетный вопрос относительно влияния цифровых технологий на процесс обучения: 70,7% опрошенных студентов считают, что ЦОТ положительно влияют на образовательный процесс. Отметим, что наиболее высокое среднее значение получено для эмоционального компонента ($51,1 \pm 8,31$), а относительно более низкое — для поведенческого ($46,9 \pm 7,76$).

В Таблице 3 представлены результаты сравнения отношения к ЦОТ у студентов мужского и женского пола с помощью непараметрического U-критерия Манна — Уитни для независимых выборок.

Таблица 3

Описательная статистика и статистическая оценка различий в показателях отношения к ЦОТ у юношей и девушек в выборке валидизации

Шкалы / компоненты опросника	Юноши N = 157		Девушки N = 160		U-критерий	p — уровень знач.
	M	SD	M	SD		
Эмоциональный	49,36	8,67	52,86	7,58	9414***	<0,001***
Когнитивный	48,44	8,38	50,09	7,46	11254	0,109
Поведенческий	46,39	7,75	47,46	7,77	11478	0,184
Отношение к ЦОТ	144,19	22,03	150,41	20,76	10501*	0,012*

Примечание. * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$

Table 3

Means, standard deviations, and U test for indicators of ATDETS-US and its subscales among male and female students

Scales	Male N = 157		Female N = 160		Mann — Whitney U Test	p-Value
	M	SD	M	SD		
Emotional	49.36	8.67	52.86	7.58	9414***	<0.001***
Cognitive	48.44	8.38	50.09	7.46	11254	0.109
Behavioral	46.39	7.75	47.46	7.77	11478	0.184
ATDETS-US	144.19	22.03	150.41	20.76	10501*	0.012*

* — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$

Из Таблицы 3 следует, что между показателями отношения к ЦОТ юношей и девушек существуют статистически значимые различия по эмоциональному компоненту и отношению к ЦОТ в целом: девушки более эмоционально вовлечены в использование ЦОТ и в целом более позитивно относятся к ЦОТ, чем юноши.

Обсуждение результатов

Проведенный теоретический анализ отечественной и зарубежной литературы позволил нам определить понятие «отношение к ЦОТ» как совокупность субъективно-оценочных отношений, которые определяют характер переживаний, особенности восприятия и понимания, характер поведенческих реакций личности при взаимодействии с цифровыми технологиями в образовательных целях, что согласуется как с теорией отношений личности В.Н. Мясищева (1995), так и с трехсторонней моделью аттитюда “АСВ”, общепринятой в зарубежной психологии (VandenBos, 2015). Согласно такому пониманию, отношение к ЦОТ включает в себя эмоциональный, когнитивный и поведенческий (конативный) компоненты, выраженность которых может использоваться в качестве показателей при разработке инструментов для диагностики этого отношения у студентов. Такой подход к разработке шкал отношения к цифровым технологиям в образовании соответствует многочисленным зарубежным исследованиям (García-Martínez et al., 2020; Guillén-Gámez et al., 2020; Ordóñez, Romero Martínez,

2016; Svenningsson et al., 2022), но до последнего времени практически не использовался в отечественных работах.

Разработанная нами Шкала диагностики отношения студентов к ЦОТ включает в себя три подшкалы, соответствующие эмоциональному, когнитивному и поведенческому компонентам отношения (аттитюда), каждая из которых состоит из 12 пунктов, отражающих различные аспекты использования цифровых технологий в образовательном процессе (например, при подготовке к семинарам, поиске информации, прохождении аттестационных испытаний и др.). Подобный способ формулировок утверждений методик также используется в исследованиях по сходной проблематике (Сорокова и др., 2021; Rosen et al., 2013), включая наши более ранние исследования (Новикова и др., 2021; Novikova et al., 2022a). В ходе психометрического исследования была подтверждена внутренняя согласованность и ретестовая надежность шкалы в целом и каждой из входящих в нее шкал (компонетов), а также подтверждено соответствие структуры предлагаемой методики теоретической трехфакторной модели отношения (аттитюда).

Диагностика с использованием разработанной и валидизированной методики позволила установить, что большинство опрошенных студентов достаточно позитивно относятся к ЦОТ в целом, при этом более выражены эмоциональные аспекты отношения (интерес, удовольствие, радость и т.п.) по сравнению с поведенческими (наличие опыта и навыков, отсутствие трудностей и т.п.). На наш взгляд, это соответствует данным многочисленных исследований отношения к цифровым технологиям в образовании, проведенных после начала пандемии, в которых было показано положительный сдвиг в оценке ЦОТ на разных выборках студентов по мере получения опыта дистанционного образования. При этом отмечались и трудности в использовании ЦОТ, вызванные разными объективными и субъективными причинами (Алешковский и др., 2021; Новикова и др., 2021 и др.).

В эмпирическом исследовании были выявлены гендерные особенности отношения к ЦОТ: у девушек выше как показатели эмоционального компонента, так и отношения к ЦОТ в целом. Мы склонны объяснять этот факт большей эмоциональностью девушек, которая проявляется в отношении к разным аспектам окружающей действительности. Однако в предшествующих зарубежных исследованиях были получены разнородные данные о гендерных различиях в отношении к ЦОТ у студентов: в некоторых исследованиях различия не были установлены (Tzafilkou et al., 2021), а в других были выявлены противоречивые результаты о более позитивном отношении к ЦОТ как у девушек (García-Martínez et al., 2020), так и у юношей (Guillén-Gámez et al., 2020). Противоречивость результатов может быть связана с особенностями изучаемых выборок, в которые входили студенты разных стран, университетов, направлений и уровней подготовки и т.п., а также с различием в использованных методиках. Тем не менее, полученные нами данные о различиях в отношении к ЦОТ у студентов разного пола могут найти применение в разработке психолого-педагогических программ сопровождения участников образовательного процесса при дальнейшем внедрении цифровых технологий в образование. Если в

работе с девушками возможна опора на уже существующее у них более выраженное позитивное эмоциональное отношение к ЦОТ, то работу с юношами рекомендуется начать с повышения для них эмоциональной привлекательности ЦОТ.

Ограничения данного исследования связаны с тем, что в выборке преобладают студенты крупных университетов Москвы и студенты социально-гуманитарных направлений подготовки, что открывает перспективы дальнейших исследований за счет расширения выборки.

Выводы

В результате теоретико-методологического исследования на основе интеграции идей классической отечественной теории отношений В.М. Мясищева и зарубежной модели аттитюда обоснована трехкомпонентная структура отношения к ЦОТ как теоретического и эмпирического феномена и введено в научный оборот комплексное понятие «отношение к ЦОТ».

В соответствии с предложенной операционализацией понятия «отношение к ЦОТ» разработана, валидизирована и эмпирически апробирована авторская русскоязычная методика «Шкала диагностики отношения студентов к ЦОТ», включающая эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты.

В результате эмпирического исследования с применением разработанной шкалы диагностировано преобладание общего положительного отношения к ЦОТ у большинства обследованных студентов с доминированием эмоционального компонента и меньшей представленностью поведенческого компонента.

Установлены гендерные различия в отношении к цифровым технологиям в образовании, заключающиеся в более позитивном отношении к ЦОТ у девушек за счет выраженности эмоционального компонента отношения, что необходимо учитывать в практической работе по сопровождению процессов цифровизации в вузе.

Практическое применение

Разработанная и валидизированная методика может использоваться для диагностики особенностей отношения к ЦОТ у студентов российских вузов, как при проведении научных исследований, так и в практических психолого-педагогических разработках для более целенаправленного и обоснованного внедрения и применения ЦОТ в учебном процессе высших учебных заведений.

Список литературы

Алешковский, И.А., Гаспаришвили, А.Т., Крухмалева, О.В., Нарбут, Н.П., Савина, Н.Е. (2021). Студенты России об обучении в период пандемии COVID-19: ресурсы, возможности и оценка учебы в удаленном режиме. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 21(2), 211–224. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-211-224>

Бычкова, П.А. (2023). Личностные черты и мотивация как предикторы отношения к цифровым образовательным технологиям у студентов и преподавателей: дисс. канд. психол. наук. Москва: РУДН.

Гребенникова, В.М., Новикова, Т.В. (2019). К вопросу о цифровизации образования. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 11(5), 158–165. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-5-158-165>

Исматуллина, В.И., Захаров, И.М. (2021). Оценка цифровой грамотности школьников и их представлений о STEM в зависимости от уровня цифровизации школьной среды. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 14(3), 29–35. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2021-3-29-35>

Мясищев, В.Н. (1995). Психология отношений: избранные психологические труды. Под ред. А.А. Бодалева. Москва: Институт практической психологии. Воронеж: НПО «МОДЭК».

Новикова, И.А., Бычкова, П.А., Новиков, А.Л. (2021). Отношение студентов к цифровым образовательным технологиям до и после начала пандемии COVID-19. *Ценности и смыслы*, (2), 23–44. <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2021-2-23-44>

Солдатова, Г.У., Нестик, Т.А. (2016). Отношение к интернету среди интернет-пользователей: технофобы и технофилы. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, (1), 54–61. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2016-1-54-61>

Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И. (2018). Краткая и скрининговая версии индекса цифровой компетентности: верификация и возможности применения. *Национальный психологический журнал*, (3), 47–56. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0305>

Сорокова, М.Г., Одинцова, М.А., Радчикова, Н.П. (2021). Шкала оценки цифровой образовательной среды (ЦОС) университета. *Психологическая наука и образование*, 26(2), 52–65. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260205>

García-Martínez, J.-A., Fuentes-Abeledo, E.-J., Rodríguez-Machado, E.-R. (2020). Attitudes towards the use of ICT in Costa Rican university students: The influence of sex, academic performance, and training in technology. *Sustainability*, 13(1), 282. <https://doi.org/10.3390/su13010282>

Guillén-Gámez, F.D., Mayorga-Fernández, M.J. (2020). Identification of variables that predict teachers' attitudes toward ICT in higher education for teaching and research: A study with regression. *Sustainability*, 12(4), 1312. <https://doi.org/10.3390/su12041312>

Guillén-Gámez, F.D., Romero Martínez, S.J., Ordóñez Camacho, X.G. (2020). Diagnosis of the attitudes towards ICT of education students according to gender and educational modality. *Apertura*, 12(1). <https://doi.org/10.32870/ap.v12n1.1786>

Novikova, I.A., Bychkova, P.A., Novikov, A.L. (2022a). Attitudes towards digital educational technologies among Russian university students before and during the COVID-19 pandemic. *Sustainability*, 14(10), 6203. <https://doi.org/10.3390/Su14106203>

Novikova, I.A., Bychkova, P.A., Novikov, A.L., Shlyakhta, D.A. (2022b). Personality traits and academic motivation as predictors of attitudes towards digital educational technologies among Russian university students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 689–716. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-689-716>

Novikova, I.A., Bychkova, P.A., Shlyakhta, D.A., Novikov, A.L. (2023). Attitudes towards digital educational technologies scale for university students: Development and validation. *Computers*, 12(9), 176. <https://doi.org/10.3390/computers12090176>

Ordóñez, X.G., Romero Martínez, S.J. (2016). Scale of Attitudes Towards ICT (SATICT): Factor structure and factorial invariance in distance university students. In: J. Domenech, A. Mas-Tur, N. Roig-Tierno, M. R. Vicente (Eds.), *Proceedings of the 1st International Conference on Advanced Research Methods and Analytics* (pp. 159–166). València: Editorial Universitat Politècnica de València. <https://doi.org/10.4995/carma2016.2016.3114>

Radu, M.-C., Schnakovszky, C., Herghelegiu, E., Ciubotariu, V.-A., Cristea, I. (2020). The impact of the COVID-19 pandemic on the quality of educational process: A student survey. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(21), 7770. <https://doi.org/10.3390/ijerph17217770>

Rizun, M., Strzelecki, A. (2020). Students' acceptance of the COVID-19 impact on shifting higher education to distance learning in Poland. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(18), 6468. <https://doi.org/10.3390/ijerph17186468>

Rosen, L.D., Whaling, K., Carrier, L.M., Cheever, N.A., Rökkum, J. (2013). The Media and Technology Usage and Attitudes Scale: An empirical investigation. *Computers in human behavior*, 29(6), 2501–2511. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.06.006>

Svenningsson, J., Höst, G., Hultén, M., Hallström, J. (2022). Students' attitudes toward technology: exploring the relationship among affective, cognitive and behavioral components of the attitude construct. *International Journal of Technology and Design Education*, 32(3), 1531–1551. <https://doi.org/10.1007/s10798-021-09657-7>

Tzafilkou, K., Perifanou, M., Economides, A.A. (2021). Development and validation of a students' remote learning attitude scale (RLAS) in higher education. *Education and Information Technologies*, 26(6), 7279–7305. <https://doi.org/10.1007/s10639-021-10586-0>

VandenBos, G.R. (Ed.). (2015). *APA dictionary of psychology* (2nd ed.). Washington: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/14646-000>

Vial, G. (2019). Understanding digital transformation: A review and a research agenda. *The Journal of Strategic Information Systems*, 28(2), 118–144. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>

References

Aleshkovski, I.A., Gasparishvili, A.T., Krukhmaleva, O.V., Narbut, N.P., Savina, N.E. (2021). Russian students about learning under the COVID-19 pandemic: Resources, opportunities and assessment of the distance learning. *RUDN Journal of Sociology*, 21(2), 211–224. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-211-224>

Bychkova, P.A. (2023). *Lichnostnye cherty i motivatsiya kak prediktory otnosheniya k tsifrovym obrazovatel'nym tekhnologiyam u studentov i prepodavatelei*: Diss. kand. psikhol. nauk. (Personality traits and motivation as predictors of university students' and teachers' attitudes toward digital educational technologies: dissertation). Cand. Sci. (Psychology). Moscow: RUDN University. (In Russ.).

García-Martínez, J.-A., Fuentes-Abeledo, E.-J., Rodríguez-Machado, E.-R. (2020). Attitudes towards the use of ICT in Costa Rican university students: The influence of sex, academic performance, and training in technology. *Sustainability*, 13(1), 282. <https://doi.org/10.3390/su13010282>

Grebennikova, V.M., Novikova, T.V. (2019). On the issue of digitalization of education. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' (Historical and Social Educational Ideas)*, 11(5), 158–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-5-158-165>

Guillén-Gámez, F.D., Mayorga-Fernández, M.J. (2020). Identification of variables that predict teachers' attitudes toward ICT in higher education for teaching and research: A study with regression. *Sustainability*, 12(4), 1312. <https://doi.org/10.3390/su12041312>

Guillén-Gámez, F.D., Romero Martínez, S.J., Ordóñez Camacho, X.G. (2020). Diagnosis of the attitudes towards ICT of education students according to gender and educational modality. *Apertura*, 12(1). <https://doi.org/10.32870/ap.v12n1.1786>

Ismatullina, V.I., Zakharov, I.M. (2021). Digital literacy of schoolchildren and their attitudes to STEM, depending on digitization of the school environment. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya (Theoretical and Experimental Psychology)*, 14(3), 29–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2021-3-29-35>

Myasishchev, V.N. (1995). Psychology of relations: selected psychological works. Moscow: MODEK Publ. (In Russ.).

Novikova, I.A., Bychkova, P.A., Novikov, A.L. (2022a). Attitudes towards digital educational technologies among Russian university students before and during the COVID-19 pandemic. *Sustainability*, 14(10), 6203. <https://doi.org/10.3390/Su14106203>

Novikova, I.A., Bychkova, P.A., Novikov, A.L., Shlyakhta, D.A. (2022b). Personality traits and academic motivation as predictors of attitudes towards digital educational technologies among Russian university students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 689–716. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-689-716>

Novikova, I.A., Bychkova, P.A., Shlyakhta, D.A., Novikov, A.L. (2023). Attitudes towards digital educational technologies scale for university students: Development and validation. *Computers*, 12(9), 176. <https://doi.org/10.3390/computers12090176>

Ordóñez, X.G., Romero Martínez, S.J. (2016). Scale of Attitudes Towards ICT (SATICT): Factor structure and factorial invariance in distance university students. In: J. Domenech, A. Mas-Tur, N. Roig-Tierno, M.R. Vicente (Eds.), Proceedings of the 1st International Conference on Advanced Research Methods and Analytics (pp. 159–166). València: Editorial Universitat Politècnica de València. <https://doi.org/10.4995/carma2016.2016.3114>

Radu, M.-C., Schnakovszky, C., Herghelegiu, E., Ciubotariu, V.-A., Cristea, I. (2020). The impact of the COVID-19 pandemic on the quality of educational process: A student survey. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(21), 7770. <https://doi.org/10.3390/ijerph17217770>

Rizun, M., Strzelecki, A. (2020). Students' acceptance of the COVID-19 impact on shifting higher education to distance learning in Poland. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(18), 6468. <https://doi.org/10.3390/ijerph17186468>

Rosen, L.D., Whaling, K., Carrier, L.M., Cheever, N.A., Rökkum, J. (2013). The Media and Technology Usage and Attitudes Scale: An empirical investigation. *Computers in human behavior*, 29(6), 2501–2511. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.06.006>

Soldatova, G.U., Nestik, T.A. (2016). Internet users' attitudes towards the Internet: technophobes and technophiles. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology*, (1), 54–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2016-1-54-61>

Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. (2018). Brief and screening versions of the Digital Competence Index: verification and application possibilities. *National Psychological Journal*, (3), 47–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0305>

Sorokova, M.G., Odintsova, M.A., Radchikova, N.P. (2021). Scale for Assessing University Digital Educational Environment (AUDEE Scale). *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 26(2), 52–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2021260205>

Svenningsson, J., Höst, G., Hultén, M., Hallström, J. (2022). Students' attitudes toward technology: exploring the relationship among affective, cognitive and behavioral components of the attitude construct. *International Journal of Technology and Design Education*, 32(3), 1531–1551. <https://doi.org/10.1007/s10798-021-09657-7>

Tzafilkou, K., Perifanou, M., Economides, A.A. (2021). Development and validation of a students' remote learning attitude scale (RLAS) in higher education. *Education and Information Technologies*, 26(6), 7279–7305. <https://doi.org/10.1007/s10639-021-10586-0>

VandenBos, G.R. (Ed.). (2015). *APA dictionary of psychology* (2nd ed.). Washington: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/14646-000>

Vial, G. (2019). Understanding digital transformation: A review and a research agenda. *The Journal of Strategic Information Systems*, 28(2), 118–144. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирина Александровна Новикова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация, novikova-ia@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>.

Полина Александровна Бычкова, магистр психологии, ассистент кафедры психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация, bychkova.polina.97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6526-7262>

ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Novikova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Psychology and Pedagogy Department, RUDN University, Moscow, Russian Federation, novikova-ia@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5831-1547>

Polina A. Bychkova, MA (Psychology), Assistant at the Psychology and Pedagogy Department, RUDN University, Moscow, Russian Federation, bychkova.polina.97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6526-7262>

Поступила: 03.01.2024; получена после доработки: 07.02.2024; принята в печать: 16.02.2024.
Received: 03.01.2024; revised: 07.02.2024; accepted: 16.02.2024.

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/TEP-24-05>

УДК/UDC 159.9.99

Взаимосвязь инновативных качеств личности с метаценностями, самоорганизацией и удовлетворенностью жизнью у студенток вузов в контексте ресурсного подхода

Н.А. Буравлева¹✉, С.А. Богомаз²

¹Томский государственный педагогический университет, Томск, Российская Федерация

²Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация

✉ buravljova-nata-bn@rambler.ru

Резюме

Актуальность исследования обусловлена происходящими в социуме изменениями, которые накладывают отпечаток на активность человека как субъекта деятельности, ставят перед наукой задачу изучения его психологических ресурсов в стремительно меняющемся мире. Ресурсный подход практически востребован и в сопровождении образовательного процесса студенческой молодежи в современных условиях.

Цель. Выявить взаимосвязь инновативных качеств личности с метаценностями, самоорганизацией и удовлетворенностью жизнью у студенток вузов.

Выборка. В исследовании приняли участие 226 студенток университетов г. Томска (средний возраст 20,18 года, SD = 1,17 года).

Методы. В исследовании были использованы следующие методики: Шкала самооценки инновативных качеств личности (СИКЛ) Н. Лебедевой, А. Татарко; «Портретный ценностный опросник — Пересмотренный» (Portrait Values Questionnaire-Revised — PVQ-R) Ш. Шварца; Шкала «Планомерность» опросника самоорганизации деятельности (ОСД) Е. Мандриковой; Шкала «Удовлетворенность жизнью» Э. Динер. Обработка результатов осуществлялась с помощью программы Statistica 10.0. В исследовании применялись описательные статистики, корреляционный и кластерный анализ.

Результаты. Корреляционный анализ показал, что индекс инновативности в наибольшей степени взаимосвязан с метаценностью «Открытость изменениям». Помимо этого, зафиксирована положительная связь индекса инновативности с умением планировать деятельность и удовлетворенностью жизнью. Между метаценностью «Сохранение» и индексом инновативности значимая корреляционная связь отсутствует. Кластерный анализ позволил выделить 4 группы обучающихся. Наибольшие отличия между ними выявлены по критериям «Планирование», «Удовлетворенность жизнью», «Индекс инновативности»; существенных различий в ценностях у студенток обнаружено не было.

Выводы. Результаты исследования показали наличие взаимосвязи инновативных качеств личности с метаценностью «Открытость изменениям», самоорганизацией и удовлетворенностью жизнью у студенток вузов. Наиболее существенные различия между выявленными типологическими группами студенток наблюдаются по уровню самоорганизации и планирования, а также удовлетворенности жизнью. Описанные типологические особенности студентов выделенных групп позволяют организовать помощь студентам в развитии психологических качеств, необходимых для профессионального и личностного самосовершенствования в эпоху перемен. Результаты исследования вносят вклад в развитие ресурсного подхода к изучению личностных особенностей студентов вузов.

Ключевые слова: психологические ресурсы, студентки, ценности, удовлетворенность жизнью, индекс инновативности, планирование

Для цитирования: Буравлева, Н.А., Богомаз, С.А. (2024). Взаимосвязь инновативных качеств личности с метаценностями, самоорганизацией и удовлетворенностью жизнью у студенток вузов в контексте ресурсного подхода. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 17(1), 85–102. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-05>

Relationships of innovative personality features with meta-values, self-organization and life satisfaction among university students in the context of resource approach

Natalia A. Buravleva¹✉, Sergei A. Bogomaz²

¹Tomsk Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

²National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

✉ buravljova-nata-bn@rambler.ru

Abstract

Background. The relevance of the study is due to the changes currently taking place in society, which leave an imprint on the activity of a person as a subject of activity, which pose the task of studying his psychological resources in a rapidly changing world. The resource approach is practically in demand when accompanying the educational process in modern conditions.

Objective. To identify the relationship of innovative personality qualities with meta-values, self-organization and life satisfaction among university students.

Study Participants. The study involved 226 female university students of Tomsk, (average age 20.18 years, CD = 1.17 years).

Methods. The following methods were used in the study: Scale of self-assessment of innovative personality qualities (SIPQ) by N. Lebedeva, A. Tatarko; Portrait Values Questionnaire-Revised — PVQ-R by Sh. Shvartz; Scale “Regularity” of the Question-

naire of Activity Self-organization (QSA) by E.Y. Mandrikova; "Life Satisfaction Scale" by E. Diener. The results were processed using the Statistica 10.0 program. Descriptive statistics, regression and cluster analysis were used in the study.

Results. Correlation analysis showed that "Innovation Index" is most closely related to the meta-value "Openness to change" and also has positive relationships with "Planning" and "Life satisfaction". There is no significant correlation between the "Innovation Index" and the meta-value "Preservation". Cluster analysis made it possible to identify 4 groups of students. The greatest differences between them were identified in "Planning", "Life Satisfaction", and "Innovation Index". No significant differences in values were found among female students.

Conclusion. The innovative personality traits revealed among female university students have significant relationships with their openness to change, self-organization and life satisfaction. The most significant differences between the identified typological groups of female students are observed in the level of self-organization and planning, as well as life satisfaction. The described typological characteristics of students in selected groups will make it possible to organize assistance to students in the development of psychological qualities necessary for mastering a new social role and profession. The results of the study contribute to the development of the resource approach to the study of personality characteristics of university students.

Keywords: psychological resources, female students, values, life satisfaction, innovation index, planning

For citation: Buravleva, N.A., Bogomaz, S.A. (2024). Relationships of innovative personality features with meta-values, self-organization and life satisfaction among university students in the context of resource approach. *Theoretical and experimental psychology*, 17(1), 85–102. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-05>

Введение

В последние годы мы становимся участниками формирования нового технологического пространства, изменений образа мира, которые с неизбежностью отражаются на процессах личностного развития человека (Емелин, 2016). Постоянно и непредсказуемо изменяющаяся среда становится жизненным контекстом современного индивида. В обиход все основательнее входит понятие «транзитивность», включающее неопределенность, трансформацию времени и пространства (Марцинковская, 2019). Эти перемены подразумевают необходимость перестройки оснований прежних способов жизнедеятельности личности.

Н.В. Гришина утверждает: «Такие характеристики индивида, как способность и готовность к изменениям, начинают играть все более важную роль в жизни людей... в настоящее время сохранение устойчивости, "тождественности" личности требует ее постоянного развития» (Гришина, 2018, с. 126). Одной из актуальных задач психологической науки сегодня является необходимость изучать «изменяющегося человека в изменяющемся мире» (Асмолов, 2019). Перемены в условиях обучения, труда, межличностного взаимодействия неминуемо отражаются на активности и деятельности людей. Вместе с тем вопрос о том, как эти преобразования сказываются на содержании и структуре психологических характеристик,

все еще остается непроясненным. Особенно значим этот вопрос в отношении молодого поколения, его личностно-профессионального становления, самореализации и саморазвития.

Предполагается, что в современных условиях в деятельности человека должны проявляться способность и умение быстро реагировать на изменения в социуме, инициатива и самостоятельность, использование новых оригинальных стратегий. Этими характеристиками обладает инновационная деятельность. Она отличается исследовательской направленностью, связана со стремлением индивида к самореализации на новом уровне, с систематическим освоением новых способов деятельности в различных сферах общественной жизни, созданием объектов материальной и духовной культуры. Инновационная деятельность подразумевает выход человека за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов, идентифицируется с конкурентной личностью (Клочко, Галажинский, 2009). Поэтому, на наш взгляд, принципиальное значение имеет изучение инновативных качеств будущих специалистов, обучающихся в вузе, как важных личностных характеристик, обеспечивающих успешность человека в транзитивной реальности, его включенность в личностно-средовое взаимодействие. Важным шагом в этом направлении является исследование роли психологических ресурсов деятельности субъекта в условиях быстро меняющейся среды.

О значимости этого направления науки писал Б.Г. Ананьев. Он отмечал, что в сложно разветвленной системе теоретического и практического человекознания «для социального прогнозирования необходимы научные знания о резервах и ресурсах самого человеческого развития, об истинных потенциалах этого развития, еще крайне недостаточно используемых обществом» (Ананьев, 2001, с. 7).

По мнению Т.П. Зинченко, ресурсный подход в настоящее время приобретает статус «междисциплинарного объяснительного принципа взаимодействия объединенных в системные комплексы объектов. Он дает возможность в терминах одного языка описывать как требования, налагаемые внешней средой на систему, так и внутренние возможности системы удовлетворять данным требованиям» (Зинченко, 2000, с. 267).

Актуальность изучения психологических ресурсов связана с тем, что помимо адаптации, приспособления к меняющимся условиям, современная реальность ставит человека перед необходимостью быть готовым к эффективным действиям в меняющихся условиях. Исследование психологических ресурсов задает новые ориентиры в изучении активности, деятельности человека, отношений в системе «человек — мир», определяет перспективы развития человека и общества, помогает выйти на уровень психологического сопровождения субъекта в условиях неопределенности.

Размышляя о ресурсах, С. Хобфолл предлагает считать ими все, к чему может прибегнуть индивид для эффективного существования и повышения качества жизни (Hobfoll, 2011). Отмечая многогранность понятия «ресурсы», исследователи рассматривают их как средства, источники, предпосылки, необходимые для

активной жизнедеятельности человека (Иванова и др., 2018). Так, А.А. Маленов отмечает, что ресурсы являются «связующим звеном между внутренними предпосылками субъекта и внешними условиями их эффективной реализации во внешнем мире в процессе целенаправленной деятельности», очередной раз соединяя идеи С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева о движении и изменении внешнего через внутреннее и наоборот (Маленов, 2021, с. 14).

Н.В. Ковалева понимает ресурсы субъекта как многообразие его функциональных возможностей, используемых при взаимодействии со средой, в ходе которого происходят непрерывные конструктивные преобразования как среды, так и самого субъекта (Ковалева, 2020). С позиции С.А. Хазовой, можно выделить следующие категориальные признаки ресурса: представленность в ментальном опыте, реализацию в конкретной деятельности и прямую связь с ее эффективностью (Хазова, 2013).

Среди большого разнообразия ресурсов ученые выделяют и психологические. По мнению В.И. Моросановой, «применение термина “психологические ресурсы” конструктивно, прежде всего, в отношении саморазвития человека, т.к. они являются его и только его психологическим инструментарием» (Моросанова, 2020, с. 29).

В.И. Моросанова обращает внимание на то, что «в структуру психологических ресурсов входят когнитивные, личностные и регуляторные компетентности человека, которые могут осознанно использоваться как средство решения задач различной степени конкретности» (Моросанова, 2014, с. 74). При этом психологические ресурсы следует отличать от психологического потенциала человека, который является резервом для формирования психологических ресурсов. Психологический потенциал переходит в психологический ресурс при условии осознания и использования его человеком как средства решения какой-либо задачи (Моросанова, 2017, с. 507).

Исследователи рассматривают психологические ресурсы личности в качестве жизненных опор, помогающих людям осуществлять свои основные потребности: вовлеченность в социум, самореализацию, взаимодействие с другими людьми. Они создают запас автономии, помогают человеку противостоять жизненным невзгодам, выступают регуляторами многих процессов: контроля и управления поведением, оценки ситуации, осуществления деятельности (Иванова и др., 2018). Психологические ресурсы во многом определяют условия развития личности, возможности человека, способность выбирать жизненные стратегии.

Таким образом, психологические ресурсы — это «любые индивидуальные психологические особенности, которые могут осознанно использоваться человеком для достижения тех или иных целей» (Моросанова, 2022, с. 64).

Исследование личностных свойств помогает оценить психологические ресурсы как средства при осуществлении деятельности, развития, совершенствования в меняющихся жизненных ситуациях. При этом психологические ресурсы расширяют поле деятельности человека, помогают достигать значимых целей в жизни (Иванова и др., 2018).

Особую актуальность в плане изучения психологических ресурсов сегодня приобретают исследования личностных характеристик студенческой молодежи. На наш взгляд, одним из важных ресурсов развития и деятельности в современных условиях являются инновативные качества личности, которые помогают человеку быть чувствительным к проблемам, генерировать новые идеи. Они во многом определяют процесс преобразования своих возможностей в действительность, а также самосовершенствование, стремление к личностному росту, самореализацию на новом уровне. Инновативные характеристики личности включают в себя креативность, ориентацию на будущее, готовность к риску ради успеха.

В качестве интегративной личностной характеристики мы рассматриваем ценности, которые выступают внутренними носителями социальной регуляции, определяют поведение, формы, способы, условия реализации, характер деятельности (Перикова и др., 2021). Ценности отражаются в жизненных целях и задачах, придают существованию личности осмысленность (Schwartz, 2012). Являясь одним из базовых личностных оснований, ценности обычно рассматриваются как индивидуальные формы репрезентации общественных, культурных ценностей (Карандашев, 2004). Они выступают как стандарты, которые руководят выбором или оценкой поступков, людей, событий.

Немаловажное значение в характеристике психологических особенностей современных молодых людей имеет удовлетворенность жизнью, которая интерпретируется как «сложное, динамичное социально-психологическое образование, основанное на интеграции когнитивных и эмоционально-волевых процессов, характеризующееся субъективным эмоционально-оценочным отношением и обладающее побудительной силой, способствующей действию, поиску, управлению внутренними и внешними объектами» (Меренкова, Солодкова, 2020, с. 10). Удовлетворенность жизнью обусловлена особенностями отношения личности к себе, окружающему миру. Она, по мнению Р.М. Шамионова, «выражает степень соотнесения человеком своих актуальных возможностей и потенциальных, своего актуального уровня развития с требованием среды» (Шамионов, 2002, с. 144).

Важным элементом при оценке психологических характеристик личности является уровень самоорганизации, сформированность навыков планирования своей деятельности. Любое планирование деятельности является разработкой комплекса действий по достижению цели. Оно помогает оценить положение дел, средства для осуществления задач, соотнести альтернативные возможности. В условиях многообразия социальной вариативности планирование способствует концентрации внимания на главных задачах, мобилизации сил на их выполнение.

На современном этапе развития общества становится насущной потребность в специалистах, умеющих принимать самостоятельные решения, справляться с

нестандартными проблемами, отличающихся продуктивной самореализацией в постоянно изменяющемся социуме.

Актуальность поиска психологических ресурсов инновационной деятельности в меняющемся мире обусловила цель настоящего исследования — изучение взаимосвязи инновативных качеств личности с метаценностями, навыками самоорганизации и удовлетворенностью жизнью у студенток вузов в контексте ресурсного подхода. В задачи исследования входило, помимо теоретического анализа понятия «психологические ресурсы», экспериментальное изучение психологических характеристик и типологических особенностей студенток, которые можно рассматривать в качестве психологических ресурсов.

Мы предположили, что такие характеристики личности обучающихся, как инновативные качества, ценности, удовлетворенность жизнью, планирование деятельности взаимосвязаны между собой; что существуют типологические особенности испытуемых по перечисленным характеристикам, которые могут дать важную информацию для организации адресной помощи студенткам в развитии психологических ресурсов личностно-профессионального становления.

Методы исследования

— Шкала самооценки инновативных качеств личности (СИКЛ) (Лебедева, Татарко, 2009), которая содержит три субшкалы: «Креативность», «Риск ради успеха», «Ориентация на будущее» и позволяет рассчитать «Интегральный индекс инновативности» как среднеарифметическое значение показателей по трем субшкалам.

— «Портретный ценностный опросник Ш. Шварца» (Магун, Руднев, 2008) в новой редакции (Portrait Values Questionnaire-Revised — PVQ-R (Schwartz, 2021)), с помощью которого оценивались базовые метаценности «Открытость изменениям» и «Сохранение».

— Шкала «Планомерность» Опросника самоорганизации деятельности (ОСД) Е.Ю. Мандриковой (Мандрикова, 2010) диагностирует сформированность навыков тактического планирования, особенности структурирования деятельности, самоорганизации.

— «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динер в адаптации Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева (Осин, Леонтьев, 2020).

Обработка результатов осуществлялась с помощью программы Statistica 10.0. В ходе исследования применялись описательные статистики (среднее значение, стандартное отклонение, коэффициенты асимметрии и эксцесса, нормальность), корреляционный и кластерный анализ.

Выборка

В исследовании приняли участие студентки Национального исследовательского Томского государственного университета и Томского государственного педагогического университета (N = 226, средний возраст = 20,18 лет, SD = 1,17 лет).

Результаты исследования

На первом этапе была проведена диагностика с использованием вышеперечисленных методик. Описательные статистики (среднее значение, стандартное отклонение, асимметрия и эксцесс) исследуемых психологических характеристик студенток представлены в Таблице 1. Значения асимметрии и эксцесса свидетельствуют о близости полученных распределений к нормальному.

Таблица 1
Описательные статистики исследуемых показателей в баллах (N = 226)

Показатели и индексы	Среднее значение	Стандартное отклонение	Асимметрия	Эксцесс
Креативность	3,70	0,76	-0,44	0,00
Риск ради успеха	3,02	0,73	0,15	-0,09
Ориентация на будущее	3,48	0,69	-0,26	-0,18
Индекс инновативности	3,40	0,57	0,05	0,14
Метаценность «Открытость изменениям»	4,03	0,49	-0,10	-0,41
Метаценность «Сохранение»	3,71	0,49	-0,03	-0,11
Планомерность	3,41	1,01	-0,41	-0,47
Удовлетворенность жизнью	3,27	0,84	-0,39	0,14

Table 1
Descriptive statistics of the studied indicators in points (N = 226)

Indicators and indexes	Average value	Standard deviation	Asymmetry	Excess
Creativity	3.70	0.76	-0.44	0.00
Risk for success	3.02	0.73	0.15	-0.09
Orientation on future	3.48	0.69	-0.26	-0.18
Innovativeness Index	3.40	0.57	0.05	0.14
Meta-value "Openness to change"	4.03	0.49	-0.10	-0.41
Meta-value "Conservation"	3.71	0.49	-0.03	-0.11
Planning	3.41	1.01	-0.41	-0.47
Life satisfaction	3.27	0.84	-0.39	0.14

Далее был проведен корреляционный анализ полученных по методикам показателей (Таблица 2). При этом использовался корреляционный анализ по методу Пирсона для исследования взаимосвязи двух переменных, измеренных в метрических шкалах на одной и той же выборке.

Результаты корреляционного анализа показывают, что индекс инновативности в наибольшей степени взаимосвязан с метаценностью «Открытость изменениям» ($r = 0,58^*$), с умением планировать свою деятельность ($r = 0,17^*$), удовлетворенностью жизнью ($r = 0,17^*$). Между метаценностью «Сохранение» и индексом инновативности значимая корреляционная связь отсутствует.

Таблица 2

Корреляционные взаимосвязи инновативности личности с метаценностями, самоорганизацией и удовлетворенностью жизнью у студенток вузов (N = 226)

Показатели	Индекс инновативности	Планомерность	Удовлетворенность жизнью	Метаценность «Открытость изменениям»
Планомерность	0,17*	-		
Удовлетворенность жизнью	0,17*	0,23*	-	
Метаценность «Открытость изменениям»	0,58*	0,15**	0,11	-
Метаценность «Сохранение»	0,05	0,19*	0,29*	0,26*

* — $p < 0,01$; ** — $p < 0,05$

Table 2

Correlations of innovativeness with meta-values, self-organization and life satisfaction among female university students (N = 226)

Indicators	Index of innovativeness	Planning	Life satisfaction	Meta-value "Openness to change"
Planning	0.17*	-		
Life satisfaction	0.17*	0.23*	-	
Meta-value "Openness to change"	0.58*	0.15**	0.11	-
Meta-value "Conservation"	0.05	0.19*	0.29*	0.26*

* — $p < 0.01$; ** — $p < 0.05$

На следующем этапе применялся кластерный анализ. Предварительно была проведена иерархическая кластеризация с показателями четырех кластеров (дендрограмма для 226 респондентов, метод Варда, 1-r Пирсона), а после окончательного анализа — кластеризация методом К-средних с показателями «Открытость изменениям» и «Сохранение», «Планомерность», «Удовлетворенность жизнью», «Индекс инновативности». В результате были выявлены 4 кластера: С-1 (N = 69); С-2 (N = 49); С-3 (N = 43); С-4 (N = 65) (Таблица 3).

Таблица 3

Средние значения (M) и стандартное отклонение (δ) показателей выделенных кластеров (C) в баллах (N = 226)

Показатели	C-1, N = 69		C-2, N = 49		C-3, N = 43		C-4, N = 65		P
	M	δ	M	δ	M	δ	M	δ	
Метаценность «Открытость изменениям»	4,29	0,43	4,13	0,44	3,92	0,49	3,73	0,40	0,000
Метаценность «Сохранение»	3,87	0,49	3,87	0,42	3,44	0,52	3,62	0,37	0,000
Индекс инновативности	3,74	0,42	3,53	0,57	3,40	0,51	2,95	0,41	0,000
Планомерность	4,39	0,45	2,70	0,58	2,20	0,71	3,72	0,51	0,000
Удовлетворенность жизнью	3,64	0,56	3,93	0,57	2,30	0,65	3,02	0,66	0,000

Table 3

The average values (M) and standard deviation (δ) of the indicators in the selected clusters (C) in points (N = 226)

Indicators	C-1, N = 69		C-2, N = 49		C-3, N = 43		C-4, N = 65		P
	M	δ	M	δ	M	δ	M	δ	
Meta-value “Openness to change”	4.29	0.43	4.13	0.44	3.92	0.49	3.73	0.40	0.000
Meta-value “Conservation”	3.87	0.49	3.87	0.42	3.44	0.52	3.62	0.37	0.000
Index of innovativeness	3.74	0.42	3.53	0.57	3.40	0.51	2.95	0.41	0.000
Planning	4.39	0.45	2.70	0.58	2.20	0.71	3.72	0.51	0.000
Life satisfaction	3.64	0.56	3.93	0.57	2.30	0.65	3.02	0.66	0.000

На Рисунке 1 графически представлены показатели четырех полученных кластеров.

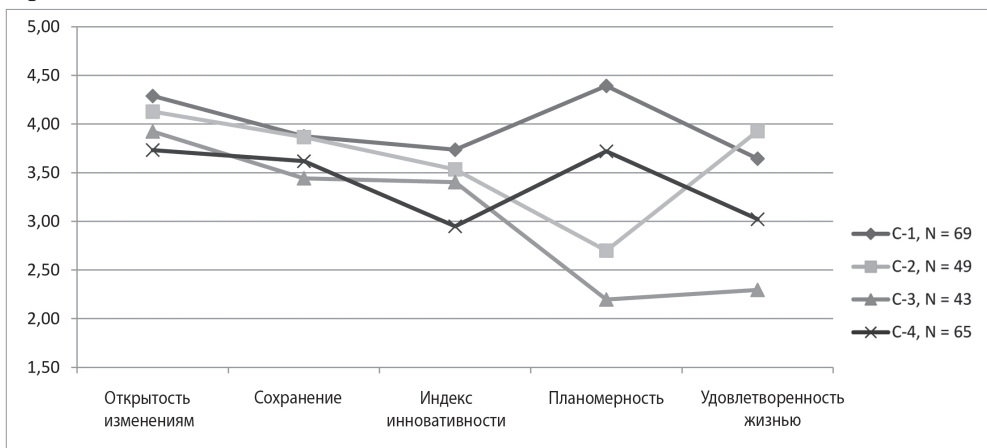

Рисунок 1

Результаты диагностики психологических характеристик студенток, относящихся к 4 выявленным кластерам

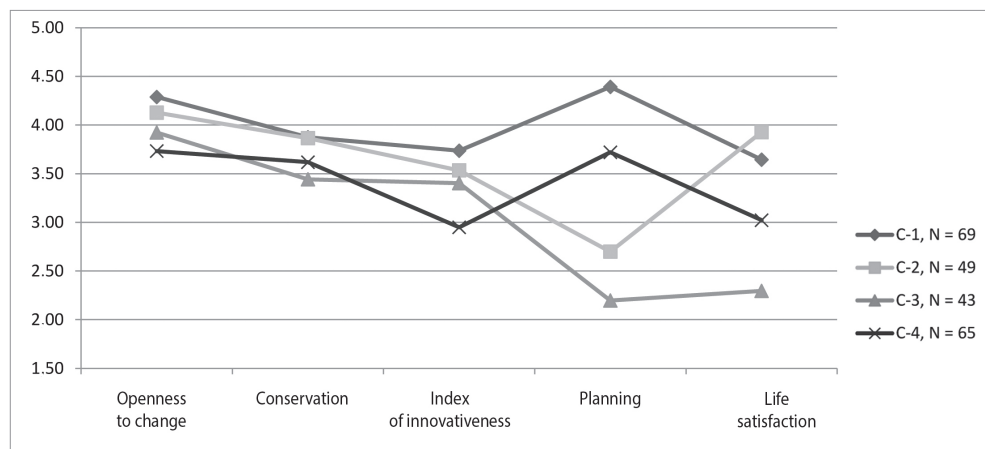

Figure 1
Results of diagnostics of psychological characteristics of students in 4 clusters

Как видно на Рисунке 1, максимальные различия между кластерами наблюдаются по показателям «Планомерность»: от 2,20 (кластер С-3) до 4,39 (кластер С-1), «Удовлетворенность жизнью»: от 2,30 (кластер С-3) до 3,93 (кластер С-2), а также по «Индексу инновативности»: от 2,95 (кластер С-4) до 3,74 (кластер С-1).

Обсуждение результатов

Корреляционный анализ показал, что индекс инновативности в наибольшей степени связан с метаценностью «Открытость изменениям», то есть со стремлением к новизне и переменам, свободой определять собственные действия, готовностью принимать преобразующие идеи. Открытость изменениям определяется активностью личности, предприимчивостью, решительностью, самостоятельностью. В условиях трансформаций, социальной вариативности, неопределенности открытость изменениям является существенной характеристикой личности. Она помогает человеку понимать новое, приобретать опыт, раздвигать границы, обогащаясь креативными идеями, развиваться как личность. Полученный результат имеет важное значение для практики. При выстраивании психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса в современных условиях необходимо принимать во внимание выявленную взаимосвязь личностного свойства инновативности с ценностью открытости к изменениям.

Корреляционный анализ показал также положительную взаимосвязь между индексом инновативности и удовлетворенностью жизнью, которая трактуется как осознанная позитивная оценка своей жизни в целом, принятие ее содержания. Во многом она определяется соответствием потребностей человека и результатов его деятельности, достижений, взаимодействия с окружающими. Эта характеристика тесно связана с удовлетворенностью в таких субъективно важных для личности сферах жизни, как дружба, семья, условия труда, экономический и социальный

статус (Аргайл, 2003). Как отмечают исследователи, удовлетворенность жизнью обладает побудительной силой, способствующей действию, поиску, управлению внутренними и внешними объектами (Меренкова, Солодкова, 2020).

Исходя из результатов корреляционного анализа возможно утверждать, что планомерность, или сформированность навыков планирования, особенности структурирования деятельности и самоорганизации положительно имеет слабую, но значимую взаимосвязь с инновативными качествами личности. Получается, что инновативность предполагает способность выстраивать необходимую последовательность действий для достижения поставленной цели, включает в себя прогноз и оценку результатов деятельности. Планирование позволяет выбирать цели, оценивать необходимые ресурсы, вносит системность в работу человека, требует аналитического мышления. Являясь инструментом самоорганизации, планирование имеет практическую значимость для всех сфер человеческой жизни, в том числе обеспечивает эффективность инновационной деятельности. В современных условиях поливариативности планирование, как правило, снижает или устраняет неопределенность, помогает определять приоритеты и действия по их достижению, способствует мобилизации сил на выполнении первоочередных задач.

С целью выявления типологических различий между испытуемыми по исследуемым характеристикам был проведен кластерный анализ. Его результаты позволили выделить четыре группы студентов, обладающих характерными психодиагностическими профилями.

Кластер С-1 (N = 69; 30,5% опрошенных). У студенток этой группы самый высокий «Индекс инновативности» (3,74), самые высокие по выборке показатели «Открытость изменениям» (4,29), «Сохранение» (3,87) и «Планомерность» (4,39) и при этом — высокий уровень «Удовлетворенности жизнью» (3,64). Можно предположить, что в ситуациях неопределенности, сложности, вызовов их деятельность будет более эффективной и успешной. Стоит отметить, что это самая многочисленная группа среди респондентов.

Кластер С-2 (N = 49; 21,7% опрошенных). Студентки этой группы имеют близкие (к С-1) значения по показателям «Открытость изменениям» (4,13), «Сохранение» (3,87) и достаточно высокий уровень «Индекса инновативности» (3,53). Их характерная особенность — низкий уровень «Планомерности» (2,70). Но при этом — высокий уровень «Удовлетворенности жизнью» (3,93). Скорее всего, представители этой группы, имея высокий ресурс инновативных характеристик, не выстраивают систематически перспективу дел и план деятельности (недостаточно развиты навыки планирования и самоорганизации). Большое влияние на их поведение оказывают ситуативные обстоятельства. Они живут настоящим моментом и удовлетворены жизнью.

Кластер С-3 (N = 43; 19% опрошенных). Профиль кластера С-3 напоминает профиль кластера С-2, но при еще более низком уровне «Планомерности» (2,20). У студенток этой группы — самый низкий по выборке «Уровень удовлетворенности жизнью» (2,30). Имея довольно высокие значения параметров «Открытость изменениям», «Сохранение» и «Индекс инновативности» (существенно не отличающиеся

от кластеров С-1 и С-2), эти девушки испытывают трудности в планировании своей ежедневной активности и структурировании деятельности. Можно предположить, что именно низкий уровень самоорганизации делает их будущее достаточно неопределенным, что, без сомнения, может порождать тревогу и снижать их психологическое благополучие, о чем свидетельствует низкий уровень удовлетворенности жизнью. Необходимо подчеркнуть, что это самая малочисленная группа студентов.

Кластер С-4 (N = 65; 28,8% опрошенных) довольно многочислен. Его профиль по своей конфигурации подобен профилю кластера С-1, но все его показатели снижены. Так, студентки этой группы имеют самые низкие по выборке значения «Открытости изменениям» (3,73) и «Индекса инновативности» (2,95). При этом, обладая достаточно высоким уровнем планирования своей деятельности (они вторые по этому качеству — 3,72), имеют средний уровень удовлетворенности жизнью (3,02). Можно предположить, что тренинги, направленные на развитие уверенности в своих силах («Риск ради успеха»), на расширение горизонта планирования своего будущего («Ориентация на будущее») и других инновативных качеств личности, принесут ожидаемые положительные результаты студенткам данной группы.

Таким образом, типологизация обучающихся позволила приблизиться к решению задачи определения психологических ресурсов и дефицитов инновативности студентов вузов как будущих профессионалов. Очевидно, что наибольшая вариативность наблюдается по способности самоорганизовываться и планировать свою жизнь.

Результаты исследования дают важную информацию для психолого-педагогического сопровождения обучающихся в образовательном процессе, личностно-профессиональном становлении.

Практическое применение

Выявление психологических ресурсов студенческой молодежи способствует более продуктивной организации психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса и эффективному проектированию образовательной деятельности студентов вузов. Полученные результаты будут полезны при разработке мероприятий, направленных на повышение эффективности деятельности студенческой молодежи в условиях современных вызовов, а также самим студентам в их личностно-профессиональном становлении.

Ограничения исследования

К ограничениям исследования можно отнести гендерный состав выборки респондентов, в которой представлены только девушки.

Выводы

Проведенное исследование взаимосвязи инновативных качеств личности с метаценностями, самоорганизацией и удовлетворенностью жизнью у сту-

денток вузов в контексте ресурсного подхода позволило сделать следующие выводы:

1. «Индекс инновативности» имеет положительную взаимосвязь с метаценностью «Открытость изменениям» и не имеет статистически значимой связи с метаценностью «Сохранение». Кроме этого, «Индекс инновативности» коррелирует с показателями «Планомерность», «Удовлетворенность жизнью».

2. Обнаруженные в исследовании взаимосвязи позволяют в дальнейшем рассмотреть «Открытость изменениям», «Планомерность» и «Удовлетворенность жизнью» в качестве ресурсов инновативности личности.

3. Кластерный анализ показал, что наиболее существенные различия между выявленными типологическими группами студентов наблюдаются по шкалам «Планомерность» и «Удовлетворенность жизнью». По «Индексу инновативности», метаценностям «Открытость изменениям» и «Сохранение» значимых различий не обнаружено. Кластерный анализ позволил описать типологические особенности респондентов по исследуемым характеристикам. Эти описания позволят организовать помощь студентам в развитии психологических качеств, необходимых для профессионального и личностного самосовершенствования в эпоху перемен.

4. Полученные результаты будут содействовать организации психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса в вузе при подготовке молодых людей к профессиональной деятельности в условиях современных вызовов.

Результаты исследования вносят вклад в развитие ресурсного подхода к изучению личностных особенностей обучающихся вузов.

Список литературы

- Ананьев, Б.Г. (2001). Человек как предмет познания. Санкт-Петербург: Питер.
- Аргайл, М. (2003). Психология счастья. Санкт-Петербург: Питер.
- Асмолов, А.Г. (2019). Психология современности: вызовы неопределенности, сложности, разнообразия. Под ред. А.Г. Асмолова, *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. (С. 13–29). Москва: Изд. Дом ЯСК.
- Гришина, Н.В. (2018). «Самоизменения» личности: возможное и необходимое. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*, 8(2), 126–138. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.202>
- Емелин, В.А. (2016). Технологии как фактор трансформации идентичности: становление homo technologicus. *Национальный психологический журнал*, 16(1), 9–18. <https://doi.org/10.11621/npj.2016.0102>.
- Иванова, Т.Ю., Леонтьев, Д.А., Осин, Е.Н., Рассказова, Е.И., Кошелева, Н.В. (2018). Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности. *Организационная психология*, 8(1), 85–121.
- Зинченко, Т.П. (2000). Когнитивная и прикладная психология. Москва: МОДЭК.

Карандашев, В.Н. (2004). Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. Санкт-Петербург: Речь.

Клочко, В.Е., Галажинский, Э.В. (2009). Инновационный потенциал личности: системно-антропологический контекст. *Вестник Томского государственного университета*, 325(8), 146–151.

Ковалева, Н.В. (2020). Субъектная идентичность как психологический ресурс личности в условиях неопределенности и кризиса. Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова, Личность и вызовы современности: интерпретация проблем различными научными школами. (С. 38–42). Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Краснодар: Кубанский гос. ун-т.

Лебедева, Н.М., Татарко, А.Н. (2009). Методика исследования отношения личности к инновациям. *Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота*, 4(23), 89–96.

Магун, В., Руднев, М. (2008). Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 1(93), 33–58.

Маленов, А.А. (2021). Ресурсы личности и их реализация в пространстве психологического образования: дисс. канд. психол. наук. Омск.

Мандрикова, Е.Ю. (2010). Разработка Опросника самоорганизации деятельности (ОСД). *Психологическая диагностика*, (2), 59–83.

Марцинковская, Т.Д. (2019). Транзитивное общество как психологический феномен. Под ред. А. Г. Асмолова, *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. (С. 150–156). Москва: Изд. Дом ЯСК.

Меренкова, В.С., Солодкова, О.Е. (2020). Исследование феномена «удовлетворенность жизнью». *Комплексные исследования детства*, 2(1), 4–12. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2020-2-1-4-13>

Моросанова, В.И. (2014). Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 7(4), 62–78.

Моросанова, В.И. (2017). Осознанная саморегуляция как метасистема психологических ресурсов достижения целей и саморазвития человека. Под ред. А.Л. Журавлева, В.А. Кольцова, *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития*. (С. 501–509). Москва: Институт психологии РАН.

Моросанова, В.И. (2020). Развитие ресурсного подхода к исследованию осознанной саморегуляции достижения целей и саморазвития человека. Под ред. Ю.П. Зинченко, В.И. Моросановой, *Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени*. (С. 11–36). Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 11–36.

Моросанова, В.И. (2022). Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 3(15), 57–82. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-57-82>

Осин, Е.Н., Леонтьев, Д.А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1(155), 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>

Перикова, Е.И., Атаманова, И.В., Богомаз, С.А., Карипбаев, Б.И., Филиппова, Т.С., Загулова, Д. (2021). Взаимосвязь ценностных ориентаций и личностной готовности к деятельности у молодежи России, Казахстана и Латвии. *Психология в России: современное состояние*, 2(14), 101–107. <https://doi.org/10.11621/PIR.2021.0208>

Хазова, С.А. (2013). Копинг-ресурсы субъекта: основные направления и перспективы исследования. *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*, (5), 188–191.

Шамионов, Р.М. (2002). Самоактуализация учителей и удовлетворенность жизнедеятельностью и собой. *Мир психологии*, (2), 143–148.

Hobfoll, S. (2011). Conservation of resources theory: its implication for stress, health, and resilience. In S. Folkman (Eds.), *The Oxford handbook of stress, health, and coping* (pp. 127–147). New York: Oxford University Press.

Schwartz, S.H. (2012). An overview of the Schwartz theory of basic values. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>

Schwartz, S.H. (2021). A Repository of Schwartz Value Scales with Instructions and an Introduction. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(2). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1173>

References

- Anan'ev, B.G. (2001). Man as an object of knowledge. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Argajl, M. (2003). Psychology of happiness. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Asmolov, A.G. (2019). Modern Psychology: Challenges of Uncertainty, Complexity, Diversity. In A.G. Asmolov (Eds.), *Mobilis in mobili: a person in an era of change* (pp. 13–29). Moscow: Publishing House YASK. (In Russ.).
- Grishina, N.V. (2018). “Self-changes” of person: Possible and necessary. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya i pedagogika (Bulletin of St. Petersburg University. Psychology and Education)*, 8(2), 126–138. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.202> (In Russ.).
- Emelin, V.A. (2016). Technology as a factor of identity transformation: the formation of homo technologicus. *National Psychological Journal*, (1), 9–18. (In Russ.).
- Hazova, S.A. (2013). Coping resources of the subject: the main directions and prospects of research. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova (Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU)*, (5), 188–191. (In Russ.).
- Hobfoll, S. (2011). Conservation of resources theory: its implication for stress, health, and resilience. In: S. Folkman (Eds.), *The Oxford handbook of stress, health, and coping* (pp. 127–147). New York: Oxford University Press.
- Ivanova, T.Yu., Leont'ev, D.A., Osin, E.N., Rasskazova, E.I., Kosheleva, N.V. (2018). Modern problems of studying personal resources in professional activity. *Organizacionnaya psihologiya (Organizational psychology)*, 8(1), 85–121. (In Russ.).
- Karandashev, V.N. (2004). Schwartz methodology for the study of personality values: concept and methodological guidance. St. Petersburg: Rech' Publ. (In Russ.).
- Klochko, V.E., Galazhinskii, E.V. (2009). The innovative potential of an individual: A systemic anthropological context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Tomsk State University)*, 325(8), 146–151. (In Russ.).

Kovaleva, N.V. (2020). Subjective identity as a psychological resource of a person in conditions of uncertainty and crisis. In: Z.I. Ryabikina, V.V. Znakov (Eds.), *Personality and challenges of modernity: interpretation of problems by various scientific schools* (pp. 38–42). Maykop: Adygea State University; Krasnodar: Kuban State University. (In Russ.).

Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N. (2009). Technique for assessing individual attitudes towards innovations. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya (Almanac of Modern Science and Education)*, 4(2), 89–96. (In Russ.).

Magun, V., Rudnev, M. (2008.) Life values of the Russian population: similarities and differences in comparison with other European countries. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii (Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions)*, 1(93), 33–58. (In Russ.).

Malenov, A.A. (2021). Resursy lichnosti i ih realizaciya v prostranstve psihologicheskogo obrazovaniya: Diss. kand. psihol. nauk. (Personal resources and their implementation in the space of psychological education: abstract of the dissertation). Cand. Sci. (Psychology). Omsk. (In Russ.)

Mandrikova, E.Yu. (2010). Development of the questionnaire to measure activity self-organization (QASO). *Psikhologicheskaya diagnostika (Psychological Diagnostics)*, (2), 59–83. (In Russ.).

Martsinkovskaya, T.D. (2019). Transitive society as a psychological phenomenon. In A.G. Asmolov (Eds.), *Mobilis in mobili: a person in an era of change* (pp. 150–166). Moscow: Publishing House YASK. (In Russ.).

Merenkova, V.S., Solodkova, O.E. (2020). The study of the phenomenon of “life satisfaction”. *Kompleksnye issledovaniya detstva (Complex studies of childhood)*, 2(1), 4–12. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2020-2-1-4-13> (In Russ.).

Morosanova, V.I. (2014). Conscious self-regulation of personal activity as a psychological resource for achieving goals. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya (Theoretical and experimental psychology)*, 1(155), 62–78. (In Russ.).

Morosanova, V.I. (2017). Conscious self-regulation as a meta-system of psychological resources for achieving goals and self-development of a person. In: A.L. Zhuravlev, V.A. Koltsova (Eds.), *Fundamental and applied research of modern psychology. Results and prospects of development* (pp. 501–509). Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

Morosanova, V.I. (2020). Development of a resource approach to the study of conscious self-regulation of achieving goals and self-development of a person. In: Yu.P. Zinchenko, V.I. Morosanova (Eds.), *In the collection Psychology of self-regulation: evolution of approaches and challenges of the time* (pp. 11–36). Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).

Morosanova, V.I. (2022). Psychology of conscious self-regulation: from the origins to modern research. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya (Theoretical and experimental psychology)*, 3(15), 57–82. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-57-82> (In Russ.).

Osin, E.N., Leont'ev, D.A. (2020). Brief Russian-language scales for the diagnosis of subjective well-being: psychometric characteristics and comparative analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny (Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change)*, 1(155), 117–142.

Perikova, E.I., Atamanova, I.V., Bogomaz, S.A., Karipbayev, B.I., Filippova, T.S., Zagulova, D. (2021). The Relationship Between Value Orientations and Personal Readiness for Activity in Youth From Russia, Kazakhstan and Latvia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 14(2), 118–136. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0208>

Shamionov, R.M. (2002). Self-actualization of teachers and satisfaction with life and oneself. *Mir psichologii (The world of psychology)*, (2), 143–148. (In Russ.).

Schwartz, S.H. (2012). An overview of the Schwartz theory of basic values. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>

Schwartz, S.H. (2021). A Repository of Schwartz Value Scales with Instructions and an Introduction. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(2). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1173>

Zinchenko, T.P. (2000). *Cognitive and Applied Psychology*. Moscow: MODEK. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Анатольевна Буравлева, кандидат психологических наук, доцент кафедры психолого-педагогического образования факультета психологии и специального образования Томского государственного педагогического университета, Томск, Российская Федерация, buravljova-nata-bn@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5176-7533>

Сергей Александрович Богомаз, доктор психологических наук, профессор кафедры организационной психологии факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Российская Федерация, bogomazsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8955-5621>

ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Buravleva, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychological and Pedagogical Education of the Department of Psychology and Special Education of Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, buravljova-nata-bn@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5176-7533>

Sergei A. Bogomaz, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Professor at the Department of Organizational Psychology of the Psychology department of the National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, bogomazsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8955-5621>

Поступила: 16.07.2023; получена после доработки: 14.08.2023; принята в печать: 15.11.2023.
Received: 16.07.2023; revised: 14.08.2023; accepted: 15.11.2023.

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ / MEDICAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/TEP-24-06>

УДК/UDC 159.9.072

Представления о болезни у пациентов с острыми лейкозами и лимфомами: сравнительное исследование

Л.В. Есина^{1,2} ✉, Д.Э. Выборных¹, Е.И. Рассказова^{3,4}, Э.Г. Гемджян¹,
Е.Е. Звонков¹, И.А. Лукьянова¹, Т.Н. Моисеева¹, А.У. Магомедова¹

¹Национальный медицинский исследовательский центр гематологии Минздрава России, Москва, Российская Федерация

²Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова Минздрава России, Москва, Российская Федерация

³Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

⁴Научный центр психического здоровья, Москва, Российская Федерация

✉ esina.lv@mail.ru

Резюме

Актуальность. Представления о болезни определяют успешную адаптацию пациента в условиях хронического соматического заболевания.

Цель. Целью исследования было выявление представлений о болезни у пациентов с острыми лейкозами и лимфомами и их сравнение.

Выборка. В исследовании приняли участие 109 человек, из них 58 пациентов с лимфомами в возрасте от 19 до 64 лет ($M_{\text{возраст}} = 42,22$; $SD = 11,17$; 41 женщина) и 51 пациент с острыми лейкозами в возрасте от 18 до 64 лет ($M_{\text{возраст}} = 35,12$; $SD = 12,90$; 28 женщин).

Методы. В исследовании применялись психодиагностические методики «Опросник восприятия болезни» (IPQ-R), «Шкала тревоги о здоровье» (HAI), «Опросник убеждений в отношении тела и здоровья» (САВАН) и «Шкала поведения в болезни» (SAIB). Для обработки количественных данных использовались методы описательной статистики и сравнения групп (t-критерий Стьюдента).

Результаты. Сравнительный анализ полученных данных показал, что пациенты с острыми лейкозами испытывают трудности с идентификацией болезни, более уверены в негативном влиянии болезни и в ее нестабильном течении, а также более склонны к переоценке выраженности симптомов по сравнению с пациентами с лимфомами.

Выводы. Основными мишенями психологической работы с пациентами с острыми лейкозами являются представления об идентичности болезни, ее нестабильном течении и негативных последствиях, склонность к переоценке выраженности симптомов и недооценке важности профилактического

поведения, связанного с лечением и приемом лекарственных средств. Общими мишенями психологической работы для пациентов с острыми лейкозами и лимфомами являются представления о краткосрочном течении болезни и негативные эмоциональные переживания по поводу болезни.

Ключевые слова: острый лейкоз, лимфома, представления о здоровье/болезни, восприятие болезни, тревога о здоровье, поведение в болезни

Для цитирования: Есина, Л.В., Выборных, Д.Э., Рассказова, Е.И., Гемджян, Э.Г., Звонков, Е.Е., Лукьянова, И.А., Моисеева, Т.Н., Магомедова, А.У. (2024). Представления о болезни у пациентов с острыми лейкозами и лимфомами: сравнительное исследование. *Теоретическая и экспериментальная психология* 17(1), 103–122. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-06>

Illness representations in patients with acute leukemia and lymphoma: a comparative study

Liubov V. Esina ^{1,2}✉, Dmitry E. Vybornykh¹, Elena I. Rasskazova^{3,4}, Eduard G. Gemdzhian¹, Evgeny E. Zvonkov¹, Irina A. Lukyanova¹, Tatyana N. Moiseeva¹, Aminat U. Magomedova¹

¹National Research Center for Hematology, Moscow, Russian Federation

²I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russian Federation

³Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

⁴Mental Health Research Centre, Moscow, Russian Federation

✉ esina.lv@mail.ru

Abstract

Background. Illness representations determine a patient's successful adaptation in the context of chronic somatic illness.

Objective. The study had its purpose to investigate and compare the illness representations in the patients with acute leukemia and lymphoma.

Study Participants. The study involved 109 respondents: 51 patients with acute leukemia aged 18 to 64 years ($M_{age} = 35.12$; $SD = 12.90$; 28 women) and 58 patients with lymphoma aged 19 to 64 years ($M_{age} = 42.22$; $SD = 11.17$; 41 women).

Methods. The study implemented the following methods: "Illness Perception Questionnaire-Revised" (IPQ-R), "Health Anxiety Inventory" (HAI), "Cognitions About Body and Health Questionnaire" (CABAH), and the "Scale of Assessment of Illness Behavior" (SAIB). Descriptive statistics and group comparison methods (Student's t-test) were used to process quantitative data.

Results. A comparative analysis of the data obtained showed that patients with acute leukemia have more difficulty in identifying the disease, were more certain about the

negative impact of the disease and its unstable course, were more likely to overestimate symptom severity, and paid more attention to implementing treatment- and medication-related behaviors compared to patients with lymphomas.

Conclusion. The main targets of psychological work with patients with acute leukemia are their ideas about the disease identity, its unstable course and negative consequences, their tendency to overestimate the symptom severity and underestimate the importance of preventive behavior associated with treatment and medication. Common targets of psychological work with patients with acute leukemia and lymphoma are their ideas about the short-term course of the disease and negative emotional experiences about their disease.

Keywords: acute leukemia, lymphoma, illness/health representations, illness perception, health anxiety, illness behavior

For citation: Esina, L.V., Vybornykh, D.E., Rasskazova, E.I., Gemdzhian, E.G., Zvonkov, E.E., Lukyanova I.A., Moiseeva T.N., Magomedova, A.U. (2024). Illness representations in patients with acute leukemia and lymphoma: a comparative study. *Theoretical and experimental psychology*, 17(1), 103–122. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-06>

Введение

Восприятие пациентом своей болезни играет значимую роль в его успешном повседневном функционировании: совладании с болезнью, соблюдении связанного со здоровьем поведения и переживании негативных эмоциональных состояний (Рассказова, 2014). В зарубежной психологии для описания саморегуляции пациента в условиях болезни применяется модель Х. Левенталя, согласно которой пациент, основываясь на опыте социального взаимодействия и личном опыте, делает выводы о своем состоянии, создает и меняет собственные представления относительно идентичности, причин, течения, последствий и лечения болезни. Такие репрезентации (не только когнитивные, но и эмоциональные) в немалой степени определяют возможности пациента совладать с ситуацией и его поведение (например, соблюдение медицинских рекомендаций), психологическое благополучие, качество жизни, общую успешность терапии и пр. (Leventhal et al., 2003; Рассказова, 2014; Рассказова и др., 2020). С нашей точки зрения, данная модель позволяет довольно полно описать внутреннюю картину болезни (ВКБ) пациента. ВКБ в отечественной психологии определяется как продукт собственной активности пациента в условиях соматического неблагополучия, отчасти оказывающий влияние на исход заболевания, лечение и повседневное функционирование (Сokolova, 1995). В.В. Николаева выделила четыре уровня ВКБ: сенситивный уровень, как правило, характеризует телесные ощущения, общее телесное самочувствие; эмоциональный уровень — эмоциональные реакции на болезнь, реакции на значимые события; интеллектуальный уровень объединяет информацию о болезни, собственный опыт болезни пациента, его представления о лекарствах, процессе лечения, результатах и др.; мотивационный уровень содержит представления пациента о дальнейшей жизни и психосоциальном функционировании (Николаева, 1987).

Представления о болезни активно изучаются у пациентов с хроническими соматическими заболеваниями, в том числе и злокачественными заболеваниями системы крови (ЗСК). Острые лейкозы и лимфомы представляют собой онкологические заболевания кроветворной системы. Они различаются по течению болезни, прогнозу и протоколам лечения. Так, острые лейкозы характеризуются быстрым размножением незрелых клеток крови (бластов) в костном мозге, что приводит к их накоплению и вытеснению ими зрелых клеток. Такие процессы проявляются анемией, астеническими расстройствами и снижением иммунитета (повышенной склонностью к инфекционным заболеваниям). Лимфомы же представляют собой онкологическое поражение лимфатической системы. Заболевание может затрагивать лимфатические узлы или другие органы лимфатической системы. В зависимости от типа лимфом, они могут прогрессировать сравнительно медленно или, наоборот, быстро. Лечение острых лейкозов и лимфом различается по терапевтическим протоколам, выбор методов зависит от типа и стадии заболевания. Прогноз (ожидаемая длительность и характер течения болезни) для острых лейкозов и лимфом варьируется в зависимости от множества факторов, включая тип заболевания, стадию, возраст пациента, общее состояние здоровья и ответ на лечение.

В ряде исследований изучалось отношение пациентов с данными заболеваниями к своей болезни. Так, пациенты с Т-клеточной лимфомой оценивали свое заболевание как длительное, но не оказывавшее значимых негативных последствий на повседневное функционирование, трудно контролируемое самостоятельно, но контролируемое при помощи лечения, а также сообщали о недостаточном понимании своей болезни и переживании негативных эмоций по поводу болезни (Eder et al., 2016). В исследовании Т. Уэстбрука с соавторами на примере пациентов с хроническим лимфолейкозом было показано, что представления о болезни также различались в зависимости от стадии заболевания и лечения: пациенты с рецидивирующим или резистентным течением заболевания в большей степени соотносили соматические симптомы с проявлениями болезни и оценивали ее как имевшую негативные последствия для повседневного функционирования. Причем ранее было выявлено, что представления о последствиях в данных группах связаны с истощаемостью, переживанием стресса и астеническими расстройствами, эмоциональные переживания по поводу болезни — с переживанием стресса, а идентичность болезни — с астеническими расстройствами (Westbrook et al., 2016). В более поздней работе этого исследователя было показано, что пациенты, находившиеся под наблюдением врачей, в меньшей степени объясняли свои соматические ощущения наличием основного заболевания и были убеждены в хроническом и длительном течении болезни, тогда как пациенты, впервые получавшие лечение, были более уверены в возможности личного контроля и контроля при помощи лечения (Westbrook et al., 2019). Схожие результаты были получены Д. Шурманс с соавторами: пациенты, соотносившие симптомы с болезнью, ощущавшие ее негативные последствия и плохо

понимавшие свою болезнь, а также уверенные в возможности контролировать болезнь при помощи назначенной врачом терапии, как правило, чаще сообщали об истощаемости (Schoormans et al., 2020). Напротив, исследование Н. Аррато с соавторами показало, что те пациенты с хроническим лимфолейкозом, которые не испытывали симптомы заболевания и негативные эмоции, а также считавшие, что болезнь не имеет последствий для жизни, в меньшей степени страдали от симптомов депрессии и стресса в связи с онкологическим заболеванием (Arrato et al., 2022). Можно предположить, что низкая степень осведомленности об идентичности болезни в сочетании с другими субъективными представлениями в таком случае выступала фактором-протектором переживания негативных эмоциональных состояний.

Исследования представлений о болезни у пациентов с онкогематологическими заболеваниями в доступной нам литературе немногочисленны. Поскольку представления о болезни и связанные с ограничениями здоровья эмоциональные переживания определяют успешность функционирования и психосоциальной адаптации пациентов, нам представляется важным и актуальным уточнение мишеней психокоррекционного и психопрофилактического вмешательства в лечении пациентов с такими онкологическими заболеваниями, как острый лейкоз и лимфома. Более глубокое понимание различий психологического восприятия болезни пациентами способно повысить уровень их психосоциальной адаптации и, возможно, эффективность лечения основного заболевания (Великанов и др., 2020).

Цель работы — исследование представлений о болезни у пациентов с острыми лейкозами и лимфомами и их сравнение.

В связи с ограниченным количеством исследований по данной теме как в зарубежной, так и в отечественной литературе, наши гипотезы носили эксплораторный характер. Мы предположили, что пациенты с острыми лейкозами и лимфомами отличаются друг от друга по следующим показателям:

1. Представления о болезни: идентичность, цикличность, последствия, возможности контролировать болезнь лично и при помощи лечения.
2. Тревога о здоровье и страх последствий болезни.
3. Представления о теле и здоровье: катастрофизация, автономные ощущения, телесная слабость и соматосенсорная амплификация.
4. Поведение в болезни: субъективная оценка необходимости выполнения терапевтических действий, последствий болезни, склонность к отслеживанию признаков нарушения функционирования организма.

Методы исследования

Со всеми пациентами проводилось обследование, включавшее клиническую беседу с психиатром, интервью с психологом и заполнение бланков психометрических методик. Продолжительность обследования с каждым пациентом составляла от 45 до 60 минут. Исследование проводилось в течение 5 месяцев.

В исследовании были использованы следующие методики, направленные на оценку представлений о болезни, ее причинах, собственном теле и здоровье, а также поведения в болезни:

1. Опросник восприятия болезни IPQ-R (Moss-Morris et al., 2002; Рассказова, 2016). Пациент оценивает утверждения, направленные на выявление различных убеждений о болезни и возможных ее причинах, по 5-балльной шкале (1 — полностью не согласен; 5 — полностью согласен). Шкала идентичности болезни представляет собой разницу между количеством повседневных симптомов и симптомов, которые пациент относит к заболеванию. Показатель, равный 0, свидетельствует о хорошей идентичности болезни.
2. Шкала тревоги о здоровье HAI (Salkovskis et al., 2002; Рассказова, 2013; Желонкина и др., 2014) состоит из 14 пунктов, направленных на оценку беспокойства о здоровье, осведомленности о телесных ощущениях и их изменениях, и 4 пунктов, направленных на определение страха развития и последствий серьезного заболевания (при его наличии). Пациенту предлагается оценить утверждения и выбрать один ответ, максимально точно описывающий состояние пациента за последние 6 месяцев. Ответы оцениваются от 0 до 3 баллов.
3. Опросник убеждений в отношении тела и здоровья САВАН (Rief et al., 1998; Rief, Hiller, 2003; Рассказова, 2013) разработан с целью оценки отношения пациента к своему телу и здоровью, выражающегося, например, в склонности пациента преувеличивать телесные ощущения, фиксировать автономные ощущения и др. Пациенту предлагается оценить 39 утверждений в соответствии с 4-балльной шкалой (1 — полностью не согласен; 4 — полностью согласен).
4. Шкала оценки поведения в отношении болезни SAIB (Rief et al., 2003; Рассказова, 2013). Методика включает в себя 25 утверждений, оценивающих действия пациента в ситуации болезни. Пациенту предлагается оценить утверждения в соответствии с 4-балльной шкалой (1 — полностью не согласен; 4 — полностью согласен).

Обработка данных проводилась при помощи программы SPSS Statistics 26 и включала методы описательной статистики и сравнения групп с использованием t-критерия Стьюдента с проверкой соответствия распределения данных нормальному распределению при помощи критерия Колмогорова — Смирнова, а также равенства дисперсий при помощи критерия равенства дисперсий Ливиня.

Выборка

В исследование было включено 109 пациентов (51 пациент с диагнозом «острый лейкоз» и 58 пациентов с диагнозом «лимфома») на сроке наблюдения не менее 3 месяцев с момента установки диагноза. Все пациенты обследовались в клинических отделениях ФГБУ НМИЦ гематологии Минздрава РФ.

В группу пациентов с острыми лейкозами были включены пациенты с ремиссией заболевания и благоприятным прогнозом, проходившие поддерживающий курс химиотерапии в условиях дневного стационара. В группу пациентов с лимфомами были включены пациенты с ремиссией заболевания, наблюдавшиеся в амбулаторных условиях.

В исследование не были включены пациенты с агрессивными лимфомами (Alaggio et al., 2022), а также пациенты с манифестными психотическими расстройствами, психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ (F10 — F19), шизофренией и бредовыми расстройствами (F20, F22 — F29), умственной отсталостью (F70 — F79).

Группа пациентов с острыми лейкозами включала 51 человека от 18 до 64 лет (средний возраст $Me_{\text{возраст}} = 35,12$; $SD = 12,90$; $Mo = 20$), из них 23 (45,1%) — мужчины. До постановки диагноза они ощущали недомогание от 0 до 12 месяцев ($Me_{\text{суб. стаж заболевания}} = 1,88$; $SD = 1,90$ (мес.); $Mo = 1$). 26 (51%) пациентов имели высшее образование.

Группа пациентов с лимфомами включала 58 человек в возрасте от 19 до 64 лет ($Me_{\text{возраст}} = 41,22$; $SD = 11,17$; $Mo = 27$), из них 17 (29,3%) мужчин. До постановки диагноза они ощущали недомогание от 0 до 72 месяцев ($Me_{\text{суб. стаж заболевания}} = 7,57$; $SD = 12,36$ (мес.); $Mo = 1$). 48 (82,8%) пациентов имели высшее образование.

Диагнозы пациентов представлены в Таблице 1.

Таблица 1
Гематологические диагнозы обследованных пациентов

Диагноз	Количество пациентов (%)
Острые лейкозы	
Острый лимфобластный лейкоз	18 (35,3)
Острый миелобластный лейкоз	17 (33,3)
Острый промиелоцитарный лейкоз	16 (31,4)
Всего	51 (46,8)
Лимфомы	
Лимфома Ходжкина	33 (56,9)
Фолликулярная лимфома I, II и IIIа цитологического типа	12 (20,7)
Лимфома из клеток мантийной зоны без признаков неблагоприятного прогноза	6 (10,4)
Диффузная В-крупноклеточная лимфома без признаков неблагоприятного прогноза	5 (8,7)
Макроглобулинемия Вальденстрема	2 (3,4)
Всего	58 (53,2)
Итого	109 (100)

Table 1
Hematologic diagnoses of the studied patients

Diagnosis	Number of patients (%)
Acute leukemia	
Acute lymphoblastic leukemia	18 (35.3)
Acute myeloblastic leukemia	17 (33.3)
Acute promyelocytic leukemia	16 (31.4)
Total	51 (46.8)
Lymphomas	
Hodgkin's lymphoma	33 (56.9)
Follicular lymphoma of cytologic type I, II, and IIIa	12 (20.7)
Mantle cell lymphoma with no evidence of poor prognosis	6 (10.4)
Diffuse large B-cell lymphoma no evidence of poor prognosis	5 (8.7)
Waldenström macroglobulinemia	2 (3.4)
Total	58 (53.2)
Total	109 (100)

Результаты исследования

Сравнительный анализ представленных групп пациентов показал следующие результаты. Группы различались по возрасту ($t(df) = -2,65 (107)$, $p < 0,05$, d Коэна = 0,51), уровню образования ($\chi^2(df) = 12,57 (1)$, $p = 0,00$, $\varphi^2 = -0,34$, $V^3 = 0,34$), субъективному стажу заболевания ($t(df) = -3,46 (60,07)$, $p < 0,01$, d Коэна = 0,64) и ощущениям, связанным с болезнью ($t(df) = -2,11 (100,70)$, $p < 0,05$, d Коэна = 0,41), но не различались по полу.

Пациенты с лимфомами предъявляли больше жалоб, связанных с болезнью, по сравнению с пациентами с острыми лейкозами.

Среди пациентов с острыми лейкозами определить локализацию болезни смогли 30 человек (58,8%), а среди пациентов с лимфомами — 46 человек (79,3%) ($\chi^2(df) = 5,40 (1)$, $p = 0,02$, $\varphi^2 = 0,22$, $V^3 = 0,22$). Из них о диффузной, неопределенной локализации («в душе», «где-то в области сердца», «по всему телу», «в животе, а потом расходится по всему телу» и др.) сообщали 18 (35,3%) пациентов с острыми лейкозами и 10 (17,2%) пациентов с лимфомами, а о локальной, определенной («в костном мозге», «в средостении», в лимфатических узлах шеи» и др.) — 12 (23,5%) и 36 (62,1%), соответственно ($\chi^2(df) = 16,36 (2)$, $p = 0,00$, $\varphi^2 = 0,39$, $V^3 = 0,39$).

Результаты сравнительного анализа показателей психодиагностических методик представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Показатели представлений о болезни и ее причинах, здоровье и теле, тревоги о здоровье, поведения в болезни у пациентов с острыми лейкозами и лимфомами

Шкалы	Острые лейкозы		Лимфомы		t (df)	d Коэна
	М _{шкалы}	SD	М _{шкалы}	SD		
Представления о болезни и ее причинах (IPQ-R)						
Идентичность заболевания	1,16	1,35	0,47	0,94	3,06 (87,89)**	0,59
Длительность	2,77	1,03	2,89	0,89	-0,64 (107)	0,12
Цикличность	2,78	0,96	2,18	0,98	3,24 (107)**	0,62
Последствия	3,46	0,95	3,01	1,12	2,24 (107)*	0,43
Личный контроль	3,50	0,84	3,39	0,94	0,64 (107)	0,12
Контроль лечения	4,45	0,58	4,35	0,66	0,80 (107)	0,16
Понимание болезни	3,75	0,99	4,07	0,85	-1,85 (107)	0,35
Эмоциональные репрезентации	3,19	1,19	2,89	1,00	1,39 (107)	0,27
Психологические причины	2,46	0,90	2,60	0,90	-0,85 (107)	0,16
Факторы риска	1,91	0,61	2,11	0,64	-1,73 (107)	0,32
Иммунитет	3,16	0,90	3,15	0,97	0,04 (107)	0,01
Случайность	2,25	0,85	2,16	0,80	0,57 (107)	0,11
Тревога о здоровье						
Тревога о здоровье	0,91	0,41	0,86	0,46	0,56 (107)	0,11
Страх последствий	0,38	0,32	0,46	0,43	-1,03 (104,44)	0,21
Представления о теле и здоровье (САВАН)						
Катастрофизация	2,38	0,45	2,28	0,29	1,23 (83,91)	0,26
Автономные ощущения	2,40	0,60	2,22	0,51	1,75 (107)	0,32
Телесная слабость	2,46	0,53	2,30	0,61	1,41 (107)	0,28
Непереносимость телесных симптомов	2,37	0,54	2,32	0,60	0,45 (107)	0,09
Привычки, связанные со здоровьем	3,01	0,63	2,95	0,65	0,47 (107)	0,09
Соматосенсорная амплификация	2,54	0,49	2,33	0,49	2,29 (107)*	0,43
Поведение в болезни (SAIB)						
Проверка диагноза	2,20	0,57	2,27	0,66	-0,64 (107)	0,11
Выражение жалоб	2,37	0,45	2,26	0,47	1,23 (107)	0,24
Лечение / прием лекарств	2,25	0,59	1,98	0,61	2,32 (107)*	0,45
Последствия болезни	2,23	0,43	2,21	0,45	0,20 (107)	0,05
Сканирование тела на предмет нарушений	2,42	0,59	2,37	0,63	0,43 (107)	0,08

Примечания. ** — Различия значимы на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* — Различия значимы на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Table 2
Indicators of representations of illness and its causes, health and body, health anxiety, and illness behavior in patients with acute leukemia and lymphoma

Scales	Acute leukemia		Lymphomas		t (df)	Cohen's d
	M _{scales}	SD	M _{scales}	SD		
Representations of illness and its causes (IPQ-R)						
Identity of illness	1.16	1.35	0.47	0.94	3.06 (87.89)**	0.59
Acute/chronic timeline	2.77	1.03	2.89	0.89	-0.64 (107)	0.12
Cyclical timeline	2.78	0.96	2.18	0.98	3.24 (107)**	0.62
Consequences	3.46	0.95	3.01	1.12	2.24 (107)*	0.43
Personal control	3.50	0.84	3.39	0.94	0.64 (107)	0.12
Treatment control	4.45	0.58	4.35	0.66	0.80 (107)	0.16
Illness coherence	3.75	0.99	4.07	0.85	-1.85 (107)	0.35
Emotional representations	3.19	1.19	2.89	1.00	1.39 (107)	0.27
Psychological attributions	2.46	0.90	2.60	0.90	-0.85 (107)	0.16
Risk factors	1.91	0.61	2.11	0.64	-1.73 (107)	0.32
Immunity	3.16	0.90	3.15	0.97	0.04 (107)	0.01
Accident	2.25	0.85	2.16	0.80	0.57 (107)	0.11
Health anxiety						
Health anxiety	0.91	0.41	0.86	0.46	0.56 (107)	0.11
Fear of consequences	0.38	0.32	0.46	0.43	-1.03 (104.44)	0.21
Representations of the body and health (CABAH)						
Catastrophizing	2.38	0.45	2.28	0.29	1.23 (83.91)	0.26
Autonomous sensations	2.40	0.60	2.22	0.51	1.75 (107)	0.32
Bodily weakness	2.46	0.53	2.30	0.61	1.41 (107)	0.28
Intolerance to bodily sensations	2.37	0.54	2.32	0.60	0.45 (107)	0.09
Health habits	3.01	0.63	2.95	0.65	0.47 (107)	0.09
Somatosensory amplification	2.54	0.49	2.33	0.49	2.29 (107)*	0.43
Illness behavior (SAIB)						
Verification of diagnoses	2.20	0.57	2.27	0.66	-0.64 (107)	0.11
Expression of symptoms	2.37	0.45	2.26	0.47	1.23 (107)	0.24
Medication	2.25	0.59	1.98	0.61	2.32 (107)*	0.45
Consequences of illness	2.23	0.43	2.21	0.45	0.20 (107)	0.05
Scanning	2.42	0.59	2.37	0.63	0.43 (107)	0.08

Notes. ** — Differences are significant at the 0.01 level (two-sided).

* — Differences are significant at the 0.05 level (two-sided).

Рассмотрим исследуемые показатели у пациентов двух сравниваемых групп.

Представления о болезни

Пациенты с острыми лейкозами соотносили с основным заболеванием меньше неприятных ощущений, которые испытывали ежедневно, по сравнению с пациентами с лимфомами. Пациенты с лимфомами, напротив, в большей степени склонялись к тому, что такие ощущения были обусловлены болезнью. Хотя в целом пациенты в исследуемых группах оценивали свое заболевание как стабильное и приносящее негативные последствия для повседневного функционирования, пациенты с острыми лейкозами были менее уверены в том, что болезнь не сопровождается частыми обострениями, и высказывали большую уверенность в негативном влиянии болезни по сравнению с пациентами с лимфомами (Таблица 2).

Исследуемые группы не различались по представлениям о длительности, возможности контролировать болезнь как самостоятельно, так и при помощи лечения, пониманию болезни, а также эмоциональным переживаниям по поводу болезни. Для групп с острыми лейкозами и лимфомами характерны общие паттерны: хотя они сообщали о понимании своей болезни и воспринимали ее как кратковременную, контролируемую как самостоятельно, так и при помощи существующих методов лечения, в том числе назначенной врачом схемы терапии, все пациенты сообщали о негативных эмоциональных переживаниях по поводу заболевания.

Представления о причинах, из-за которых могло развиться заболевание, также не различались в исследуемых группах: все пациенты были уверены в том, что болезнь развилась из-за проблем с иммунитетом, а не по причине психологических факторов, воздействия факторов риска и случайного стечения обстоятельств.

Тревога о здоровье и страх последствий заболевания

В целом показатели тревоги о здоровье и страха последствий оказались ниже среднего и не различались в двух группах (Таблица 2). Все пациенты проявляли низкий уровень тревоги о здоровье и страха последствий болезни.

Представления о теле и здоровье

Уровень соматосенсорной амплификации у пациентов в исследуемых группах был ниже среднего и значимо различался (Таблица 2). Пациенты с острыми лейкозами оказались более склонны к переоценке выраженности симптомов по сравнению с пациентами с лимфомами.

Для всех пациентов были характерны общие паттерны (Таблица 2), а именно: им не было свойственно преувеличение телесных ощущений, фиксирование автономных ощущений, оценка своего физического состояния как слабого, а телесных ощущений как непереносимых; пациенты обеих групп сообщали о необходимости выполнения привычных ритуалов, связанных с поддержанием здоровья.

Поведение в болезни

Хотя все пациенты демонстрировали неуверенность в необходимости совершения действий, направленных на лечение и прием лекарственных средств, пациенты с острыми лейкозами, по сравнению с пациентами с лимфомами, были более

уверены в важности данных действий, что, согласно содержанию оцениваемых утверждений, могло проявляться в более выраженном стремлении пациентов с острыми лейкозами быть рядом с людьми, которые могли бы оказать им необходимую помощь, использовать нетрадиционные методы лечения и контролировать наличие необходимых лекарств (Таблица 2).

Для пациентов с острыми лейкозами и лимфомами было не характерно постоянное обращение к врачам с целью подтверждения имеющегося или поиска дополнительного диагноза, активное предъявление жалоб окружающим людям, в том числе медицинским работникам. Они в большей степени оценивали последствия для жизни как незначительные для функционирования и были менее склонны к постоянному сканированию своего тела на наличие неприятных ощущений и нарушений функционирования.

Обсуждение результатов

Представления о болезни у пациентов с острыми лейкозами в сравнении с пациентами с лимфомами

Предложенная нами *первая гипотеза* нашла частичное подтверждение: группы с острыми лейкозами и лимфомами различались только по представлениям об идентичности заболевания, цикличности, последствиях. В целом для пациентов с острыми лейкозами и лимфомами характерны общие представления о болезни: они считают свое заболевание кратковременным, контролируемым лично и при помощи лечения, понимают ее и переживают негативные эмоции по поводу болезни. Пациенты с острыми лейкозами, в отличие от пациентов с лимфомами, в меньшей степени соотносят ощущения с симптомами заболевания, а также в большей степени уверены в цикличном течении и негативных последствиях болезни, что может быть обусловлено, с одной стороны, чрезмерным вниманием к изменению своего физического благополучия, а с другой стороны, — этапом заболевания и переживанием негативных эмоций (Koenigsmann et al., 2006; Westbrook et al., 2019; Schoormans et al., 2020; Arrato et al., 2022). Отчасти наши результаты отличаются от результатов предыдущих исследований, где пациенты с лимфомами сообщали о длительности болезни, ее непонимании, незначительных последствиях и сложностях личного контроля (Eder et al., 2016). В нашем исследовании пациенты с острыми лейкозами и лимфомами были уверены в том, что болезнь могла развиваться из-за проблем с иммунитетом, тогда как в ранее проведенных зарубежных исследованиях пациенты с острыми лейкозами затруднялись назвать причину появления болезни, сообщали о беспомощности в ее определении (Koenigsmann et al., 2006). Возможно, такое расхождение связано с развитием информационных ресурсов в целом, с популяризацией и доступностью медицинских знаний на современном этапе.

Тревога о здоровье у пациентов с острыми лейкозами в сравнении с пациентами с лимфомами

Вторая гипотеза не нашла своего подтверждения: пациенты с острыми лейкозами и лимфомами не различались между собой и проявляли низкий уровень

тревоги о здоровье и страха последствий болезни. Однако, в работе К.А. Абуэлгасим с соавторами было продемонстрировано наличие у пациентов с онкогематологическими заболеваниями высокого уровня тревоги, причинами которой являлись, в частности, сопутствующие заболевания и семейные проблемы (Abuelgasim et al., 2016). Как правило, высокий уровень тревоги о здоровье у пациентов с хроническими соматическими заболеваниями в ряде случаев может способствовать излишней настроенности к телесным ощущениям и их негативной интерпретации, что способствует чрезмерной соматической чувствительности (неадекватному восприятию соматических ощущений как интенсивных и патологических) (Barsky, Wyshak, 1990). Полученные нами результаты, предположительно, могут быть объяснены постепенной адаптацией пациентов к тяжелому соматическому заболеванию и смещением фокуса внимания на другие, субъективно более значимые, сферы жизни.

Представления о собственном теле и здоровье у пациентов с острыми лейкозами в сравнении с пациентами с лимфомами

Третья гипотеза принимается частично, то есть, подтверждена в отношении показателя соматосенсорной амплификации: пациенты с острыми лейкозами оказались более склонны, по сравнению с пациентами с лимфомами, к переоценке выраженности симптомов. Соматосенсорная амплификация выступает как детерминанта поведения пациента в болезни, способствует неадекватному восприятию нормальных телесных симптомов и заставляет пациента интерпретировать нормальные ощущения как симптомы патологического процесса, что может являться значимым фактором, способствующим формированию ипохондрических расстройств (Смулевич и др., 2008), и позволяет рассматривать данную когнитивную особенность как одну из мишеней психокоррекционного и психопрофилактического вмешательства с целью психосоциальной адаптации пациента и повышения эффективности лечения (Barsky, Wyshak, 1990). При острых лейкозах и лимфомах были выявлены общие паттерны: пациенты были менее склонны к преувеличению телесных симптомов, к переживанию ощущений, в норме редко рефлексируемых человеком, к оценке состояния своего здоровья как слабого, по сравнению с окружающими людьми, и к восприятию телесных ощущений как непереносимых. Более того, не отмечалось и склонности к фиксации данных симптомов и формированию порочного круга необъяснимых соматических ощущений, что было замечено у пациентов общесоматических отделений с постоянно повторяющимися симптомами (Barends et al., 2020). С нашей точки зрения, данные особенности могут выступать факторами-протекторами снижения качества жизни пациентов. Однако, характерная для обеих групп недооценка необходимости соблюдения действий, связанных с заботой о здоровье, может являться маркером снижения приверженности лечению в целом у данных пациентов, что ведет к ухудшению течения болезни и снижению эффективности терапии. В связи с этим необходимо дальнейшее изучение проблемы приверженности лечению у исследуемых групп пациентов.

Поведение в болезни у пациентов с острыми лейкозами в сравнении с пациентами с лимфомами

Четвертая гипотеза также принимается частично. Для пациентов с острыми лейкозами и лимфомами было нехарактерно постоянное обращение к врачам с целью подтверждения имеющегося или поиска дополнительного диагноза, активное предъявление жалоб окружающим людям, в том числе медицинским работникам. Они в большей степени оценивали последствия для жизни как незначительные для функционирования и были менее склонны к постоянной оценке своего тела на наличие неприятных ощущений и нарушений функционирования. Несмотря на то, что пациенты с острыми лейкозами, по сравнению с пациентами с лимфомами, были более уверены в необходимости соблюдения мер в отношении лечения, все пациенты недооценивали важность таких действий. Этот результат отчасти не согласуется с результатами ранее проведенного исследования, где пациенты с лимфомой кожи, напротив, сообщали о необходимости общения по поводу болезни с окружающими людьми, уделяли внимание наличию и доступности лекарственных средств, а также часто обращались за помощью (Porkert et al., 2018). В других исследованиях поведения в болезни у онкогематологических пациентов было выявлено, что в первые недели после установления диагноза они отмечали необходимость восстановления контроля над своей болезнью и здоровьем посредством переоценки взгляда на жизнь и собственное будущее, изменения образа жизни, социальных ролей и др. Особое внимание уделялось роли значимых других (как членов семьи, так и медицинских работников) и необходимости получения постоянной эмоциональной поддержки, принятия пациента в любом физическом и эмоциональном состоянии, открытости и поощрения к ознакомлению с методами лечения в период болезни (Bulsara et al., 2004).

С нашей точки зрения, данные различия в поведении в болезни могут быть связаны, с одной стороны, с особенностями дизайна вышеупомянутых исследований, а также с самой ситуацией болезни: большим стажем заболевания, большей информированностью обследованных нами пациентов о болезни и ее проявлениях, принятием собственной болезни и адаптацией к изменившимся условиям жизни. Однако, с другой стороны, снижение показателей по шкалам поведения в болезни также могло быть обусловлено и выгоранием пациентов в условиях долгосрочной борьбы с хроническим заболеванием.

Таким образом, наше исследование носило поисковый характер с целью выявления различий психологического восприятия болезни у пациентов с лейкозами и лимфомами, поскольку, как было отмечено ранее, это существенно различающиеся заболевания. Пациенты с лейкозами, согласно нашим результатам, хуже соотносят свои соматические ощущения с симптомами болезни, считают лейкоз нестабильным заболеванием, приносящим больше негативных последствий, хотя и выражают большую уверенность в важности лечебных действий, по сравнению с пациентами с лимфомами. Можно предположить, что пациенты с острыми лейкозами уделяют больше внимания своему здоровью и лечению и более ори-

ентированы на помощь извне (в т.ч. от медицинских работников), что является благоприятным фактором для лечения. А характерные для пациентов с лимфомами представления о болезни могут, с одной стороны, позитивно сказываться на качестве жизни, а с другой, — выступать барьером для соблюдения необходимого протокола лечения. Следовательно, полученные в представленном исследовании данные актуальны и востребованы при разработке специфичных для лейкозов и лимфом стратегий психокоррекционного и психопрофилактического вмешательства, что поможет повысить эффективность терапии и качество жизни пациентов.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов. Для пациентов с острыми лейкозами и лимфомами характерны представления о кратковременном течении заболевания и переживание негативных эмоций по поводу болезни, что должно выступать мишенью для психотерапевтической работы.

Несмотря на частичное сходство представлений о болезни у пациентов с лейкозами и лимфомами, существуют принципиальные различия в восприятии ими симптомов заболевания, цикличности течения, последствий, в переоценке выраженности симптомов, а также в отношении к лечению и приему лекарств.

Пациенты с острыми лейкозами более уверены в цикличном течении болезни и ее негативных последствиях, испытывают трудности с определением локализации болезни и соотношением повседневных общесоматических ощущений с симптомами заболевания, а также более склонны к переоценке соматических симптомов и их выраженности, по сравнению с пациентами с лимфомами, в связи с чем являются более нуждающейся в психологической работе группой.

Ограничениями исследования являются, во-первых, то, что подобранный комплекс методик позволяет оценить лишь содержание интеллектуального уровня, но не сенситивного, эмоционального и мотивационного уровня ВКБ у пациентов с острыми лейкозами и лимфомами и не позволяет дать полное описание ВКБ у обследованных пациентов. Во-вторых, представления о болезни могут варьировать в зависимости от возраста пациентов, типа заболевания и лечения, а также от личностных особенностей пациентов. Ограничения данной работы будут учтены при планировании дальнейших исследований.

Практическое применение

Поскольку отношение пациента к болезни и здоровью является фактором, определяющим успешную адаптацию в ситуации заболевания и дальнейшее психосоциальное функционирование, полученные нами результаты могут быть использованы в рамках психокоррекционной и психопрофилактической работы с онкогематологическими пациентами как в условиях стационара, так и в амбулаторных условиях с учетом специфичных для острых лейкозов и лимфом особенностей представлений пациентов о болезни, теле, здоровье и своем поведении в болезни.

Список литературы

Великанов, А.А., Столярова, А.А., Круглова, Н.Е. (2020). Роль психологической реабилитации в комплексной кардиореабилитации пациентов с ишемической болезнью сердца. *Национальный психологический журнал*, (4), 85–97. doi: 10.11621/nprj.2020.0407

Желонкина, Т.А., Ениколопов, С.Н., Ермушева, А.А. (2014). Адаптация русскоязычной версии методики Р. Salkovskis «Краткий опросник тревоги о здоровье» (Short Health Anxiety Inventory). *Теоретическая и экспериментальная психология*, 7(1), 30–37.

Николаева, В.В. (1987). Влияние хронической болезни на психику. Москва: Изд-во Московского Университета.

Рассказова, Е.И. (2013). Клинико-психологический подход к диагностике трудноквалифицируемых симптомов в рамках соматоформных расстройств. *Обзорные психиатрии и медицинской психологии*, (3), 25–32.

Рассказова, Е.И. (2014). Понятие саморегуляции в психологии здоровья: новый подход или область применения? *Теоретическая и экспериментальная психология*, (1), 43–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-samoregulyatsii-v-psihologii-zdorovya-novyy-podhod-ili-oblast-primeneniya> (дата обращения: 10.05.2023).

Рассказова, Е.И. (2016). Русскоязычная апробация опросника восприятия болезни Р. Мосс-Моррис и др.: апробация на выборке больных с непсихотическими депрессиями. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (1), 123–142.

Рассказова, Е.И., Емелин, В.А., Тхостов, А.Ш. (2020). Категоричные представления о причинах, проявлениях и последствиях коронавируса: психологическое содержание и связь с поведением. *Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология*, (2), 62–82. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.02.04>

Смулевич, А.Б., Волель, Б.А., Медведев, В.Е., Терентьева, М.А., Фролова, В.И., Самушия, М.А., Выборных, Д.Э., Шафигуллин, М.Р. (2008). Развития личности при соматических заболеваниях (к проблеме нажитой ипохондрии). *Психические расстройства в общей медицине*, (2), 4–11.

Соколова, Е.Т. (1995). Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. Москва: SvR-Аргус.

Abuelgasim, K.A., Ahmed, G.Y., Alqahtani, J.A., Alayed, A.M., Alaskar, A.S., Malik, M.A. (2016). Depression and anxiety in patients with hematological malignancies, prevalence, and associated factors. *Saudi medical journal*, 37(8), 877–881. <https://doi.org/10.15537/smj.2016.8.14597>

Alaggio, R., Amador, C., Anagnostopoulos, I., Attygalle, A.D., Araujo, I.B.O., Berti, E., Bhagat, G., Borges, A.M., Boyer, D., Calaminici, M., Chadburn, A., Chan, J.K.C., Cheuk, W., Chng, W.J., Choi, J.K., Chuang, S.S., Coupland, S.E., Czader, M., Dave, S.S., de Jong, D., ... Xiao, W. (2022). The 5th edition of the World Health Organization Classification of Haematolymphoid Tumours: Lymphoid Neoplasms. *Leukemia*, 36(7), 1720–1748. <https://doi.org/10.1038/s41375-022-01620-2>

Arrato, N.A., Valentine, T.R., Byrd, J.C., Jones, J.A., Maddocks, K.J., Woyach, J.A., Andersen, B.L. (2022). Illness representations and psychological outcomes in chronic lymphocytic leukaemia. *British journal of health psychology*, 27(2), 553–570. <https://doi.org/10.1111/bjhp.12562>

Barends, H., Claassen-van Dessel, N., van der Wouden, J.C., Twisk, J.W.R., Terluin, B., van der Horst, H.E., Dekker, J. (2020). Impact of symptom focusing and somatosensory amplification on persistent physical symptoms: A three-year follow-up study. *Journal of psychosomatic research*, (135), 110131. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2020.110131>

Barsky, A.J., Wyshak, G. (1990). Hypochondriasis and somatosensory amplification. *British Journal of Psychiatry*, (157), 404–409. <https://doi.org/10.1192/bjp.157.3.404>

Bulsara, C., Ward, A., Joske, D. (2004). Haematological cancer patients: achieving a sense of empowerment by use of strategies to control illness. *Journal of clinical nursing*, 13(2), 251–258. <https://doi.org/10.1046/j.1365-2702.2003.00886.x>

Eder, J., Kammerstätter, M., Erhart, F., Mairhofer-Muri, D., Trautinger, F. (2016). Illness Perception in Primary Cutaneous T-cell Lymphomas: What Patients Believe About Their Disease. *Acta dermato-venereologica*, 96(3), 381–385. <https://doi.org/10.2340/00015555-2245>

Koenigsmann, M., Koehler, K., Regner, A., Franke, A., Frommer, J. (2006). Facing mortality: a qualitative in-depth interview study on illness perception, lay theories and coping strategies of adult patients with acute leukemia 1 week after diagnosis. *Leukemia research*, 30(9), 1127–1134. <https://doi.org/10.1016/j.leukres.2005.12.016>

Leventhal, H., Brissette, I., Leventhal, E.A. (2003). The common-sense model of self-regulation of health and illness. In L.D. Cameron, H. Leventhal (Eds.), *The self-regulation of health and illness behaviour* (pp. 42–65). London: Routledge.

Moss-Morris, R., Weinman, J., Petrie, K., Horne, R., Cameron, L., Buick, D. (2002). The Illness-Revised Perception Questionnaire (IPQ-R). *Psychology and Health*, 17(1), 1–16.

Porkert, S., Lehner-Baumgartner, E., Valencak, J., Knobler, R., Riedl, E., Jonak, C. (2018). Patients' Illness Perception as a Tool to Improve Individual Disease Management in Primary Cutaneous Lymphomas. *Acta dermato-venereologica*, 98(2), 240–245. <https://doi.org/10.2340/00015555-2819>

Rief, W., Hiller, W. (2003). A new approach to the assessment of the treatment effects of somatoform disorders. *Psychosomatics*, 44(6), 492–498. <https://doi.org/10.1176/appi.psy.44.6.492>

Rief, W., Hiller, W., Margraf, J. (1998). Cognitive aspects of hypochondriasis and the somatization syndrome. *Journal of abnormal psychology*, 107(4), 587–595. <https://doi.org/10.1037//0021-843x.107.4.587>

Rief, W., Ihle, D., Pilger, F. (2003). A new approach to assess illness behaviour. *Journal of psychosomatic research*, 54(5), 405–414. [https://doi.org/10.1016/s0022-3999\(02\)00401-4](https://doi.org/10.1016/s0022-3999(02)00401-4)

Salkovskis, P.M., Rimes, K.A., Warwick, H.M., Clark, D.M. (2002). The Health Anxiety Inventory: development and validation of scales for the measurement of health anxiety and hypochondriasis. *Psychological medicine*, 32(5), 843–853. <https://doi.org/10.1017/s0033291702005822>

Schoormans, D., Jansen, M., Mols, F., Oerlemans, S. (2020). Negative illness perceptions are related to more fatigue among haematological cancer survivors: a PROFILES study. *Acta oncologica (Stockholm, Sweden)*, 59(8), 959–966. <https://doi.org/10.1080/0284186X.2020.1759823>

Westbrook, T.D., Morrison, E.J., Maddocks, K.J., Awan, F.T., Jones, J.A., Woyach, J.A., Johnson, A.J., Byrd, J.C., Andersen, B.L. (2019). Illness Perceptions in Chronic Lymphocytic Leukemia: Testing Leventhal's Self-regulatory Model. *Annals of behavioral medicine: a publication of the Society of Behavioral Medicine*, 53(9), 839–848. <https://doi.org/10.1093/abm/kay093>

Westbrook, T.D., Maddocks, K., Andersen, B.L. (2016). The relation of illness perceptions to stress, depression, and fatigue in patients with chronic lymphocytic leukaemia. *Psychology & health*, 31(7), 891–902. <https://doi.org/10.1080/08870446.2016.1158259>

References

Nikolaeva, V.V. (1987). The impact of chronic illness on the psyche. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.).

Rasskazova, E.I. (2013). Clinical and psychological approach to the diagnosis of difficult-to-qualify symptoms within somatoform disorders. *Obozrenie psikhiiatrii i meditsinskoj psikhologii (V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology)*, (3), 25–32. (In Russ.).

Rasskazova, E.I. (2014). The concept of self-regulation in health psychology: a new approach or a sphere of application? *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya (Theoretical and experimental psychology)*, (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-samoreguljatsii-v-psihologii-zdorovya-novyy-podhod-ili-oblast-primeneniya> (review date: 10.05.2023). (In Russ.).

Rasskazova, E.I. (2016). Russian-language approbation of the illness perception questionnaire R. Moss-Morris et al.: approbation on a sample of patients with non-psychotic depression. *Moscow University Psychology Bulletin*, (1), 123–142. (In Russ.).

Rasskazova, E.I., Emelin, V.A., Tkhostov, A.Sh. (2020). Radical beliefs about the causes, manifestations and consequences of coronavirus: the psychological content and their relationship with behaviour. *Moscow University Psychology Bulletin*, (2), 62–82. (In Russ.).

Smulevich, A.B., Volel, B.A., Medvedev, V.E., Terent'eva, M.A., Frolova, V.I., Samushiya, V.A., Vybornykh, D.E., Shafigullin, M.R. (2008). Personality development in somatic diseases (to the problem of baited hypochondria). *Psikhicheskie rasstrojstva v obshchej praktike (Mental disorders in general medicine)*, (2), 4–11. (In Russ.).

Sokolova, E.T. (1995). Features of personality in borderline disorders and somatic diseases. Moscow: SvR-Argus. (In Russ.).

Velikanov, A.A., Stoljarova, A.A., Kruglova, N.E. (2020). The role of psychological rehabilitation in complex cardiac rehabilitation of patients with coronary heart disease. *National psychological journal*, (4), 85–97. (In Russ.).

Zhelonkina, T.A., Enikolopov, S.N., Ermusheva, A.A. (2014). Adaptation of the Russian version of the P. Salkovskis “Short Health Anxiety Inventory” (Short Health Anxiety Inventory). *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya (Theoretical and experimental psychology)*, 7(1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-russkoyazychnoy-versii-metodiki-p-salkovskis-kratkiy-oprosnik-trevogi-o-zdorovie-short-health-anxiety-inventory> (access date: 10.05.2023). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Любовь Викторовна Есина, ассистент кафедры педагогики и медицинской психологии Института психолого-социальной работы Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова Минздрава России; медицинский психолог лаборатории по изучению психических и неврологических расстройств при заболеваниях системы крови Национального медицинского исследовательского центра гематологии Минздрава России, Москва, Российская Федерация, esina.lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7253-5694>

Дмитрий Эдуардович Выборных, доктор медицинских наук, заведующий лабораторией по изучению психических и неврологических расстройств при заболеваниях системы крови Национального медицинского исследовательского центра гематологии Минздрава России, Москва, Российская Федерация, dvyub@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7506-4947>

Елена Игоревна Рассказова, кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела клинической психологии Научного центра психического здоровья, Москва, Российская Федерация, e.i.rasskazova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>

Эдуард Георгиевич Гемджян, биостатистик лаборатории по изучению психических и неврологических расстройств при заболеваниях системы крови Национального медицинского исследовательского центра гематологии Минздрава России, Москва, Российская Федерация, edstat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8357-977X>

Евгений Евгеньевич Звонков, доктор медицинских наук, заведующий отделом лимфопрлиферативных заболеваний Национального медицинского исследовательского центра гематологии Минздрава России, Москва, Российская Федерация, dr.zvonkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2639-7419>

Ирина Анатольевна Лукьянова, кандидат медицинских наук, заведующая отделением дневного стационара онкологии и химиотерапии гемобластозов и депрессий кроветворения Национального медицинского исследовательского центра гематологии Минздрава России, Москва, Российская Федерация, Irina.Donskova99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8337-2242>

Татьяна Николаевна Моисеева, кандидат медицинских наук, заведующая клинико-диагностическим отделением гематологии и химиотерапии с дневным стационаром Национального медицинского исследовательского центра гематологии Минздрава России, Москва, Российская Федерация, taniamoiseeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9591-8508>

Аминат Умарасхабовна Магомедова, доктор медицинских наук, врач-гематолог отделения химиотерапии лимфатических опухолей с блоком трансплантации костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток с дневным стационаром Национального медицинского исследовательского центра гематологии Минздрава

России, Москва, Российская Федерация, maminat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4263-8275>

ABOUT THE AUTHORS

Liubov V. Esina, Assistant at the Department of Pedagogy and Medical Psychology, Institute of Psychological and Social Work, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University); Medical psychologist of the Laboratory for the Study of Mental and Neurological Disorders in Diseases of the Blood System, National Medical Research Center for Hematology, Moscow, Russian Federation, esina.lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7253-5694>;

Dmitry E. Vybornykh, Dr. Sci. (Medicine), The Head of the Laboratory for the Study of Mental and Neurological Disorders in Diseases of the Blood System, National Medical Research Center for Hematology, Moscow, Russian Federation, dvyb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7506-4947>

Elena I. Rasskazova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher at the Department of Clinical Psychology, Mental Health Research Centre, Moscow, Russian Federation, e.i.rasskazova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>

Eduard G. Gemdzhian, Biostatistician of the Laboratory for the Study of Mental and Neurological Disorders in Diseases of the Blood System, National Medical Research Center for Hematology, Moscow, Russian Federation, edstat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8357-977X>

Evgeny E. Zvonkov, Dr. Sci. (Medicine), the Head of the Division of Lymphoproliferative Diseases, National Medical Research Center for Hematology, Moscow, Russian Federation, dr.zvonkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2639-7419>

Irina A. Lukyanova, Cand. Sci. (Medicine), the Head of the Day Hospital of Oncology and Chemotherapy of Hemoblastosis and Hematopoietic Depressions, National Medical Research Center for Hematology, Moscow, Russian Federation, Irina.Don-skova99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8337-2242>

Tatyana N. Moiseeva, Cand. Sci. (Medicine), the Head of the Clinical and Diagnostic Department of Hematology and Chemotherapy with Day Hospital, National Medical Research Center for Hematology, Moscow, Russian Federation, taniamoiseeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9591-8508>

Aminat U. Magomedova, Dr. Sci. (Medicine), Hematologist of the Department of Chemotherapy of Lymphatic Tumors with Bone Marrow and Hematopoietic Stem Cell Transplantation Unit with Day Hospital, National Medical Research Center for Hematology, Moscow, Russian Federation, maminat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4263-8275>

Поступила: 28.10.2023; получена после доработки: 08.12.2023; принята в печать: 05.02.2024.
Received: 28.10.2023; revised: 08.12.2023; accepted: 05.02.2024.

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/TEP-24-07>

УДК 159.922.1, 159.9.94, 159.9.95

Материнская депрессия и развитие регуляторных функций ребенка: обзор зарубежных исследований

В.А. Якупова¹ ✉, М.А. Аникеева², А.Д. Суарэз¹

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

²Межрегиональная общественная организация содействия практической, информационной и психологической поддержке семьи в беременности, родах и послеродовой период «Ассоциация профессиональных доул», Москва, Российская Федерация

✉ vera.a.romanova@gmail.com

Резюме

Актуальность: По разным оценкам, от 3 до 60% матерей по всему миру страдают депрессией, которая зачастую не диагностируется и не лечится. При этом все больше исследований подтверждают негативное воздействие материнской депрессии на развитие регуляторных функций детей. Ввиду того, что по мере роста ребенка нарушения все менее обратимы, важно понимание механизмов негативного воздействия материнской депрессии на развитие регуляторных функций ребенка для определения периодов, когда вмешательства будут наиболее критичны и эффективны.

Цель: Провести обзор зарубежных исследований, посвященных механизмам негативного воздействия пренатальной, послеродовой и хронической материнской депрессии на развитие регуляторных функций ребенка.

Методы. Поиск статей по теме производился с помощью ресурсов PubMed, Research Gate, Google Scholar, ScienceDirect по ключевым словам «maternal depression», «postpartum depression», «prenatal depression», «antenatal depression» в сочетании с «child executive functions». В обзор были включены публикации на английском языке не ранее 2008 года, содержащие перечисленные выше ключевые слова.

Результаты. Материнская депрессия во время беременности вызывает изменения в префронтальной коре и в работе гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси плода. Основными факторами воздействия послеродовой и хронической депрессии матери на развитие регуляторных функций детей являются стрессовая, хаотичная среда, сниженная материнская чувствительность, более частое использование интрузивного стиля взаимодействия с ребенком. Кроме того, у детей матерей, страдающих депрессией, чаще развиваются психические заболевания и чаще формируется избегающий стиль социального взаимодействия, что также может замедлять их когнитивное развитие. Большинство исследователей отмечают, что важен не столько период возникновения депрессии (во

время беременности или после родов), сколько ее интенсивность и хроническое течение.

Выводы. Представленный обзор позволяет сделать вывод о важности своевременного выявления и лечения материнской депрессии, а также интервенций, направленных на улучшение взаимодействия между матерью и ребенком.

Ключевые слова: когнитивное развитие, материнская депрессия, перинатальная психология, послеродовая депрессия, пренатальная депрессия, пренатальный стресс, регуляторные функции

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-18-00356 «ПТСР и послеродовая депрессия у матерей как фактор риска для эмоционально-когнитивного развития ребенка».

Для цитирования: Якупова, В.А., Анিকেева, М.А., Суарэз, А.Д. (2024). Материнская депрессия и развитие регуляторных функций ребенка: обзор зарубежных исследований. *Теоретическая и экспериментальная психология* 17(1), 123–142. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-07>

Maternal depression and development of child executive functions: foreign literature review

Vera A. Yakupova¹ ✉, Maria A. Anikeeva², Anna D. Suarez¹

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

²Interregional Non-Profit Organization for Advocating for Practical, Informational, and Psychological Support of Families During Pregnancy, Labor, Birth, and Postpartum Period “Professional Doulas Association”, Moscow, Russia

✉ vera.a.romanova@gmail.com

Abstract

Background: An estimated 3 to 60% of mothers worldwide suffer from depression that often goes undiagnosed and untreated. Meanwhile, a growing body of research confirms adverse effects of maternal depression on child executive functioning. Due to the fact that impairments become less easily reversible as a child grows older, we need to understand the mechanisms of the negative impact of maternal depression on the child executive functioning outcomes, in order to determine periods when interventions will be most critical and effective.

Objective: To review foreign studies on the mechanisms of the negative impact of prenatal, postpartum and chronic maternal depression on child executive functioning outcomes.

Methods: We searched for articles in PubMed, Research Gate, Google Scholar, ScienceDirect using the following keywords: “maternal depression”, “postpartum depression”, “prenatal depression”, “antental depression” in combination with “child executive

functions". The review includes all relevant articles that were published in English to 2008 and contain these keywords.

Results. Maternal depression during pregnancy is associated with changes in the fetal prefrontal cortex and hypothalamic-pituitary-adrenal axis. The main pathways for postpartum and chronic maternal depression to affect the development of child executive functions is via stressful and chaotic environment, decreased maternal sensitivity, more reliance on coercive parenting methods, and harsh-intrusive pattern of mother-child interaction. Moreover, children of depressed mothers exhibit more psychiatric disorders and often adopt an avoidant social style, both of which may also hinder their cognitive development. Most researchers emphasize the role of intensity and chronicity of maternal depression rather than the timing of onset (prenatally or postpartum).

Conclusion: The results of our review underscore the importance of timely diagnosis and treatment of maternal depression, as well as interventions aimed at improving mother-child interaction.

Keywords: cognitive development, executive functions, maternal depression, perinatal psychology, postpartum depression, prenatal depression, prenatal stress

Funding. The study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-18-00356 ("Maternal PTSD and Postpartum Depression as a Risk Factor for Child Emotional and Cognitive Development").

For citation: Yakupova, V.A., Anikeeva, M.A., Suarez, A.D. (2024). Maternal depression and development of child executive functions: foreign literature review. *Theoretical and experimental psychology*, 17(1), 123–142. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-07>

Введение

Вынашивание и рождение ребенка — испытание для организма женщины, в связи с этим в перинатальном периоде значительно возрастает риск развития различных психических расстройств, самое распространенное из которых — послеродовая депрессия (Meltzer-Brody, Rubinow, 2021).

По различным оценкам, депрессией страдают от 3 до 60% матерей во всем мире, но в большей степени эта проблема затрагивает женщин и детей в странах с низким уровнем доходов (Goeglein, Yatchmink, 2020).

Приблизительно 10–30% женщин сталкиваются с депрессией во время беременности, или пренатальной депрессией (Choe et al., 2023).

По результатам недавнего систематического обзора 565 исследований, проведенных в 80 странах, у 17,22% матерей развивается послеродовая депрессия (Wang et al., 2021).

При этом материнская депрессия зачастую не диагностируется и не лечится. Согласно систематическому обзору E. Fitzgerald и соавторов, депрессия во время беременности диагностируется лишь в 50% случаев, только в 14% из них женщины получают лечение и лишь в 8,6% случаев это лечение надлежащее (Fitzgerald et al., 2021). По результатам исследования E.Q. Cox и соавторов, послеродовую депрессию выявляют лишь в 31% случаев, в 16% случаев из них женщины получают лечение и лишь в 6,3% случаев это лечение — адекватное (Cox et al., 2016). Недавнее

исследование, проведенное D.L. Putnick и соавторами на выборке 4866 матерей, выявило, что 25% из них все еще испытывали высокий уровень депрессивных симптомов даже спустя три года после родов (Putnick et al., 2020).

При этом, на данный момент накопились данные о том, что материнская депрессия может оказывать негативное влияние на эмоциональное и когнитивное развитие ребенка (Choe et al., 2023; Martucci et al., 2021). Так, все больше исследований подтверждают наличие отрицательной корреляции между воздействием материнской депрессии и дальнейшим развитием регуляторных функций ребенка (Gueron-Sela et al., 2018).

Уровень развития регуляторных функций ребенка является важнейшим звеном в организации учебной деятельности, регуляции эмоций и познавательной деятельности в целом (Chichinina, Gavrilova, 2022; Kovyazina et al., 2021). Регуляторные функции включают в себя три отдельных, но взаимосвязанных компонента: 1) сдерживающий контроль, 2) когнитивную гибкость и 3) рабочую память (Garon et al., 2008; Miyake, Friedman, 2012) и представляют собой группу когнитивных навыков, обеспечивающих целенаправленное поведение, такое как решение проблем, планирование и способность действовать адаптивно в непривычных ситуациях (Nolvi et al., 2018).

Развитие регуляторных функций в раннем возрасте важно для дальнейшего когнитивного и поведенческого развития детей. Более высокий уровень развития регуляторных функций в возрасте 4–6 лет коррелирует с более высоким уровнем социально-эмоциональной компетентности и меньшей частотностью эмоциональных нарушений (например, гиперактивности) в возрасте 6 лет (Hughes, Ensor, 2011). Уровень развития регуляторных функций в дошкольном возрасте является предиктором академической успеваемости (Bierman et al., 2009; Veraksa et al., 2020). Слабое развитие регуляторных функций в дошкольном возрасте коррелирует с большей частотностью проблемного поведения в дошкольном возрасте (Monette et al., 2015), специфических расстройств развития учебных навыков (Operto et al., 2021), интернализационных и экстернализационных расстройств (de Cock et al., 2017; Hughes, Ensor, 2011;) и незаконченного школьного образования (Bierman et al., 2009).

Таким образом, проблема влияния депрессии матери на уровень развития регуляторных функций ребенка представляет фундаментальный научный интерес. В фокусе внимания исследователей находятся механизмы влияния депрессии матери на уровень когнитивного развития ребенка как во время беременности, так и после родов. Кроме того, негативное влияние материнской депрессии на развитие ребенка является социально значимой проблемой. Диагностика и своевременное лечение материнской депрессии может служить профилактикой поведенческих проблем и нарушений когнитивного развития ребенка. В отечественных публикациях связь материнской депрессии и развития регуляторных функций ребенка освещена слабо, в связи с этим целью данной работы является обзор актуальных зарубежных исследований по теме.

Методы

Поиск статей по теме производился с помощью ресурсов PubMed, Research Gate, Google Scholar, ScienceDirect по ключевым словам «maternal depression», «postpartum depression», «prenatal depression», «antenatal depression» в сочетании с «child executive functions». В первую очередь анализировались исследования последних 5 лет, затем были проанализированы публикации последних 10 и 15 лет. Критерии включения в обзор: публикация не ранее 2008 года, на английском языке, содержащая указанные выше ключевые слова (хотя бы одно или сочетания), обзоры литературы и эмпирические исследования с выборкой, соответствующей описанным в статье статистическим критериям. Критерии исключения из обзора: аннотации докладов, другие иностранные языки, кроме английского, отсутствие в статье описания методов исследования, несоответствие ключевым словам.

Результаты исследования

Механизмы воздействия на развитие ребенка пренатальной материнской депрессии

Воздействие пренатальной депрессии на развитие регуляторных функций ребенка обусловлено биологическими факторами. Нейробиологические исследования показывают, что депрессия и стресс, испытываемые матерью во время беременности, вызывают функциональные и структурные изменения в работе гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси (Rogers et al., 2020), а также могут значительно влиять на структуру и функционирование префронтальной коры плода ввиду быстрого развития мозга во время беременности и высокой плотности глюкокортикоидных рецепторов в префронтальной коре (Severo et al., 2023).

Пренатальные изменения стрессовой реактивности или регуляции стресса могут, в свою очередь, повысить уязвимость ребенка к воздействию послеродовой депрессии матери, что приводит к широкому спектру когнитивных и социально-эмоциональных нарушений (Choe et al., 2023; Van den Bergh et al., 2020).

Важно учитывать и другие факторы. Например, по результатам исследования M.N. Spann и соавторов, более низкий социально-экономический статус матери во время беременности негативно влияет на когнитивное и поведенческое развитие детей в возрасте 2 лет, а также на структуру их мозга и речевое развитие (Spann et al., 2020).

Кроме того, значительное отрицательное воздействие на развитие регуляторных функций ребенка оказывает употребление матерью психоактивных веществ во время беременности (Severo et al., 2023). При этом матери, страдающие депрессией, значительно чаще употребляют психоактивные вещества в сравнении с матерями, не страдающими депрессией (Drury et al., 2016).

Механизмы воздействия послеродовой и последующей хронической материнской депрессии

Воздействие послеродовой и последующей хронической материнской депрессии на развитие регуляторных функций ребенка во многом обусловлено наруше-

ниями во взаимодействии матери с ребенком. Мозг ребенка развивается быстрыми темпами в первые два года жизни (de Cock et al., 2017) и в этот период особенно уязвим перед внешними факторами, включая состояние и поведение родителей (Oh et al., 2020). Родители способствуют развитию регуляторных функций и навыков саморегуляции ребенка, оказывая ему эмоциональную и когнитивную поддержку и создавая стимулирующую, упорядоченную и предсказуемую среду, в то время как неблагоприятная среда может, напротив, тормозить развитие регуляторных функций (Schroeder, Kelley, 2010).

С учетом того, что в большинстве стран забота о детях до сих пор лежит в основном на женщинах, материнское поведение может значительно способствовать когнитивному развитию ребенка либо, наоборот, замедлять его. Одним из основных механизмов воздействия послеродовой депрессии на развитие регуляторных функций детей является материнская чувствительность (Devine et al., 2016; Ku, Feng, 2021), определяемая как способность точно распознавать сигналы ребенка и реагировать на них быстро и адекватно (Ku, Feng, 2021). Чем выше уровень материнской чувствительности в период от рождения до 3 лет ребенка, тем выше уровень развития регуляторных функций ребенка в более старшем возрасте (Gueron-Sela et al., 2017). Проявления теплоты и материнской чувствительности во время взаимодействий с ребенком в возрасте от 7 месяцев до 3 лет положительно коррелируют с более высоким уровнем развития регуляторных функций у ребенка в возрасте 3 и 5 лет (Gueron-Sela et al., 2018).

Депрессия — состояние, в котором очень сложно удовлетворять даже собственные потребности, поэтому матерям, страдающим депрессией, сложнее распознавать и удовлетворять потребности ребенка и активно вовлекаться во взаимодействия с ним (Gueron-Sela et al., 2018; Rogers et al., 2020). Они меньше играют со своими детьми, реже проявляют позитивные эмоции и теплое отношение (Olinio et al., 2016), демонстрируют узкий диапазон эмоциональных реакций и могут быть эмоционально непредсказуемыми (Drury et al., 2016; Gueron-Sela et al., 2018); реже дают детям дополнительные объяснения, делают меньше вербальных повторов и в целом реже используют вербальную коммуникацию (Field, 2010); им сложнее давать ребенку эмоциональную поддержку и осуществлять скаффолдинг (дозированную поддержку со стороны взрослого по мере постепенного освоения ребенком новых навыков), а также структурировать новые сложные задачи, которые пробует выполнить ребенок (Kluczniok et al., 2016).

У детей, матери которых страдают депрессией, значительно чаще развиваются психические заболевания (Apter-Levy et al., 2013), и дети, страдающие психическими расстройствами, демонстрируют более низкий уровень развития регуляторных функций в возрасте 6–12 лет (Hatoum et al., 2017; White et al., 2017).

Еще один механизм, через который родительский уход в раннем возрасте может влиять на дальнейшее развитие регуляторных функций ребенка, — это система реагирования ребенка на стресс (de Cock et al., 2017). Повышенный уровень родительского стресса может создавать стрессовую, хаотичную и дезорганизо-

ванную среду для детей, тем самым влияя на уровень их собственного стресса, что, в свою очередь, может сказываться на когнитивном развитии. И, напротив, более стабильная, упорядоченная атмосфера в семье, где родители чаще проявляют теплое отношение к ребенку, коррелирует с более высоким уровнем развития навыков саморегуляции и регуляторных функций у детей (de Cock et al., 2017; Schroeder, Kelley, 2010).

Из-за повышенного уровня негативных эмоций, таких как чувство вины и раздражительность, матерям, страдающим депрессией, сложнее переносить нормативное поведение ребенка, в результате они излишне полагаются на принудительные меры воспитания, проявляют больше эмоциональной дискоординации во взаимодействии со своими детьми и реже исправляют подобные ошибки во взаимодействии. Такое непоследовательное поведение негативно влияет на физиологические процессы, необходимые для развития навыков саморегуляции у ребенка (Feldman, 2015).

С раннего возраста дети матерей, страдающих депрессией, имитируют отстраненность матери, в результате чего у них формируется избегающий стиль социального взаимодействия, и эта склонность к социальной самоизоляции сохраняется на протяжении всего периода развития (Apter-Levy et al., 2013; Field, 2010). Социальная самоизоляция замедляет эмоциональное развитие детей (Rubin et al., 2009) и коррелирует с нарушениями в созревании префронтальной коры в части функционирования, белого вещества и миелинизации (J. Liu et al., 2012).

Матери, страдающие депрессией, чаще прибегают к жесткому интрузивному стилю взаимодействия (т.е. чаще вмешиваются в деятельность ребенка) (Field, 2010), что создает быстро меняющиеся источники возбуждения и стимуляции, активно мешая ребенку осуществлять эффективный контроль внимания и целенаправленное поведение (Graziano et al., 2010), которые являются важными строительными блоками для дальнейшего формирования регуляторных функций (Garon et al., 2008). Выявлена корреляция между подобным стилем взаимодействия матери с ребенком в возрасте с 10 месяцев до 3 лет и более низким уровнем развития регуляторных функций у ребенка в возрасте 3 и 4 лет (Devine et al., 2016).

Различия во влиянии пренатальной, послеродовой и хронической материнской депрессии на развитие регуляторных функций ребенка

Обзор научной литературы о различиях во влиянии на развитие регуляторных функций ребенка материнской пренатальной депрессии в сравнении с послеродовой депрессией дает противоречивые результаты.

По результатам некоторых исследований, пренатальная депрессия является более значительным предиктором задержек в развитии ребенка в возрасте 18 месяцев (Deave et al., 2008), эмоциональных и поведенческих нарушений в возрасте от 2 до 7 лет (Pina-Camacho et al., 2015) и когнитивных нарушений в возрасте 8 лет (Barker et al., 2013), чем послеродовая депрессия. Таким образом, можно предположить, что у детей, подвергшихся воздействию исключительно пренатальной материнской депрессии, будут с большей вероятностью проявляться нарушения

в развитии регуляторных функций, чем у детей, подвергшихся воздействию материнской депрессии, возникшей исключительно после родов (Choe et al., 2023).

Еще несколько исследований показали, что материнская депрессия во время беременности, но не в послеродовом периоде, связана с неблагоприятным развитием нервной системы ребенка (Bluett-Duncan et al., 2021; Rogers et al., 2020; Zhang et al., 2023) и более слабым развитием его регуляторных функций в плане самоорганизации, планирования, рабочей памяти, эмоционального контроля и сдерживания несоответствующих импульсов (Faleschini et al., 2019).

G. Ibanez и соавторы, напротив, не выявили никакой связи между материнской депрессией во время беременности и развитием ребенка (за исключением случаев, когда женщина одновременно страдала пренатальным тревожным расстройством), в то время как послеродовая материнская депрессия оказалась медиатором во взаимосвязи между когнитивным развитием ребенка и пренатальным тревожным расстройством матери (Ibanez et al., 2015).

Многие исследователи подчеркивают, что важно не столько время возникновения депрессивных симптомов (во время беременности или после родов), сколько их интенсивность и хроническое течение (Choe et al., 2023; Hentges et al., 2020; Oh et al., 2020; Severo et al., 2023).

Например, Y. Oh и соавторы отследили траектории развития материнской депрессии, которая сохранялась на протяжении двух лет после родов, на выборке из 1191 диады «мать — ребенок», чтобы выяснить, как материнская депрессия повлияла на развитие регуляторных функций детей в возрасте 9 лет. Было выделено три группы матерей: без симптомов депрессии ($n = 503$), со слабо выраженными симптомами ($n = 558$) и с умеренными симптомами ($n = 130$). Уровень развития регуляторных функций в возрасте 7, 8 и 9 лет у детей, матери которых испытывали слабо выраженные или умеренные симптомы депрессии, был ниже, чем у детей, матери которых не испытывали симптомов депрессии (Oh et al., 2020).

В исследовании M. Park и соавторов показатели развития нервной системы детей, депрессивные симптомы матерей которых частично снизились в течение первых 3 лет после родов, были сопоставимы с показателями детей, матери которых постоянно испытывали низкий уровень симптомов депрессии. И наоборот, дети матерей, которые продолжали испытывать более интенсивные и хронические симптомы депрессии, демонстрировали более выраженные нейрокогнитивные изменения (Park et al., 2018). В связи с этим можно предположить, что, если в течение первых трех лет после родов состояние матери улучшается, это может снизить или даже обратить вспять негативное влияние материнской психопатологии на развитие ребенка.

Обсуждение результатов

Материнская депрессия во время беременности вызывает функциональные и структурные изменения в префронтальной коре плода, а также в работе гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси, тем самым повышая уязвимость ре-

бенка к воздействию послеродовой депрессии матери, что приводит к широкому спектру когнитивных и социально-эмоциональных нарушений. Кроме того, на развитие регуляторных функций ребенка влияют социоэкономические факторы и употребление матерью психоактивных веществ во время беременности.

Основными механизмами воздействия послеродовой и хронической депрессии матери на развитие регуляторных функций детей являются стрессовая и хаотичная среда, сниженная материнская чувствительность, более частое использование интрузивного стиля взаимодействия с ребенком и принудительных мер воспитания. Кроме того, у детей матерей, страдающих депрессией, чаще формируется избегающий стиль социального взаимодействия и чаще развиваются психические заболевания, замедляющие их когнитивное развитие.

Большинство исследователей отмечают, что важно не столько время возникновения депрессии (во время беременности или после родов), сколько ее интенсивность и хроническое течение. По результатам нескольких исследований можно предположить, что улучшение состояния матери может снизить или даже обратить вспять негативное влияние материнской депрессии на развитие регуляторных функций ребенка.

В связи с этим различные авторы предлагают следующие профилактические меры:

- 1) повышение осведомленности женщин о симптомах депрессии, позволяющей им отличать признаки депрессии от проявлений обычной усталости, депривации сна и перепадов настроения во время беременности и в первые месяцы после родов (Drury et al., 2016);
- 2) скрининг всех матерей на наличие признаков депрессии различными медработниками, включая акушеров, гинекологов, педиатров и медсестер (Drury et al., 2016; Tandon et al., 2012; World Health Organization, 2014);
- 3) своевременное выявление и лечение материнской депрессии при помощи медикаментов и психотерапии, например, когнитивно-поведенческой терапии и интерперсональной терапии, показавших наибольшую эффективность во время беременности и после родов (Milgrom et al., 2015; O'Hara, McCabe, 2013; O'Mahen et al., 2013; Pinheiro et al., 2022);
- 4) проведение вмешательств, направленных на улучшение взаимодействия между матерью и ребенком (Drury et al., 2016; Martucci et al., 2021), а также повышение стабильности, структурности и предсказуемости в семье, поскольку хаотичная семейная обстановка может негативно сказываться на развитии регуляторных функций ребенка (Andrews et al., 2021).

Ограничения и дальнейшие перспективы исследования

В данном обзоре анализируются только исследования, опубликованные на английском языке. Работы на других языках могли бы обогатить полученные результаты. Также полезно было бы проанализировать методологию и дизайн представленных исследований. Важным направлением дальнейших исследований

может быть изучение эффективности различных типов терапии материнской депрессии во время беременности и после родов, а также профилактика пренатальной и послеродовой депрессии в качестве меры профилактики нарушений в развитии регуляторных функций ребенка. Необходимо более детально изучить связь материнской депрессии с эмоциональным развитием ребенка и рисками психических заболеваний.

Выводы

Представленный обзор зарубежных исследований о связи материнской депрессии с развитием регуляторных функций ребенка позволяет сделать ряд выводов. Воздействие материнской депрессии во время беременности обусловлено изменениями в работе гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси и в префронтальной коре плода. Воздействие послеродовой и хронической депрессии матери на развитие регуляторных функций ребенка связано со снижением материнской чувствительности, более частым использованием интрузивного стиля взаимодействия с ребенком, стрессовой и хаотичной обстановкой в семье. Скрининг, профилактика и лечение депрессии матери как во время беременности, так и после родов является важнейшей профессиональной и социальной задачей, поскольку может способствовать снижению рисков когнитивных и поведенческих нарушений у ребенка.

Практическое применение

Понимание механизмов негативного воздействия пренатальной, послеродовой и хронической материнской депрессии на развитие регуляторных функций ребенка помогает определить периоды, когда вмешательства будут наиболее критичны и эффективны, во избежание долгосрочных последствий для развития ребенка.

Список литературы

Andrews, K., Dunn, J.R., Prime, H., Atkinson, L., Tiwari, A., Gonzalez, A. (2021). Effects of household chaos and parental responsiveness on child executive functions: a novel, multi-method approach. *BMC Psychology*, 9(147). <https://doi.org/https://doi.org/10.1186/s40359-021-00651-1>

Apter-Levy, Y., Feldman, M., Vakart, A., Ebstein, R.P., Feldman, R. (2013). Impact of Maternal Depression Across the First 6 Years of Life on the Child's Mental Health, Social Engagement, and Empathy: The Moderating Role of Oxytocin. *American Journal of Psychiatry*, 10(170), 1161–1168. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2013.12121597>

Barker, E., Kirkham, N., Ng, J., Jensen, S. (2013). Prenatal maternal depression symptoms and nutrition, and child cognitive function. *The British journal of psychiatry: the journal of mental science*, 203(6), 417–421. <https://doi.org/10.1192/bjp.bp.113.129486>

Bierman, K.L., Torres, M.M., Domitrovich, C.E., Welsh, J.A., Gest, S.D (2009). Behavioral and Cognitive Readiness for School: Cross-Domain Associations for Children Attending Head Start. *Social Development*, (18), 305–323. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9507.2008.00490.x>

Bluett-Duncan, M., Kishore, M.T., Patil, D.M., Satyanarayana, V.A., Sharp H. (2021). A systematic review of the association between perinatal depression and cognitive development in infancy in low and middle-income countries. *Plos one*, 16(6), e0253790. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253790>

Chichinina, E.A., Gavrilova, M.N. (2022). Growth of Executive Functions in Preschool-Age Children During the COVID-19 Lockdown: Empirical Evidence. *Psychology in Russia*, 2(15), 124–136. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0209>

Choe, D.E., Deer, L.K., Hastings, P.D. (2023). Latent class analysis of maternal depression from pregnancy through early childhood: Differences in children's executive functions. *Developmental Psychology*, 8(59), 1452–1463. <https://doi.org/10.1037/dev0001540>

Cox, E.Q., Sowa, N.A., Meltzer-Brody, S.E., Gaynes, B.N. (2016). The Perinatal Depression Treatment Cascade: Baby Steps Toward Improving Outcomes. *The Journal of Clinical Psychiatry*, 9(77), 20901. <https://doi.org/10.4088/JCP.15r10174>

de Cock, E., Henrichs, J., Klimstra, T., Maas, A.J., Vreeswijk, C., Meeus, W., Bakel, H. (2017). Longitudinal Associations Between Parental Bonding, Parenting Stress, and Executive Functioning in Toddlerhood. *Journal of Child and Family Studies*, (26), 1723–1733. <https://doi.org/10.1007/s10826-017-0679-7>

Deave, T., Heron, J., Evans, J., Emond, A. (2008). The impact of maternal depression in pregnancy on early child development. *BJOG: An International Journal of Obstetrics Gynaecology*, 8(115), 1043–1051. <https://doi.org/10.1111/j.1471-0528.2008.01752.x>

Devine, R.T., Bignardi, G., Hughes, C. (2016). Executive Function Mediates the Relations between Parental Behaviors and Children's Early Academic Ability. *Frontiers in Psychology*, (7), 1902. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01902>

Drury, S.S., Scaramella, L., Zeanah, C.H. (2016). The neurobiological impact of postpartum maternal depression: prevention and intervention approaches. *Child and adolescent psychiatric clinics of North America*, 2(25), 179–200. <https://doi.org/10.1016/j.chc.2015.11.001>

Faleschini, S., Rifas-Shiman, S.L., Tiemeier, H., Oken, E., Hivert, M.-F. (2019). Associations of Prenatal and Postnatal Maternal Depressive Symptoms with Offspring Cognition and Behavior in Mid-Childhood: A Prospective Cohort Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 6(16), 1007. <https://doi.org/10.3390/ijerph16061007>

Feldman, R. (2015). Mutual influences between child emotion regulation and parent-child reciprocity support development across the first 10 years of life: Implications for developmental psychopathology. *Development and Psychopathology*, 4(27), 1007–1023. <https://doi.org/10.1017/S0954579415000656>

Field, T. (2010). Postpartum Depression Effects on Early Interactions, Parenting, and Safety Practices: A Review. *Infant behavior development*, 1(33), 1–6. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2009.10.005>

Fitzgerald, E., Parent, C., Kee, M., Meaney, M. (2021). Maternal Distress and Offspring Neurodevelopment: Challenges and Opportunities for Pre-clinical Research Models. *Frontiers in Human Neuroscience*, (15), 635304. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2021.635304>

Garon, N., Bryson, S., Smith, I. (2008). Executive Function in Preschoolers: A Review Using an Integrative Framework. *Psychological bulletin*, (134), 31–60. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.1.31>

Goeglein, S.K., Yatchmink, Y.E. (2020). Maternal Depression Is a Public Health Crisis: The Time to Act Is Now. *Pediatrics*, 3(146), e2020010413. <https://doi.org/10.1542/peds.2020-010413>

Graziano, P.A., Keane, S.P., Calkins, S.D. (2010). Maternal Behavior and Children's Early Emotion Regulation Skills Differentially Predict Development of Children's Reactive Control and Later Effortful Control. *Infant and Child Development*, 4(19), 333–353. <https://doi.org/10.1002/icd.670>

Gueron-Sela, N., Camerota, M., Willoughby, M.T., Vernon-Feagans, L., Cox, M.J. (2018). Maternal Depressive Symptoms, Mother-Child Interactions and Children's Executive Function. *Developmental Psychology*, 54(1), 71–82. <https://doi.org/10.1037/dev0000389>

Gueron-Sela, N., Wagner, N.J., Propper, C.B., Mills-Koonce, W.R., Moore, G.A., Cox, M.J. (2017). The Interaction Between Child Respiratory Sinus Arrhythmia and Early Sensitive Parenting in the Prediction of Children's Executive Functions. *Infancy*, 22(2), 171–189. <https://doi.org/10.1111/infa.12152>

Hatoum, A., Rhee, S., Corley, R., Hewitt, J., Friedman, N. (2017). Do executive functions explain the covariance between internalizing and externalizing behaviors? *Development and Psychopathology*, (30), 1–17. <https://doi.org/10.1017/S0954579417001602>

Hentges, R., Graham, S., Fearon, R., Tough, S., Madigan, S. (2020). The chronicity and timing of prenatal and antenatal maternal depression and anxiety on child outcomes at age 5. *Depression and Anxiety*, (37), 576–586. <https://doi.org/10.1002/da.23039>

Hughes, C., Ensor, R. (2011). Individual differences in growth in Executive Function across the transition to school predict externalizing and internalizing behaviors and children's self-perceived academic success at age 6. *Journal of experimental child psychology*, (108), 663–676. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2010.06.005>

Ibanez, G., Bernard, J.Y., Rondet, C., Peyre, H., Forhan, A., Kaminski, M., Saurel-Cubizolles, M.-J., Group, E. (2015). Effects of Antenatal Maternal Depression and Anxiety on Children's Early Cognitive Development: A Prospective Cohort Study. *Plos one*, 10(8), e0135849. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0135849>

Kluczniok, D., Boedeker, K., Fuchs, A., Hindi Attar, C., Fydrich, T., Fuehrer, D., Dittrich, K., Reck, C., Winter, S., Heinz, A., Herpertz, S.C., Brunner, R., Birmpohl, F. (2016). Emotional Availability in Mother-Child Interaction: The Effects of Maternal Depression in Remission and Additional History of Childhood Abuse. *Depression and Anxiety*, 7(33), 648–657. <https://doi.org/10.1002/da.22462>

Kovyazina, M.S., Oschepkova, E.S., Airapetyan, Z.V., Ivanova, M.K., Dedyukina, M.I., Gavrilova, M.N. (2021). Executive Functions' Impact on Vocabulary and Verbal Fluency among Mono- and Bilingual Preschool-Aged Children. *Psychology in Russia*, 4(14), 65–77. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0405>

Ku, S., Feng, X. (2021). Maternal Depressive Symptoms and the Growth of Child Executive Function: Mediation by Maternal Sensitivity. *Journal of Family Psychology*, 37(4), 421–431. <https://doi.org/10.1037/fam0000832>

Le Strat, Y., Dubertret, C., Le Foll, B. (2013). Parent-child interaction of mothers with depression and their children with ADHD. *Research in Developmental Disabilities*, 1(34), 656–668. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2012.09.009>

Liu, J., Dietz, K., DeLoyht, J.M., Pedre, X., Kelkar, D., Kaur, J., Vialou, V., Lobo, M.K., Dietz, D.M., Nestler, E.J., Dupree, J., Casaccia, P. (2012). Impaired adult myelination in the prefrontal cortex of socially isolated mice. *Nature Neuroscience*, 12(15), 1621–1623. <https://doi.org/10.1038/nn.3263>

Martucci, M., Aceti, F., Giacchetti, N., Sogos, C. (2021). The mother-baby bond: a systematic review about perinatal depression and child developmental disorders. *Rivista Di Psichiatria*, 5(56), 223–236.

Meltzer-Brody, S., Rubinow, D. (2021). An Overview of Perinatal Mood and Anxiety Disorders: Epidemiology and Etiology. In E. Cox (Eds), *Women's Mood Disorders* (pp. 5–16). Cham: Springer.

Milgrom, J., Holt, C., Holt, C.J., Ross, J., Ericksen, J., Gemmill, A.W. (2015). Feasibility study and pilot randomised trial of an antenatal depression treatment with infant follow-up. *Archives of Women's Mental Health*, 5(18), 717–730. <https://doi.org/10.1007/s00737-015-0512-5>

Miyake, A., Friedman, N. (2012). The Nature and Organization of Individual Differences in Executive Functions: Four General Conclusions. *Current directions in psychological science*, (21), 8–14. <https://doi.org/10.1177/0963721411429458>

Monette, S., Bigras, M., Guay, M.-C. (2015). Executive functions in kindergarteners with high levels of disruptive behaviours. *British Journal of Developmental Psychology*, 4(33), 446–463. <https://doi.org/10.1111/bjdp.12105>

Nolvi, S., Pesonen, H., Bridgett, D., Korja, R., Kataja, E.-L., Karlsson, H., Karlsson, L. (2018). Infant Sex Moderates the Effects of Maternal Pre- and Postnatal Stress on Executive Functioning at 8 Months of Age. *Infancy*, (23), 194–210. <https://doi.org/10.1111/infa.12206>

Oh, Y., Joung, Y.-S., Baek, J., Yoo, N. (2020). Maternal Depression Trajectories and Child Executive Function over 9 Years. *Journal of Affective Disorders*, (276), 646–652. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.07.065>

O'Hara, M.W., McCabe, J.E. (2013). Postpartum Depression: Current Status and Future Directions. *Annual Review of Clinical Psychology*, 1(9), 379–407. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-050212-185612>

Olino, T.M., McMakin, D.L., Nicely, T.A., Forbes, E.E., Dahl, R.E., Silk, J.S. (2016). Maternal depression, parenting, and youth depressive symptoms: Mediation and moderation in a short-term longitudinal study. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 3(45), 279–290. <https://doi.org/10.1080/15374416.2014.971456>

O'Mahen, H., Himle, J.A., Fedock, G., Henshaw, E., Flynn, H. (2013). A Pilot Randomized Controlled Trial of Cognitive Behavioral Therapy for Perinatal Depression Adapted for Women with Low Incomes. *Depression and Anxiety*, 7(30), 679–687. <https://doi.org/10.1002/da.22050>

Operto, F.F., Smirni, D., Scuoppo, C., Padovano, C., Vivencio, V., Quatrosi, G., Carotenu, M., Precenzano, F., Pastorino, G. (2021). Neuropsychological Profile, Emotional/Behavioral Problems, and Parental Stress in Children with Neurodevelopmental Disorders. *Brain Sciences*, 11(5), 584. <https://doi.org/10.3390/brainsci11050584>

Park, M., Brain, U., Grunau, R., Diamond, A., Oberlander, T. (2018). Maternal depression trajectories from pregnancy to 3 years postpartum are associated with children's behavior and executive functions at 3 and 6 years. *Archives of Women's Mental Health*, (21), 1–11. <https://doi.org/10.1007/s00737-017-0803-0>

Pina-Camacho, L., Jensen, S.K., Gaysina, D., Barker, E.D. (2015). Maternal depression symptoms, unhealthy diet and child emotional-behavioural dysregulation. *Psychological Medicine*, 9(45), 1851–1860. <https://doi.org/10.1017/S0033291714002955>

Pinheiro, R.T., Souza, L.D., Trettim, J.P., Matos, M.B., Pinheiro, K., Cunha, G.K., Rubin, B.B., Scholl, C.C., Stigger, R.S., Motta, J.V., Oliveira, S.S., Ghisleni, G., Nedel, F., Quevedo, L. (2022). Antenatal depression: Efficacy of a pre-post therapy study and repercussions in motor development of children during the first 18 months postpartum. Study: “Pregnancy care, healthy baby”. *Journal of Psychiatric Research*, (148), 63–72. <https://doi.org/10.1016/j.jpsy-chires.2022.01.061>

Putnick, D.L., Sundaram, R., Bell, E.M., Ghassabian, A., Goldstein, R.B., Robinson, S.L., Vafai, Y., Gilman, S.E., Yeung, E. (2020). Trajectories of Maternal Postpartum Depressive Symptoms. *Pediatrics*, 5(146), e20200857. <https://doi.org/10.1542/peds.2020-0857>

Rogers, A., Obst, S., Teague, S.J., Rossen, L., Spry, E.A., Macdonald, J.A., Sunderland, M., Olsson, C.A., Youssef, G., Hutchinson, D. (2020). Association Between Maternal Perinatal Depression and Anxiety and Child and Adolescent Development: A Meta-analysis. *JAMA Pediatrics*, 11(174), 1082–1092. <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2020.2910>

Rubin, K., Coplan, R., Bowker, J. (2009). Social Withdrawal in Childhood. *Annual review of psychology*, (60), 141–171. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.60.110707.163642>

Schroeder, V., Kelley, M. (2010). Family environment and parent-child relationships as related to executive functioning in children. *Early Child Development and Care*, (180), 1285–1298. <https://doi.org/10.1080/03004430902981512>

Severo, M., Ventriglio, A., Bellomo, A., Iuso, S., Petito, A. (2023). Maternal perinatal depression and child neurocognitive development: A relationship still to be clarified. *Frontiers in Psychiatry*, (14), 115189. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2023.1151897>

Spann, M.N., Bansal, R., Hao, X., Rosen, T.S., Peterson, B.S. (2020). Prenatal socioeconomic status and social support are associated with neonatal brain morphology, toddler language and psychiatric symptoms. *Child Neuropsychology*, 2(26), 170–188. <https://doi.org/10.1080/09297049.2019.1648641>

Tandon, S.D., Cluxton-Keller, F., Leis, J., Le, H.-N., Perry, D.F. (2012). A comparison of three screening tools to identify perinatal depression among low-income African American women. *Journal of affective disorders*, 1-2(136), 155–162. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2011.07.014>

Van den Bergh, B., van den Heuvel, M.I., Lahti, M., Braeken, M., de Rooij, S.R., Entringer, S., Hoyer, D., Roseboom, T., Räikkönen, K., King, S., Schwab, M. (2020). Prenatal developmental origins of behavior and mental health: The influence of maternal stress in pregnancy. *Neuroscience Biobehavioral Reviews*, (117), 26–64. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2017.07.003>

Veraksa, A., Almazova, O., Bukhalenkova, D. (2020). Studying executive functions in senior preschoolers. *PsyCh Journal*, 1(9), 144–146. <https://doi.org/10.1002/pchj.310>

Wang, Z., Liu, J., Shuai, H., Cai, Z., Fu, X., Liu, Y., Xiao, X., Zhang, W., Krabbendam, E., Liu, S., Liu, Z., Li, Z., Yang, B.X. (2021). Mapping global prevalence of depression among postpartum women. *Translational Psychiatry*, 1(11), 1–13. <https://doi.org/10.1038/s41398-021-01663-6>

White, L.K., Moore, T.M., Calkins, M.E., Wolf, D.H., Satterthwaite, T.D., Leibenluft, E., Pine, D.S., Gur, R.C., Gur, R.E. (2017). An Evaluation of the Specificity of Executive Function Impair-

ment in Developmental Psychopathology. *Journal of the American Academy of Child Adolescent Psychiatry*, 11(56), 975-982.e3. <https://doi.org/10.1016/j.jaac.2017.08.016>

World Health Organization. (2014). WHO recommendations on postnatal care of the mother and newborn. Geneva: World Health Organization. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/97603>

Zhang, T., Luo, Z.-C., Ji, Y., Chen, Y., Ma, R., Fan, P., Tang, N., Li, J., Tian, Y., Zhang, J., Ouyang, F. (2023). The impact of maternal depression, anxiety, and stress on early neurodevelopment in boys and girls. *Journal of Affective Disorders*, (321), 74–82. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.10.030>

References

Andrews, K., Dunn, J.R., Prime, H., Atkinson, L., Tiwari, A., Gonzalez, A. (2021). Effects of household chaos and parental responsiveness on child executive functions: a novel, multi-method approach. *BMC Psychology*, 9(147). <https://doi.org/https://doi.org/10.1186/s40359-021-00651-1>

Apter-Levy, Y., Feldman, M., Vakart, A., Ebstein, R.P., Feldman, R. (2013). Impact of Maternal Depression Across the First 6 Years of Life on the Child's Mental Health, Social Engagement, and Empathy: The Moderating Role of Oxytocin. *American Journal of Psychiatry*, 10(170), 1161–1168. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2013.12121597>

Barker, E., Kirkham, N., Ng, J., Jensen, S. (2013). Prenatal maternal depression symptoms and nutrition, and child cognitive function. *The British journal of psychiatry: the journal of mental science*, 203(6), 417–421. <https://doi.org/10.1192/bjp.bp.113.129486>

Bierman, K.L., Torres, M.M., Domitrovich, C.E., Welsh, J.A., Gest, S.D (2009). Behavioral and Cognitive Readiness for School: Cross-Domain Associations for Children Attending Head Start. *Social Development*, (18), 305–323. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9507.2008.00490.x>

Bluett-Duncan, M., Kishore, M.T., Patil, D.M., Satyanarayana, V.A., Sharp, H. (2021). A systematic review of the association between perinatal depression and cognitive development in infancy in low and middle-income countries. *Plos one*, 16(6), e0253790. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253790>

Chichinina, E.A., Gavrilova, M.N. (2022). Growth of Executive Functions in Preschool-Age Children During the COVID-19 Lockdown: Empirical Evidence. *Psychology in Russia*, 2(15), 124–136. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0209>

Choe, D.E., Deer, L.K., Hastings, P.D. (2023). Latent class analysis of maternal depression from pregnancy through early childhood: Differences in children's executive functions. *Developmental Psychology*, 8(59), 1452–1463. <https://doi.org/10.1037/dev0001540>

Cox, E.Q., Sowa, N.A., Meltzer-Brody, S.E., Gaynes, B.N. (2016). The Perinatal Depression Treatment Cascade: Baby Steps Toward Improving Outcomes. *The Journal of Clinical Psychiatry*, 9(77), 20901. <https://doi.org/10.4088/JCP.15r10174>

de Cock, E., Henrichs, J., Klimstra, T., Maas, A. J., Vreeswijk, C., Meeus, W., Bakel, H. (2017). Longitudinal Associations Between Parental Bonding, Parenting Stress, and Executive Functioning in Toddlerhood. *Journal of Child and Family Studies*, (26), 1723–1733. <https://doi.org/10.1007/s10826-017-0679-7>

Deave, T., Heron, J., Evans, J., Emond, A. (2008). The impact of maternal depression in pregnancy on early child development. *BJOG: An International Journal of Obstetrics Gynaecology*, 8(115), 1043–1051. <https://doi.org/10.1111/j.1471-0528.2008.01752.x>

Devine, R.T., Bignardi, G., Hughes, C. (2016). Executive Function Mediates the Relations between Parental Behaviors and Children's Early Academic Ability. *Frontiers in Psychology*, (7), 1902. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01902>

Drury, S.S., Scaramella, L., Zeanah, C.H. (2016). The neurobiological impact of postpartum maternal depression: prevention and intervention approaches. *Child and adolescent psychiatric clinics of North America*, 2(25), 179–200. <https://doi.org/10.1016/j.chc.2015.11.001>

Faleschini, S., Rifas-Shiman, S.L., Tiemeier, H., Oken, E., Hivert, M.-F. (2019). Associations of Prenatal and Postnatal Maternal Depressive Symptoms with Offspring Cognition and Behavior in Mid-Childhood: A Prospective Cohort Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 6(16), 1007. <https://doi.org/10.3390/ijerph16061007>

Feldman, R. (2015). Mutual influences between child emotion regulation and parent-child reciprocity support development across the first 10 years of life: Implications for developmental psychopathology. *Development and Psychopathology*, 4(27), 1007–1023. <https://doi.org/10.1017/S0954579415000656>

Field, T. (2010). Postpartum Depression Effects on Early Interactions, Parenting, and Safety Practices: A Review. *Infant behavior development*, 1(33), 1-6. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2009.10.005>

Fitzgerald, E., Parent, C., Kee, M., Meaney, M. (2021). Maternal Distress and Offspring Neurodevelopment: Challenges and Opportunities for Pre-clinical Research Models. *Frontiers in Human Neuroscience*, (15), 635304. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2021.635304>

Garon, N., Bryson, S., Smith, I. (2008). Executive Function in Preschoolers: A Review Using an Integrative Framework. *Psychological bulletin*, (134), 31–60. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.1.31>

Goeglein, S.K., Yatchmink, Y.E. (2020). Maternal Depression Is a Public Health Crisis: The Time to Act Is Now. *Pediatrics*, 3(146), e2020010413. <https://doi.org/10.1542/peds.2020-010413>

Graziano, P.A., Keane, S.P., Calkins, S.D. (2010). Maternal Behavior and Children's Early Emotion Regulation Skills Differentially Predict Development of Children's Reactive Control and Later Effortful Control. *Infant and Child Development*, 4(19), 333–353. <https://doi.org/10.1002/icd.670>

Gueron-Sela, N., Camerota, M., Willoughby, M.T., Vernon-Feagans, L., Cox, M.J. (2018). Maternal Depressive Symptoms, Mother-Child Interactions and Children's Executive Function. *Developmental Psychology*, 54(1), 71–82. <https://doi.org/10.1037/dev0000389>

Gueron-Sela, N., Wagner, N.J., Propper, C.B., Mills-Koonce, W.R., Moore, G.A., Cox, M.J. (2017). The Interaction Between Child Respiratory Sinus Arrhythmia and Early Sensitive Parenting in the Prediction of Children's Executive Functions. *Infancy*, 22(2), 171–189. <https://doi.org/10.1111/infa.12152>

Hatoum, A., Rhee, S., Corley, R., Hewitt, J., Friedman, N. (2017). Do executive functions explain the covariance between internalizing and externalizing behaviors? *Development and Psychopathology*, (30), 1–17. <https://doi.org/10.1017/S0954579417001602>

Hentges, R., Graham, S., Fearon, R., Tough, S., Madigan, S. (2020). The chronicity and timing of prenatal and antenatal maternal depression and anxiety on child outcomes at age 5. *Depression and Anxiety*, (37), 576–586. <https://doi.org/10.1002/da.23039>

Hughes, C., Ensor, R. (2011). Individual differences in growth in Executive Function across the transition to school predict externalizing and internalizing behaviors and children's self-perceived academic success at age 6. *Journal of experimental child psychology*, (108), 663–676. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2010.06.005>

Ibanez, G., Bernard, J.Y., Rondet, C., Peyre, H., Forhan, A., Kaminski, M., Saurel-Cubizolles, M.-J., Group, E. (2015). Effects of Antenatal Maternal Depression and Anxiety on Children's Early Cognitive Development: A Prospective Cohort Study. *Plos one*, 10(8), e0135849. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0135849>

Kluczniok, D., Boedeker, K., Fuchs, A., Hindi Attar, C., Fydrich, T., Fuehrer, D., Dittrich, K., Reck, C., Winter, S., Heinz, A., Herpertz, S.C., Brunner, R., BERPohl, F. (2016). Emotional Availability in Mother-Child Interaction: The Effects of Maternal Depression in Remission and Additional History of Childhood Abuse. *Depression and Anxiety*, 7(33), 648–657. <https://doi.org/10.1002/da.22462>

Kovyazina, M.S., Oschepkova, E.S., Airapetyan, Z.V., Ivanova, M.K., Dedyukina, M.I., Gavrilova, M.N. (2021). Executive Functions' Impact on Vocabulary and Verbal Fluency among Mono- and Bilingual Preschool-Aged Children. *Psychology in Russia*, 4(14), 65–77. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0405>

Ku, S., Feng, X. (2021). Maternal Depressive Symptoms and the Growth of Child Executive Function: Mediation by Maternal Sensitivity. *Journal of Family Psychology*, 37(4), 421–431. <https://doi.org/10.1037/fam0000832>

Le Strat, Y., Dubertret, C., Le Foll, B. (2013). Parent-child interaction of mothers with depression and their children with ADHD. *Research in Developmental Disabilities*, 1(34), 656–668. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2012.09.009>

Liu, J., Dietz, K., DeLoyht, J.M., Pedre, X., Kelkar, D., Kaur, J., Vialou, V., Lobo, M.K., Dietz, D.M., Nestler, E.J., Dupree, J., Casaccia, P. (2012). Impaired adult myelination in the prefrontal cortex of socially isolated mice. *Nature Neuroscience*, 12(15), 1621–1623. <https://doi.org/10.1038/nn.3263>

Martucci, M., Aceti, F., Giacchetti, N., Sogos, C. (2021). The mother-baby bond: a systematic review about perinatal depression and child developmental disorders. *Rivista Di Psichiatria*, 5(56), 223–236.

Meltzer-Brody, S., Rubinow, D. (2021). An Overview of Perinatal Mood and Anxiety Disorders: Epidemiology and Etiology. In E. Cox (Eds), *Women's Mood Disorders* (pp. 5–16). Cham: Springer.

Milgrom, J., Holt, C., Holt, C.J., Ross, J., Ericksen, J., Gemmill, A.W. (2015). Feasibility study and pilot randomised trial of an antenatal depression treatment with infant follow-up. *Archives of Women's Mental Health*, 5(18), 717–730. <https://doi.org/10.1007/s00737-015-0512-5>

Miyake, A., Friedman, N. (2012). The Nature and Organization of Individual Differences in Executive Functions: Four General Conclusions. *Current directions in psychological science*, (21), 8–14. <https://doi.org/10.1177/0963721411429458>

Monette, S., Bigras, M., Guay, M.-C. (2015). Executive functions in kindergarteners with high levels of disruptive behaviours. *British Journal of Developmental Psychology*, 4(33), 446–463. <https://doi.org/10.1111/bjdp.12105>

Nolvi, S., Pesonen, H., Bridgett, D., Korja, R., Kataja, E.-L., Karlsson, H., Karlsson, L. (2018). Infant Sex Moderates the Effects of Maternal Pre- and Postnatal Stress on Executive Functioning at 8 Months of Age. *Infancy*, (23), 194–210. <https://doi.org/10.1111/infa.12206>

Oh, Y., Joung, Y.-S., Baek, J., Yoo, N. (2020). Maternal Depression Trajectories and Child Executive Function over 9 Years. *Journal of Affective Disorders*, (276), 646–652. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.07.065>

O'Hara, M.W., McCabe, J.E. (2013). Postpartum Depression: Current Status and Future Directions. *Annual Review of Clinical Psychology*, 1(9), 379–407. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-050212-185612>

Olino, T.M., McMakin, D.L., Nicely, T.A., Forbes, E.E., Dahl, R.E., Silk, J.S. (2016). Maternal depression, parenting, and youth depressive symptoms: Mediation and moderation in a short-term longitudinal study. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 3(45), 279–290. <https://doi.org/10.1080/15374416.2014.971456>

O'Mahen, H., Himle, J.A., Fedock, G., Henshaw, E., Flynn, H. (2013). A Pilot Randomized Controlled Trial of Cognitive Behavioral Therapy for Perinatal Depression Adapted for Women with Low Incomes. *Depression and Anxiety*, 7(30), 679–687. <https://doi.org/10.1002/da.22050>

Operto, F.F., Smirni, D., Scuoppo, C., Padovano, C., Vivencio, V., Quatrosi, G., Carotenuo, M., Precenzano, F., Pastorino, G. (2021). Neuropsychological Profile, Emotional/Behavioral Problems, and Parental Stress in Children with Neurodevelopmental Disorders. *Brain Sciences*, 11(5), 584. <https://doi.org/10.3390/brainsci11050584>

Park, M., Brain, U., Grunau, R., Diamond, A., Oberlander, T. (2018). Maternal depression trajectories from pregnancy to 3 years postpartum are associated with children's behavior and executive functions at 3 and 6 years. *Archives of Women's Mental Health*, (21), 1–11. <https://doi.org/10.1007/s00737-017-0803-0>

Pina-Camacho, L., Jensen, S.K., Gaysina, D., Barker, E.D. (2015). Maternal depression symptoms, unhealthy diet and child emotional-behavioural dysregulation. *Psychological Medicine*, 9(45), 1851–1860. <https://doi.org/10.1017/S0033291714002955>

Pinheiro, R.T., Souza, L.D., Trettim, J.P., Matos, M.B., Pinheiro, K., Cunha, G.K., Rubin, B.B., Scholl, C.C., Stigger, R.S., Motta, J.V., Oliveira, S.S., Ghisleni, G., Nedel, F., Quevedo, L. (2022). Antenatal depression: Efficacy of a pre-post therapy study and repercussions in motor development of children during the first 18 months postpartum. Study: “Pregnancy care, healthy baby”. *Journal of Psychiatric Research*, (148), 63–72. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2022.01.061>

Putnick, D.L., Sundaram, R., Bell, E.M., Ghassabian, A., Goldstein, R.B., Robinson, S.L., Vafai, Y., Gilman, S.E., Yeung, E. (2020). Trajectories of Maternal Postpartum Depressive Symptoms. *Pediatrics*, 5(146), e20200857. <https://doi.org/10.1542/peds.2020-0857>

Rogers, A., Obst, S., Teague, S.J., Rossen, L., Spry, E.A., Macdonald, J.A., Sunderland, M., Olsson, C.A., Youssef, G., Hutchinson, D. (2020). Association Between Maternal Perinatal Depression and Anxiety and Child and Adolescent Development: A Meta-analysis. *JAMA Pediatrics*, 11(174), 1082–1092. <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2020.2910>

Rubin, K., Coplan, R., Bowker, J. (2009). Social Withdrawal in Childhood. *Annual review of psychology*, (60), 141–171. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.60.110707.163642>

Schroeder, V., Kelley, M. (2010). Family environment and parent-child relationships as related to executive functioning in children. *Early Child Development and Care*, (180), 1285–1298. <https://doi.org/10.1080/03004430902981512>

Severo, M., Ventriglio, A., Bellomo, A., Iuso, S., Petito, A. (2023). Maternal perinatal depression and child neurocognitive development: A relationship still to be clarified. *Frontiers in Psychiatry*, (14), 115189. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1151897>

Spann, M.N., Bansal, R., Hao, X., Rosen, T.S., Peterson, B.S. (2020). Prenatal socioeconomic status and social support are associated with neonatal brain morphology, toddler language and psychiatric symptoms. *Child Neuropsychology*, 2(26), 170–188. <https://doi.org/10.1080/09297049.2019.1648641>

Tandon, S.D., Cluxton-Keller, F., Leis, J., Le, H.-N., Perry, D.F. (2012). A comparison of three screening tools to identify perinatal depression among low-income African American women. *Journal of affective disorders*, 1-2(136), 155–162. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2011.07.014>

Van den Bergh, B., van den Heuvel, M.I., Lahti, M., Braeken, M., de Rooij, S.R., Entringer, S., Hoyer, D., Roseboom, T., Räikkönen, K., King, S., Schwab, M. (2020). Prenatal developmental origins of behavior and mental health: The influence of maternal stress in pregnancy. *Neuroscience Biobehavioral Reviews*, (117), 26–64. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2017.07.003>

Veraksa, A., Almazova, O., Bukhalenkova, D. (2020). Studying executive functions in senior preschoolers. *PsyCh Journal*, 1(9), 144–146. <https://doi.org/10.1002/pchj.310>

Wang, Z., Liu, J., Shuai, H., Cai, Z., Fu, X., Liu, Y., Xiao, X., Zhang, W., Krabbendam, E., Liu, S., Liu, Z., Li, Z., Yang, B.X. (2021). Mapping global prevalence of depression among postpartum women. *Translational Psychiatry*, 1(11), 1–13. <https://doi.org/10.1038/s41398-021-01663-6>

White, L.K., Moore, T.M., Calkins, M.E., Wolf, D.H., Satterthwaite, T.D., Leibenluft, E., Pine, D.S., Gur, R.C., Gur, R.E. (2017). An Evaluation of the Specificity of Executive Function Impairment in Developmental Psychopathology. *Journal of the American Academy of Child Adolescent Psychiatry*, 11(56), 975–982.e3. <https://doi.org/10.1016/j.jaac.2017.08.016>

World Health Organization. (2014). WHO recommendations on postnatal care of the mother and newborn. Geneva: World Health Organization. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/97603>

Zhang, T., Luo, Z.-C., Ji, Y., Chen, Y., Ma, R., Fan, P., Tang, N., Li, J., Tian, Y., Zhang, J., Ouyang, F. (2023). The impact of maternal depression, anxiety, and stress on early neurodevelopment in boys and girls. *Journal of Affective Disorders*, (321), 74–82. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.10.030>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вера Анатольевна Якупова, кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры методологии психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, vera.a.romanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9472-8283>

Мария Анатольевна Аникеева, клинический и перинатальный психолог, Межрегиональная общественная организация содействия практической, информационной и психологической поддержке семьи в беременности, родах и послеродовой период «Ассоциация профессиональных доул», Москва, Российская Федерация, tearra@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3765-1783>

Анна Дмитриевна Суарэз, кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры методологии психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, anna.suarez.fig@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5935-2498>

ABOUT THE AUTHORS

Vera A. Yakupova, Cand. Sci. (Psychology), Research Fellow at the Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, vera.a.romanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9472-8283>

Maria A. Anikeeva, Clinical and Perinatal Psychologist, Interregional Non-Profit Organization for Advocating for Practical, Informational, and Psychological Support of Families During Pregnancy, Labor, Birth, and Postpartum Period “Professional Doulas Association”, Moscow, Russian Federation, tearra@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3765-1783>

Anna D. Suarez, Cand. Sci. (Psychology), Research Fellow at the Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, anna.suarez.fig@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5935-2498>

Поступила: 23.08.2023; получена после доработки: 06.09.2023; принята в печать: 05.02.2024.
Received: 23.08.2023; revised: 06.09.2023; accepted: 05.02.2024.